КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

октябрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1882 г.

I. МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ. **Гр. П. Галагана**, съ предисловіемъ **П. И. Житецкаго** 1

II. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) **N.** *(Продолженіе)* . . 39

III. ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ. (1831—1861 г.). **Н. Бѣлозерскаго** 66

IV. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ Н. Д. ИВАНИШЕВА (бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммисіи, ректора и профессора кіевскаго университета). **О. Л.** 78

V. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 ГОДА. *(Продолженіе)* 89

VI. РѢЧЬ «О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ» МАЛОРОССІИ . . . 119

VII. ДВА ДОКУМЕНТА О СОСТОЯНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII СТ. 126

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.—б) Polàci a Rusìni. Sepsal prof. Josef Perwolf.—в) D-r Antoni I... Z przeszłości Polesia kijowskiego. Warszawa, 1882.—г) Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы юго-западнаго края. К. 1882. 134

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Къ исторіи Запорожья.—б) Отецъ Аполлоній Сендульскій, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда.—в) Двѣ записки св. Димитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ елецкаго черниговскаго монастыря.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) О днѣ смерти князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго.—е) Украинскій Геліосъ.—ж) Св. муро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали.—з) Кармелюкъ 159

ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кіевская Старина».

ПРИЛОЖЕНІЕ: нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софіевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

ОКТЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ *).

Предварительныя замѣчанія.

Вертепная южно-русская драма издана была еще покойнымъ Н. А. Маркевичемъ [1]) въ книгѣ, которая въ настоящее время вышла изъ продажи, поэтому для читателей „Кіевской Старины“ статья Г. П. Галагана, въ живомъ очеркѣ возстановляющая своеобразныя сцены южно-русскаго вертепа, представляетъ особенный интересъ. Она написана по его сокиринскому списку, представляющему нѣкоторыя отклоненія отъ варіанта, изданнаго Маркевичемъ. Спеціалисты не затруднятся отмѣтить особенности сокиринскаго текста, но ради этихъ особенностей не было надобности въ изданіи самаго текста, довольно близкаго къ напечатанному Маркевичемъ. Гораздо важнѣе объясненіе сценическихъ подробностей, относящихся къ вертепу, и воспроизведеніе самыхъ сценъ вертепа подъ живымъ впечатлѣніемъ идей, составлявшихъ содержаніе старинной нашей

*) Рукопись 1875 г.—Мы глубоко признательны достоуважаемому Гр. П. Галагану за дозволеніе ознакомить нашихъ читателей съ интереснѣйшимъ содержаніемъ его рукописи, особливо-же за доставленіе намъ возможности впервые дать читающей публикѣ потную часть вертепной драмы, драгоцѣнную по ея древнимъ, истинно народнымъ мотивамъ, равно изящный рисунокъ вертепнаго ящика, который можетъ дать наглядное представленіе о способѣ вертепнаго дѣйствія, долгое время поучавшаго и увеселявшаго нашихъ предковъ. Любовь къ родной древности въ этомъ именитомъ родѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія сохранявшая драгоцѣнное наслѣдіе сѣдой древности не въ пылп архивной, не въ сонномъ забвеніи, но в.. ежегодно возобновлявшемся живомъ дѣйствіи, достойная глубокаго уваженія и самыхъ искреннихъ симпатій. Огромный хоръ, прекрасный оркестръ, богатая обстановка сокиринскихъ владѣтелей сообщали воспроизведенію простодушной старины торжественность и великолѣпіе, достойныя его священнаго содержанія и истинно-народнаго значенія.—Ред.

[1]) Обычаи, повѣрья, пухня и напитки малороссіянъ. Кіевъ. 1860 г.

жизни. Чтобы дать читателямъ наглядное представленіе о вертепной драмѣ, къ статьѣ прилагаются 24 музыкальныхъ напѣва, которые сообщаютъ сценамъ вертепа истинно народную физіономію, а также рисунокъ вертепнаго ящика. Съ своей стороны я, по вызову автора, представляю нѣсколько соображеній объ отношеніи южно-русскаго вертепа къ другимъ типамъ драматическихъ представленій, занимавшихъ видное мѣсто въ культурной исторіи нашего края.

Вертепная драма ведетъ свое начало изъ театра маріонетокъ [1]).

Въ западной Европѣ театръ маріонетокъ существовалъ независимо и рядомъ съ мистеріями. Но, по мѣрѣ развитія мистерій, онъ становился достояніемъ народной массы, пониманію которой болѣе доступны были дѣйствія куколъ, чѣмъ богословскіе трактаты, драматизированные въ мистеріяхъ, особенно если взять въ разсчетъ, что дѣйствія куколъ, производимыя скрытыми двигателями, сопровождались не однимъ пересказомъ евангельской исторіи Рождества и Воскресенія Христова, но и народными рѣчами, анекдотами изъ народной жизни, юмористическими замѣчаніями о текущихъ явленіяхъ жизни и т. п.

Такъ было въ католическихъ странахъ Европы и въ католической Польшѣ, такъ было и у насъ на югѣ Россіи.

Что появилось у насъ раньше, мистеріи или вертепная драма, сказать трудно. Первое извѣстіе о вертепѣ относится къ концу XVI в. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года [2]). Безъ сомнѣнія, и въ это болѣе отдаленное время вертепныя сцены стояли въ связи съ школьными мистеріями соотвѣтствующаго содержанія, но позднѣйшій типъ школьной мистеріи, который появился у насъ въ XVIII в., еще не положилъ на вертепную драму своего непосредственнаго вліянія.

Извѣстно, что реформа Лютера произвела своего рода кризисъ въ исторіи средневѣковой драмы. Лютеръ воспользовался ею для пропаганды своихъ идей. Онъ считалъ ее прекраснымъ педагоги-

---

[1]) Marionette – уменьшительное имя пр. Дѣвы Маріи, отсюда маріонетки — не большія статуи или, лучше сказать, куклы, которыя изображали Богоматерь.

[2]) Athenaeum. Крашевскаго. 1843 г. Odział 3.

ческимъ пособіемъ для воспитанія будущихъ проповѣдниковъ въ духовныхъ школахъ и академіяхъ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись орудіемъ постороннихъ цѣлей, оторвавшись отъ народной почвы, духовная драма не могла дальше развиваться. Въ свою очередь и католики внесли тенденціозныя драмы въ свои школы. Таковъ послѣдній періодъ существованія мистеріи въ Европѣ,—послѣдній видъ ея, который носитъ названіе школьной или учебной драмы. Составленіе подобныхъ драмъ вмѣнялось обыкновенно въ обязанность учителю поэзіи, поэтому школьное начало въ видѣ тѣхъ или другихъ господствующихъ воззрѣній на поэтическое искусство проникало въ самое существо драмы. Форма ея начала замѣтнымъ образомъ отдаляться отъ древняго типа, а подъ вліяніемъ возрожденія вкуса къ классическимъ образцамъ, духовная драма сдѣлалась слабымъ снимкомъ съ древней трагедіи. Отсюда прологъ, иногда даже антипрологъ, раздѣленіе на акты съ опредѣленнымъ числомъ сценъ, и притомъ въ сопровожденіи музыки, которою завершался каждый актъ, отсюда миѳологическія имена боговъ для аллегорическаго изображенія отвлеченныхъ идей, иногда-же эти идеи являлись въ чистомъ видѣ, не прикрытыя миѳологической одеждой: таковы, напримѣръ, дѣйствующія лица подъ разными названіями: истина, любовь, радость, плачь, жизнь, смерть и проч.

Наша вертепная драма непосредственно примыкаетъ къ типу школьной драмы, но ее нужно отличать отъ католическаго вертепа.

Въ первой части нашей вертепной драмы нѣтъ тѣхъ игривыхъ подробностей, которыми сопровождалось иногда вертепное изображеніе Ирода въ католическихъ приходахъ. Согласно съ евангельской исторіей, иногда представляли Ирода поклонникомъ женской красоты въ лицѣ Иродіады; по ея внушенію Иродъ приказываетъ отрубить голову Іоанну Крестителю, за что смерть отсѣкаетъ ему самому голову. Умирая Иродъ восклицаетъ: „отъ-се-жъ мені лихо! Якъ-би я знавъ, що всему причиною дівчата, то-бъ не танцювавъ и не жартовавъ: карае за нихъ небесный царь“ [1]). Иногда въ вертепныхъ сценахъ Иродъ являлся въ сопровожденіи жида, совѣтника на всякое злое дѣло, по наущенію котораго Иродъ вы-

[1]) Тихонравовъ. Начало рус. театра. Лѣтоп. рус. литературы. кн. 5-я стр. 23.

сказываетъ угрозу погубить чуть не весь свѣтъ, за что смерть прекращаетъ жизнь изступленнаго царя [1]). Тутъ уже иной мотивъ появленія смерти—демоническая натура самаго Ирода, обставленнаго совѣтниками, ненавистными народу, врагами народнаго блага.

Въ нашей вертепной драмѣ смерть есть мстительница за избіеніе младенцевъ. Всѣ элементы шутливые, простонародные отодвинуты ко 2-му дѣйствію. Въ 1-мъ дѣйствіи нѣтъ ни жида, ни трагикомической погибели Ирода за дівчатъ. Трагическіе моменты дѣйствія отдѣлены отъ комическихъ, при чемъ послѣднія очень слабо связаны съ первыми. Простопародныя сцены представляютъ рядъ веселыхъ интерлюдій, но они поставлены совсѣмъ не такъ, какъ въ старинной мистеріи, т. е. не въ видѣ „междудѣйствій", на которыхъ отдыхалъ зритель, утомленный продолжительнымъ созерцаніемъ важныхъ событій, составлявшихъ обычное содержаніе мистерій.

Въ общемъ расположеніи драматическаго матеріала большое сходство съ нашей вертепной драмой представляетъ „Комическое дѣйствіе" на Рождество Христово Митрофана Довгалевскаго, учителя піитики въ кіевской академіи (1736—1737 г.) [2]). Довгалевскій въ своей піитикѣ, сообразно съ требованіями псевдоклассической теоріи, отдѣляетъ трагедію отъ комедіи и въ послѣдней предлагаетъ выводить на сцену лица низкія, какъ-то: литвина, цыгана, еврея, поляка, козака и т. п. Всѣ эти лица должны выражаться слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ. „Комическое дѣйствіе" на Рождество Христово есть ничто иное, какъ литературный образецъ, написанный для поясненія теоріи. Въ противоположность католическому типу Вертепа, о которомъ мы говорили выше, въ 1-мъ дѣйствіи драмы Довгалевскаго Иродъ поставленъ внѣ бытовыхъ условій живой, народной дѣйствительности,—за то во 2-мъ дѣйствіи объ Иродѣ нѣтъ ни слова, а рѣчь идетъ исключительно о лицахъ низкихъ—о козакахъ, о полякахъ, о евреяхъ и ксендзахъ.

Собственно говоря, содержаніе 1-й части „Комическаго дѣйствія", равно какъ и нашей вертепной драмы, заимствовано глав-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Очерки изъ исторіи Украинской литературы XVIII в. П. Петрова, стр. 68.

нымъ образомъ изъ школьныхъ рождественскихъ мистерій, въ которыхъ не было интерлюдій. Это легко подтвердить ссылками на „Рождественскую драму“, о которой Тихонравовъ высказываетъ предположеніе, что она написана Димитріемъ Ростовскимъ, слѣдовательно, относится къ послѣднимъ годамъ XVII в. [1]). Она могла быть извѣстна Довгалевскому, можетъ быть даже въ болѣе древнемъ первоисточникѣ. Изъ „Рождественской драмы“ Довгалевскій выбросилъ многія аллегорическія подробности, напримѣръ олицетворенія натуры людской, земли и неба, вѣка золотаго и желѣзнаго, разныхъ добродѣтелей и пороковъ человѣческихъ, разныхъ состояній души человѣческой. Весь аллегорическій матеріалъ онъ ограничилъ олицетвореніемъ гнѣва, смерти, декрета Божія и человѣколюбія Божія. „Любопытство звѣздочетское“ онъ представилъ въ конкретномъ образѣ астрономовъ, выступающихъ съ первой интерлюдіи, вслѣдъ за драмой. Но при этомъ образъ Валаама, который въ „Рождественской драмѣ“ выставленъ „звѣздочетцемъ“, Довгалевскій перенесъ въ прологъ своей драмы, а для связи дѣйствія самихъ царей, открывающихъ драму, назвалъ внуками Валаама, которые однако-же не обладаютъ искусствомъ своего дѣда, какъ въ „Рождественской драмѣ“, гдѣ они говорятъ о себѣ: „мы трое равны семи въ ученіи значномъ, въ звѣздочетствѣ“ [2]). Затѣмъ завязка драмы и причины погибели Ирода у Довгалевскаго та-же, какъ и въ „Рождественской драмѣ“.

Совершенно не зависимо отъ „Комическаго дѣйствія“ Довгалевскаго, вертепная драма удержала изъ „Рождественской драмы“ пастуховъ, которыхъ нѣтъ у Довгалевскаго, и образъ плачущей Рахили, тоже опущенный Довгалевскимъ. Пастухи въ вертепной драмѣ—довольно живыя лица съ рѣзкимъ южно-русскимъ колоритомъ. И составитель „Рождественской драмы“ поддѣлывался подъ народный тонъ, но „пастыри“ его Борисъ, Аврамъ да Афоня —говорятъ языкомъ крайне искусственнымъ. Въ славянскую основу этого языка вплетены безъ разбора слова великорусскія и малорусскія. „Здравствуй, о Спасителю“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „намъ нынѣ рожденный!“..

---

[1]) Лѣтоп. Русской литературы Тихонр., т. IV.
[2]) Ibid., стр. 177.

И подушечки иѣму, одѣяльца иѣму,
Чимъ-бы тебе (sic) нашему сорѣтися свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, въ тебе палатъ много,
А здѣсь, что въ вертепишку, лежишь убого" [1]).

А вотъ привѣтствіе пастуховъ въ вертепной драмѣ:

„Отъ-се-жъ и мы, паниченьку, до вашои таки мостi,
Якъ самъ бачишъ, Грицько зъ Прицькомъ припхалися въ гостi...
И янятко принесли изъ сiльскоiо стада,
Нехай буде здорова вся наша громада!"

Въ „Рождественской драмѣ" вмѣсто живой Рахили въ 10-мъ явленіи слышится и плачь, и рыданіе о убіенныхъ отрочатахъ *подобіемъ* плачевной Рахили. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ блѣдными фразами разведенъ этотъ неестественно длинный плачъ, который скорѣе можно назвать проповѣдью на тему: „гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть". Самъ проповѣдникъ называетъ себя „гласомъ Рахили", „вѣстникомъ" ея материнской печали. Между тѣмъ, въ вертепной драмѣ мы видимъ настоящую мать, убитую горемъ о погибшемъ чадѣ: въ сущности это простая сельская женщина, носящая только имя Рахили, поэтому воины Ирода называютъ ее просто бабой. Вообще говоря, даже въ 1-й части вертепной драмы мы видимъ живыхъ людей, а не мертвыя ходульныя аллегоріи, которыми изобилуетъ не только „Рождественская драма", но и „Комическое дѣйствіе" Довгалевскаго. Только одно отвлеченіе—именно смерть—играетъ въ вертепной драмѣ значительную роль, конечно, потому, что народная фантазія давно привыкла представлять смерть живымъ существомъ, независимо отъ позднѣйшихъ школьныхъ вліяній. Очевидно, вертепная драма, заимствуя свое содержаніе изъ школьной мистеріи, перерабатывала его съ большею самостоятельностію, чѣмъ тотъ типъ школьной драмы, который явился позже въ драматическихъ опытахъ Довгалевскаго.

Что касается до 2-й части вертепной драмы, то она вся цѣликомъ составлена изъ народныхъ сценъ. Бытоваго содержанія ея нельзя вывести непосредственно изъ интерлюдій, имѣвшихъ мѣсто въ католическомъ вертепѣ. Можно сказать только, что наша вер-

---

[1]) Ibidem. 167—168.

тепная драма воспользовалась обычаемъ католическаго вертепа вносить яркія картины народной жизни въ вертепное „дѣйство“. Но заимствуя изъ католическаго міра оружіе для защиты праотеческой вѣры, южно-русскій вертепъ закалилъ его въ горнилѣ народнаго духа, народныхъ симпатій и антипатій. Въ сценахъ нашего вертепа нѣтъ тонкаго рисунка лицъ и характеровъ, нѣтъ психологическихъ моментовъ, дающихъ жизнь и движеніе драмѣ, но онѣ богаты изображеніемъ массоваго настроенія, которое управляло отдѣльными лицами, соединяя ихъ въ трудныя минуты жизни для защиты всенародныхъ интересовъ.

Сопоставляя 2-ю часть вертепной драмы съ интерлюдіями Довгалевскаго, приложенными къ „Комическому дѣйствію“, мы видимъ разницу главнымъ образомъ въ постановкѣ народныхъ сценъ. Центромъ дѣйствія Довгалевскій ставитъ не козака, но москаля. Для борьбы съ козаками ляхъ призываетъ другихъ пановъ и заранѣе уже хвастаетъ своею побѣдою. Въ свою очередь козакъ призываетъ на помощь москаля, который обращается къ козаку съ такою рѣчью:

„Козакъ! Пріймайся, не бойся, бери зъ плечей двоихъ!
А я тотъ часъ уберу долгополыхъ отъ тихъ.
А што здесь о рубежахъ они споминали,
Будто ляшонки Украину въ областяхъ держали,
Добро вотъ: покажемъ рубежи кнутами на спинѣ!“ [1])

Между тѣмъ въ вертепной драмѣ главное дѣйствующее лице есть запорожецъ. Въ немъ почиваетъ народная сила, поэтому отъ него исходятъ и къ нему направляются отдѣльныя сцены вертепа [2]).

Но есть въ нашей вертепной драмѣ внутреннее родство съ „Комическимъ дѣйствіемъ“ Довгалевскаго. Мы разумѣемъ отдѣленіе трагическаго элемента отъ комическаго. Еще у Ѳеофана Прокоповича, напр., въ его трагедикомедіи „Владиміръ“, являются они въ смѣшанномъ видѣ,—у Довгалевскаго рѣзче выступаетъ требованіе псевдоклассической теоріи не смѣшивать комическихъ элементовъ

---

[1]) Очерки изъ исторіи Украин. литерат. XVIII в., Петрова стр. 72.

[2]) Разсказываютъ кіевскіе старожилы, что въ сороковыхъ годахъ имъ случалось видѣть представленіе вертепной драмы, въ которой вмѣсто запорожца главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Богданъ Хмельницкій. Нѣтъ-ли какихъ-нибудь

съ трагическими. Въ то-же время Довгалевскій удержалъ кое-что изъ средневѣковыхъ пріемовъ драматическаго искусства: комическія сцены не составляютъ у него отдѣльной драмы, чего требовала псевдоклассическая теорія, но приклеены внѣшнимъ образомъ къ сценамъ трагическимъ, составляя вмѣстѣ съ послѣдними одно цѣлое драматическое представленіе. Это уже не старинная мистерія, въ которой отдѣльные моменты трагическаго дѣйствія оживлялись посредствомъ интерлюдій, т. е. вставочныхъ веселыхъ сценъ, ибо эти послѣднія заняли отдѣльное мѣсто, представляя вторую дополнительную часть драмы. Это особый школьный типъ драмы, не похожій на другіе школьные типы, напримѣръ, на „Рождественскую драму“, изъ которой „Комическое дѣйствіе“ и наша вертепная драма могла позаимствовать содержаніе для начальныхъ сценъ. Но мы видѣли, что въ обработкѣ этого содержанія обѣ послѣднія драмы шли самостоятельно. Моделью для нихъ уже не могла служить „Рождественская драма“; богатое бытовое содержаніе, особенно въ нашей вертепной драмѣ, побуждало выдѣлить комическіе элементы, а своеобразно понятая псевдоклассическая теорія возводила этотъ пріемъ въ правило. Нужно замѣтить при этомъ, что такое устройство драмы было на-руку актерамъ, которые промышляли своимъ искусствомъ среди городскихъ и сельскихъ обывателей. Не вездѣ требовалось представленіе всей драмы цѣликомъ: въ одномъ мѣстѣ зрители могли пожелать строго-благочестивыхъ поучительныхъ картинъ, въ другомъ мѣстѣ могли интересоваться преимущественно смѣшными, веселыми сценами. По обстоятельствамъ можно было представить то и другое. Такъ оно и было конечно въ большинствѣ случаевъ, но не всегда.

Такимъ образомъ, вертепная драма въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, есть школьный типъ драмы, на которомъ отразилось вліяніе позднѣйшей школьной теоріи. Тѣмъ не менѣе, вертепная драма далеко раздвинула рамки простонародности, признанныя теоріей. Приспособленная для всенароднаго употребленія, она представляетъ одно изъ явленій, указывающихъ на живую связь старинной южнорусской школы съ жизнію.

П. И. Житецкій.

Вертепная драма и ея сценическая постановка.

Къ числу остатковъ средневѣковыхъ мистерій и тому подобныхъ представленій принадлежитъ малорусскій вертепъ. Такъ названъ этотъ родъ представленій отъ пещеры, въ которой родился Христосъ. Это событіе составляетъ главное содержаніе вертепной драмы, которая пережила много другихъ средневѣковыхъ представленій, вѣроятно потому, что она соединялась съ обычаемъ хожденія со звѣздою и колядованіемъ во время рождественскихъ праздниковъ. Представленіе вертепа, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія весьма распространенное во всей Малороссіи, въ настоящее время почти совершенно исчезло, подобно тому, какъ, вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ и внутреннихъ, или вѣрнѣе—вслѣдствіе всей совокупности историческихъ явленій, исчезаютъ съ неудержимою быстротою и другія старинныя черты мѣстной жизни.

Совершенно случайно, вслѣдствіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, старинный вертепъ съ его представленіями сохранился въ имѣніи моемъ Сокиринцахъ, прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи. Не знаю, водилось-ли представленіе вертепа въ домѣ моихъ предковъ въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія: и тогда, вѣроятно, производилось оно захожими артистами, но, по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, причемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи стольихъ лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго текста. Какъ-бы то ни было, мы видимъ въ настоящемъ видѣ сокиринскаго вертепнаго текста,

которые способствуютъ вѣрному представленію понятій, вкусовъ и даже взаимныхъ отношеній людей половины прошедшаго столѣтія въ малороссійскомъ краѣ. Самыя пѣсни и стихи проникнуты схоластическимъ характеромъ академіи того времени, съ сильнымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ: это языкъ различныхъ стихотвореній, рѣчей, надгробныхъ надписей, эпохи между Стефаномъ Яворскимъ и Сковородою. Что касается до мелодіи пѣсень, то она замѣчательна въ томъ отношеніи, что вполнѣ проникнута мѣстнымъ характеромъ. Имѣя всѣ свойства священныхъ напѣвовъ, эта музыка совершенно малороссійская, безъ всякой чуждой примѣси. Она исполнена какой-то неподражаемой доброй простоты, дѣйствующей на душу своимъ успокоительнымъ и смягчающимъ свойствомъ.

Переходя къ описанію самаго вертепнаго представленія, считаю нужнымъ напередъ замѣтить, что вертепный ящикъ имѣетъ видъ небольшаго домика, раздѣленнаго на два яруса. За задней стѣной этого домика, дѣйствуетъ скрытый исполнитель представленія: онъ водитъ куклы и фигуры по путямъ, прорѣзаннымъ въ полу театра, и говоритъ за нихъ различными голосами, сообразно ролямъ дѣйствующихъ лицъ. Весь вертепъ имѣетъ 2 аршина съ 1 вершкомъ въ вышину и $1^1/_2$ аршина въ ширину. Верхній ярусъ его посвященъ изображенію святаго семейства и дѣйствіямъ, сопровождающимъ явленіе Христа. Нижній ярусъ предназначенъ для свѣтской части представленія: въ первомъ дѣйствіи изображается судьба Ирода, избившаго младенцевъ, во второмъ идетъ рядъ сценъ изъ жизни бытовой.

Дѣйствіе начинается въ верхнемъ ярусѣ.

Прямо передъ зрителями, въ углубленіи, сидитъ Дѣва Марія съ младенцемъ на рукахъ; возлѣ нея, съ одной стороны—праведный Іосифъ, съ другой, по обыкновенію, нѣсколько домашнихъ животныхъ. Представленіе открывается хоровымъ пѣніемъ:

Ньнію время и молитві часъ.

См. въ приложеніи № 1-й.

По окончаніи пѣсни въ нижнемъ ярусѣ выходитъ пономарь въ подрясникѣ и съ косою. Онъ кланяется на всѣ стороны и тонкимъ

Востаните отъ сна и благо сотворите:
Рождшагося Христа повсюду возвістите.
Сіе вамъ охотно глаголю, да благословите:
Пойду, позвоню...

За симъ онъ подходитъ къ привѣшенному между колонками колокольчику, звонитъ и уходитъ, а хоръ исполняетъ цѣлый рядъ священныхъ кантовъ. (См. № 2-й).

По окончаніи пѣнія въ верхнемъ ярусѣ являются два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Послѣ поклоновъ на всѣ стороны, одинъ ангелъ подходитъ къ боковой двери и говоритъ:

Востаните, пастыріе, и бдите зѣло,
Яко се приспѣло Рождество Спасово...

Вслѣдъ за этимъ призывнымъ голосомъ ангеловъ, хоръ поетъ:

Слава буди во вышнихъ Богу! (См. № 3-й, купл. 1-й).

По окончаніи перваго стиха пѣсни слышится за стѣной вертепа разговоръ двухъ пастуховъ:

— „*Грицьку!*“—„*А що, Прицьку?*“
— „*Вставай хутенько,*
Да выберемъ ягня,
Да притко підемо геть-геть на гору,
Може ще й мы поспіемо въ пору“.

За симъ хоръ продолжаетъ пѣніе новыхъ кантовъ, тѣмъ-же напѣвомъ. (См. № 3-й, куп. 2 и 3-й).

По окончаніи хороваго пѣнія, въ верхнемъ ярусѣ появляются пастыри. Это два малороссійскіе пастуха, съ чубами и усами, въ коротенькихъ нагольныхъ полушубкахъ и кожаныхъ постолахъ. Одинъ изъ нихъ несетъ подъ мышкой ягненка. Они становятся предъ Дѣвой Маріей, кланяются и одинъ изъ нихъ говоритъ:

Отъ-се-жъ и мы, панченьку, до вашої таки мості,
Якъ самъ бачишъ, Грицько съ Прицькомъ прихалися въ гості...
И ягнятко принесли изъ сільского стада,

Испросивъ позволеніе „пісню заспівати“, они въ два голоса поютъ извѣстную колядку:

Нова рада стала... (См. № 4-й).

По окончаніи колядки, скрипки играютъ малороссійскую „дудочку“ (№ 5-й), а пастухи танцуютъ, приговаривая: „зуба зуба на сопілку“, затѣмъ удаляются со сцены съ такими словами:

Спасибі вамъ, панченьку!...
Мы-бъ и довше тутъ гуляли,
Такъ, признаться, хлѣба зъ дому не брали...

Между тѣмъ хоръ поетъ:

Днесь Иродъ грядетъ во своя страны... (См. № 6-й).

Въ нижнемъ ярусѣ, гдѣ посрединѣ стоитъ тронъ Ирода, появляются три воина, осматриваютъ комнату и тронъ, послѣ чего входитъ Иродъ и садится на тронъ, а воины удаляются. Иродъ одѣтъ въ порфиру и съ короной на головѣ, а воины въ солдатскихъ мундирахъ и въ каскахъ.

Хоръ продолжаетъ пѣть второй куплетъ предыдущей пѣсни, по окончаніи которой входятъ три царя—въ шубахъ и съ коронами на головахъ. Хоръ поетъ новымъ напѣвомъ:

Шедше тріе цари ко Христу со дари,
Иродъ ихъ призваси, куда идутъ—испроси. (№ 7, куп. 1).

Между куплетами этой пѣсни происходятъ различныя сцены и разговоры. Послѣ перваго куплета, Иродъ обращается къ тремъ царямъ съ вопросомъ, куда они идутъ. Онъ говоритъ голосомъ важнымъ, рѣчью оффиціальною, съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ. Цари отвѣчаютъ ему смиреннымъ тономъ, что идутъ они къ „Христу новорожденному“. Иродъ коварно проситъ ихъ, чтобы они извѣстили его о мѣстѣ рожденія Христа, чтобы и онъ могъ поклониться ему, какъ Царю. По окончаніи разговора Ирода съ царями, хоръ поетъ второй и третій куплеты начатой пѣсни. Во время пѣнія зажигается звѣзда на самомъ верху вертепа, причемъ хоръ поетъ четвертый куплетъ, затѣмъ въ верхнемъ ярусѣ являются цари, поклоняются Христу и кладутъ къ ногамъ его дары.

Поклонившись Христу, цари собираются идти далѣе, но на встрѣчу имъ является ангелъ и предупреждаетъ ихъ, чтобы они не довѣряли Ироду и шли другою дорогой. Цари благодарятъ ангела за совѣтъ и просятъ его, чтобы онъ провелъ ихъ другою дорогой. Они уходятъ съ ангеломъ, а хоръ продолжаетъ пятый, шестой, и седьмой куплеты той же пѣсни.

По окончаніи пѣнія, сцена снова переносится въ нижній ярусъ, гдѣ Иродъ сидя на тронѣ выражаетъ досаду свою, что его обманули цари, какъ простого мужика. Онъ зоветъ къ себѣ воиновъ и велитъ имъ обойти всѣ города его царства и безпощадно избить всѣхъ младенцевъ. Воины удаляются, а хоръ поетъ новую пѣсню, на новый мотивъ:

Перестань рыдати, печальная мати!... (№ 7-й, купл. 1-й)

Во время исполненія этой пѣсни воинъ вводитъ къ Ироду Рахиль, держащую на рукахъ малое дитя. Она одѣта по малороссійски, съ *намѣткою* на головѣ, *въ плахту* и въ *запаску*. Вообще должно замѣтить, что въ малороссійскомъ вертепѣ, даже въ священно-исторической его части, лица второстепенныя, какъ-то: пастыри, Рахиль и проч. сохраняютъ въ костюмахъ вполнѣ мѣстный народный характеръ: это та-же особенность, что и въ картинахъ священнаго содержанія до-Рафаэлевской школы. Воинъ объявляетъ Ироду, что во всемъ царствѣ его только одинъ младенецъ Рахили и остался, но „мать хочетъ замѣнить его смерть собою“. Онъ спрашиваетъ царя, какъ быть, и получаетъ въ отвѣтъ приказъ „отроча убить“. Воинъ подымаетъ дитя на копье и съ нимъ уходитъ, а Рахиль начинаетъ рыдать, метаясь по сценѣ; хоръ между тѣмъ поетъ второй куплетъ пѣсни. На упреки Рахили Иродъ отвѣчаетъ:

„Полно, полно, баба, шуметь,
За убитымъ уже нечего жалѣть.“

Хоръ утѣшаетъ убитую горемъ мать, исполняя третій куплетъ пѣсни:

„Не плачь, Рахиле, видя чадо не живе“...

Рахиль осыпаетъ Ирода проклятіями, но является воинъ и выталкиваетъ ее.

Послѣ сцены съ Рахилью, Иродъ оставшись наединѣ, въ раздумьи, говоритъ:

„Увы! Какая сила времень, вдругъ сдѣлалась перемѣна,
Думалъ жить вѣчно, напротивъ того приходитъ и кончина.
Однакожъ еще со смертью воеватися буду“...

Онъ приказываетъ воинамъ стать у порога и, чтобы не убѣжала смерть, ловить ее, „якобы мога“. Воины исполняютъ приказаніе царя, а хоръ поетъ грозную пѣсню, возвѣщающую царю о приближеніи смерти. (№ 9, кун. 1-й).

Между тѣмъ въ дверь врывается и страшная гостья, изображенная, какъ обыкновенно, въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ. Воины въ страхѣ убѣгаютъ, а смерть обращается къ Ироду со словами:

„Что ты, Ироде несытый,
Почто сіе болтаешь,
Мене убити—
Своимъ воинамъ повѣлѣваешь?
Я въ помощь призвоу
И свою брата,
Изъ пропасти ада.
Выйди, брате, друже любезный, пособити,
Кровопійцу Ирода отъ земли истребити.“

По вызову смерти является чортъ. Наружный видъ его снятъ съ обычныхъ рисунковъ церковной живописи: цвѣта онъ чернаго, съ выпученными глазами, съ красною грудью, съ хвостомъ, рогами и черными крыльями. При входѣ его за сценой слышится:

„Гу, гу, гу, гу!
Почто, другиня, требуеши на пораду?“

Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, онъ приказываетъ сестрѣ своей, смерти, поднять косу и убить Ирода

„Во главу,
Щобъ знали повсюду нашу державу!“

Въ виду смерти Иродъ обнаруживаетъ безполезную заносчивость, говоритъ о своей славѣ и силѣ, но смерть прекращаетъ жизнь жестокаго и властолюбиваго царя, ударяя его своею косою, а хоръ провожаетъ душу его въ адъ, выражая желаніе, чтобы она тамъ вѣчно пребывала. (№ 9, купл. 2).

Вслѣдъ за тѣмъ чортъ подходитъ къ убитому Ироду, заключаетъ его въ свои объятія и говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезний!
Довго ждавъ я тебе въ глубочайшій безднѣ...

При этомъ за стѣной вертепа произносится правоученіе:

Отъ-такъ беруть, а такъ несуть
Роскошниківъ сёго світа,
Понеже вони не могуть
Отдать передъ Богомъ одвіта...

Ту же мысль выражаетъ и хоръ въ заключительныхъ словахъ своей пѣсни, которою заканчивается первое дѣйствіе.

(№ 9-й купл. 3).

Вторая часть вертепнаго представленія заключаетъ въ себѣ свѣтскія и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто народныя сцены, въ которыхъ являются почти всѣ разряды лицъ, дѣйствовавшихъ въ малороссійскомъ краѣ въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Сцены эти далеко не лишены внутренняго значенія и юмора и могутъ служить вѣрнымъ отраженіемъ своеобразной жизни края и его обитателей съ ихъ понятіями и привычками, съ ихъ воззрѣніями на жизнь и людей. Въ пестрой смѣнѣ лицъ второго дѣйствія, по видимому, нѣтъ послѣдовательности и связи, но уже то обстоятельство, что надъ всѣми дѣйствующими лицами господствуетъ запорожецъ, указываетъ на основную идею, соединяющую отдѣльныя сцены въ одно цѣлое. Запорожецъ, представленный въ вертепѣ, видимо принадлежитъ уже ко времени упадка „славнаго товарищества“, когда Сѣчь высылала изъ себя уже болѣе гайдамаковъ, героевъ партизанской войны за вѣру и народность, чѣмъ воиновъ съ строгимъ характеромъ старыхъ сѣчевиковъ. Отъ такого времени упадка Запорожья оставались въ Малороссіи слѣды довольно долго: еще въ

двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія малороссіяне часто употребляли слово „запорожецъ“, для выраженія понятія о грубости и даже злости. Не менѣе того въ личности вертепнаго запорожца находятся и черты еще свѣжаго тогда прошедшаго, о которомъ воспоминаніе возбуждало въ слушателяхъ живое сочувствіе и подобострастное уваженіе къ силѣ народнаго героя. Въ рѣчахъ запорожца много глубокаго своеобразнаго юмора, а въ его дѣйствіяхъ много сознанія силы и господства, хотя и выражающагося въ грубой формѣ: онъ всѣхъ и все побѣждаетъ, нанося смертельные удары кому попало, даже самому чорту, котораго онъ и въ грошъ не ставитъ, одинаково не понимая, ни чувства уваженія къ кому бы то ни было, ни чувства страха предъ кѣмъ или чѣмъ либо.

Появленію запорожца предшествуетъ цѣлый рядъ различныхъ сценъ какъ-бы нанизанныхъ одна на другую безъ внутренней связи, но тяготѣющихъ къ общему центру. Только въ первыхъ двухъ сценахъ „діда и бабы“ и „солдата съ красавицей“, выведена связь этого втораго дѣйствія съ первымъ, такъ какъ въ нихъ говорится о Рождествѣ Христовомъ и смерти Ирода.

Дідъ и баба, являющіеся первыми на сцену, одѣты въ крестьянскія платья и дідъ такъ начинаетъ свою рѣчь:

„Отъ теперъ-же и мы, бабусенько, дождалися, якъ Ирода не стало“, при чемъ приглашаетъ молодичку потанцовать по этому случаю. Баба сначала отказывается отъ танцевъ, опасаясь: „щобъ наши танці, та не вшли насъ въ лихо“. „Де бъ забраться у тісный кутокъ, та и істы хлібъ собі тихо“. Дідъ настаиваетъ на своемъ, хоръ поетъ извѣстную пѣсню:

„Ой підъ вишнею, підъ черешнею“ (№ 10).

и баба не устояла противъ искушенія: оба они потихонько танцуютъ. Такимъ наивнымъ образомъ въ лицѣ діда и бабы изображается радость народа о смерти Ирода. Но вотъ неожиданно на сцену является солдатъ въ мундирѣ временъ Александра перваго (вѣроятно передѣланный изъ Екатерининскаго) и производитъ порядки. Онъ обращается къ діду и бабѣ съ грозною рѣчью:

„Кой васъ чортъ здѣсь развеселилъ?
Вѣдь тотчасъ потащу къ офицеру,
Чтобы вы знали христіанскую вѣру“.

Дѣдъ и баба убираются, а солдатъ произноситъ длинную рѣчь о Рождествѣ Христовомъ и о дѣйствіяхъ Ирода. Въ текстѣ этой рѣчи ничего нѣтъ особенно замѣчательнаго; это просто повѣствованіе изъ священнаго писанія, съ соотвѣтствующими разсужденіями, изложенными въ тяжелыхъ стихахъ. Не совсѣмъ понятно, почему подобная рѣчь вложена въ уста солдата, къ которому она вовсе не идетъ. Не сдѣлали-ли этого составители вертепа съ цѣлію показать свое знаніе великорусской рѣчи, которая въ половинѣ XVIII вѣка была еще новизною въ Малороссіи?

Послѣ рѣчи солдата, выходитъ къ нему на сцену госпожа, называемая красавицей Даріей Ивановной. Начинаются взаимныя привѣтствія, и потомъ эта пара танцуетъ подъ звуки комаринской (см. № 11-й). Не успѣли танцующіе вдоволь повеселиться, какъ за сценой слышенъ барабанъ. Солдатъ спѣшитъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей и, выступая въ походъ, на вопросъ красавицы, когда они увидятся, говоритъ: „прощай навсегда“!...

На смѣну солдата является воинъ другаго типа, въ лицѣ гусарина-венгерца. Въ вертепномъ представленіи типъ этотъ смѣшанный, не то мадьярскій, не то сербскій,—вѣроятно такъ называемый ново-сербскій пикинеръ. Гусаринъ начинаетъ свою рѣчь съ какого-то мадьярскаго ругательства, смѣшаннаго съ сербскими словами:

„Терентетъ басà, мàленька басà и вѐлко басà,
„Мдя пòля, мдя вòда, мдe блѝто, мое злàто,
„Мое свe“...

Съ этой сцены продолжается группировка дѣйствующихъ лицъ по народностямъ: къ гусарину выходитъ мадьярка, они цѣлуются и танцуютъ подъ звуки пѣсни:

Гусаръ коня наповавъ (см. № 12-й).

Послѣ мадьярской пары является цыганъ. Ему посвящена довольно длинная сцена, въ которой малороссійскій юморъ и насмѣшка надъ цыганомъ, уступающимъ развѣ только жиду въ ан-

тинатіи къ нему народа, находитъ для себя полное примѣненіе. Цыганъ выѣзжаетъ верхомъ на клячѣ. Его рѣчь испещрена разными непонятными словами, заимствованными, вѣроятно, изъ цыганскаго языка, который нашъ народъ такъ часто слышитъ на ярмаркахъ. Цыганъ, сидя верхомъ, говоритъ:

Діги, діги,
Забувъ батько дуги!
На шляхъ да-ри-да-ти,
Бо йду съ праздникомъ поздравляти...

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Гей! Криця—не лошиця,
Кремінь—не кобыла:
Якъ біжить, ажъ дрожить,
Якъ впаде, то й лежить!

При этомъ кобыла падаетъ и цыганъ летитъ на землю. Цыганъ продолжаетъ:

Пху! Побила-бъ тебе нещаслива година,
Іре-пре-прекаторжного ты батька скотина!
Щобъ тобі ні стрило, ні брило,
Щобъ тебе на світі не було!
Одинъ-однимъ зубъ держався,
Та й той теперъ у сніту зостався!

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, продолжаетъ:

Панове! Хто хоче—будемъ міняти,
Бо далебі, що стоіть її продати!
Що-жъ? Ніхто ні шажка, ні копієчки не хоче дати?
А тутъ-то кобыла суча
Брикуча.
Хочъ ребра въ еі и дуже видно,
Та вже-жъ за годъ поправити можна,
Коли жива буде,
То боятимуться її люде:
Отъ дивіться, якъ вона, суціна,
Дуже біга!

Цыганъ бьетъ кобылу и кричитъ:

До шатра! До шатра! До шатра!..

Кобыла вскакиваетъ и убѣгаетъ.

Охъ, юсти-жъ, юсти,
Смаженої капусти!
Хочъ-бы сальцемъ зашаровати,
Та добре попировати!

Но старому цыгану не суждено было попробовать капусты съ любимымъ „сальцемъ“

Иди, батьку, кличе мати вечеряти,—говоритъ ему сынъ.

— *А що тамъ доброго, сынку, варили?*

— *Казала мати: „нічого“.*

— *А хлібъ же є?*

— *Де бъ вінъ взявся? нема!*

— *Такъ дарма! Вечеряйте собі на здоровье, а я зъ добрыми людьми погомоню!*

Ту-же печальную вѣсть слышитъ цыганъ и отъ своей жены, которая появляется на сценѣ съ кувшиномъ въ рукѣ:

Гараську, Гараську!
Изъіла собака порося и паску,
Да щей перець вынюхала:
Теперъ кого пенятн?
Піде хліба узяти“...

Цыганъ упрекаетъ свою жену, подозрѣвая ее въ обманѣ: „И, стара котюга!“

„Ще й тобі мене дратовати?“—отвѣчаетъ ему жена.

Знавъ-бы собі міхомъ подувати
Та залізо кувати.
Якъ ударю тебе кинвою сіею,
То не будешъ знущаться надъ бідностю моєю!

Съ этими словами она даетъ своему супругу пощечину. Цыганъ грозитъ ей плетью:

„Охъ, жінко, жінко!
Якъ почну я тебе отъ симъ серцемъ латати,
То вся шкура на тобі буде тріщати“

Смирилась цыганка.

„И не май мене,
И не бий мене,
Принесу тобі борщику
Въ поливянімъ горщику“.

Цыганка приноситъ что-то въ кувшинѣ, приговаривая:

„Тутъ-то страва, тутъ-то люба:
Покуштуешъ—звисне губа!“

Цыганъ пьетъ съ жадностью, потомъ отплевывается и говоритъ съ досадою:

„Побила-бъ тебе година лихая!
Така твоя страва, якъ и ты—дурная!
Борщъ твій похожій на ракову юшку!“
—*„Кидала, мій миленькій, цибулю й петрушку“*, отвѣчаетъ цыганка,
„А ще для свого господаря
Кусокъ сала изъ комаря!“

Сцена заканчивается, какъ и предыдущія, пляскою. Цыганъ съ цыганкою поютъ и танцуютъ. (См. № 13).

Слѣдующая затѣмъ сцена посвящена народности польской. Появляется предъ зрителями польскій панъ, одѣтый въ кунтушъ съ рукавами на вылетѣ. На головѣ у него конфедератка. За нимъ слѣдуетъ молодой хлопъ. Панъ говоритъ по-польски нѣсколько уже искаженнымъ нарѣчіемъ:

А цо тута слыхать галась?
Ньхъ дзябло въземъ гайдамацъ!
Идзь, хлопку, до женскои палацъ!

Мальчикъ уходитъ, а полякъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

А цо, панове?
Я изъ дзяда, изъ прадзяда уродзоний естемъ шляхтичъ!
Былемъ ве Львовъ,
Былемъ въ Краковъ,
Былемъ въ Кіёвъ,

Былемъ въ Варшавѣ и Платавѣ,
А теперь естемъ у ясновельможного пана... (имя рекъ).
Ктурому до нугъ падамъ,
Жичу здрувья и многа лята!

Затѣмъ слѣдуетъ обычное появленіе женщины—соотвѣтственно народности дѣйствующаго лица. Жена поляка въ сокиринскомъ варіантѣ почему-то названа платавкой. Она цѣлуется съ мужемъ и оба танцуютъ подъ звуки краковьяка (№ 14). Мальчикъ выглядываетъ изъ за дверей и тоже танцуетъ, наконецъ, выскакиваетъ на сцену и начинаетъ танцовать за спиною пана; оба сталкиваются, панъ падаетъ и кричитъ:

„А пудзь до дзябла, лайдакъ:
Я цѣ батогами забію!“

Тогда полька обращается къ мужу съ словами:

Пшепрошамъ пана Яна!
Идзь зе мнѣ,
Бо ціебѣ гайдамака забіе.

Полякъ заносчиво отвѣчаетъ:

„Цо ты, не эдуковàна кобіто, мувишъ?
Якъ Бога кохамъ,
Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!“

Здѣсь происходитъ сцена весьма характеристическая; только что полякъ произнесъ свои хвастливыя слова, какъ раздается за сценой пѣсня запорожца:

Та не буде лучше,
Та не буде крашче,
Якъ у насъ, та на Украіні!
Що немае жида,
Що немае ляха:
Не буде изміни! (№ 15).

Трудно было-бы ожидать отъ маленькаго, скромнаго театра маріонетокъ такой знаменательной и характерной сцены.

Чрезвычайно умѣстны звуки этого величаваго и глубоко народнаго напѣва короткой исторической пѣсни, похожей скорѣе на

всенародный возгласъ южной Руси, проносившійся по ней отъ края до края всякій разъ послѣ того, какъ народъ кровію и страданіями хоть на время отстаивалъ отъ захватовъ запада свою русскую народность и восточное благочестіе. Можетъ быть, составители вертепнаго представленія и не задавались глубокими соображеніями о значеніи этой сцены, въ которой вслѣдъ за рѣчами самонадѣяннаго поляка является запорожецъ съ своею величавою, знаменательною пѣснью; но довольно того, что они брали сцены съ натуры, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавнихъ тогда событій, и великое даетъ себя чувствовать даже въ мелкомъ кукольномъ представленіи.

Заслышавъ звуки пѣсни запорожца, полякъ быстро убѣгаетъ и на сцену является запорожецъ. Онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ фигуръ вертепа, одѣтъ въ широкіе красные шаровары и синюю куртку, обшитую галуномъ. Въ правой рукѣ у него булава, съ выбритой головы виситъ чуприна. Вошедши на сцену, онъ поворачивается въ ту сторону, куда бѣжалъ полякъ, и произноситъ слѣдующій, драгоцѣнный по историческимъ чертамъ, монологъ:

На, на! махнувъ,
Мовъ паньскій хортяга,
Або опареный песъ!..
Що то за народъ
Изъ ихъ пресмѣлый,
Що самъ и въ огонь не вскочитъ,
Хиба его силою впрешъ!—
Хоть дивись на мене,
Та ба не впадаешъ,
Відкиль родомъ
И якъ зовуть;—
Ни чичиркъ не знаешъ!
Коли трапляось кому
У степахъ бувати,
То той може призвище
Мое угадати...
А въ мене имя не одно,
А есть ихъ до ката;

Такъ зовуть,
Якъ набіжишъ
На якого свата:
Жидъ, зъ біды,
За рідного батька почитае,
Милостивымъ добродіемъ
Ляхва называе,
А ты, якъ хочъ, назови,
На все позволяю,
Абы лишъ не назвавъ крамаремъ,
За те то полаю.
Теперъ, бачу, на світи біда,—
Що мене одцурався рідъ.
Не бійсь, якъ бувъ богатъ,
То казали: Иванъ братъ;
А теперъ, якъ нічого не маю,
То нихто й не знае.
А якъ розживется голота
Дай загуляе,
Тогді до чорта роду
И всякій пізнае.
Відкіль родомъ
Я на світі,
Всякъ изъ васъ
Може знать приміты.
Жінокъ въ Січі немае,
Всякъ тее знае.
Хиба скажешъ:
Зъ Рима родомъ,
Або зъ пугача
Дідъ мій плодомъ?
Но въ тімъ собі милишъ [1]),
Инаково ливишъ (?).
У насъ сугакивъ тільки сліды,
Дикії кони намъ сусіды,

[1]) Ошибаешься, обманываешь себя.

Да дніпрове сремя,—
О то наше племя!
Правда, якъ кінь въ степний волі,
То такъ козакъ не безъ долі:
Куды хоче, туды скаче,
За козакомъ никто не заплаче.—
Гай, гай! якъ я молодъ бувавъ,
Що то въ мене була за сила!
Було, ляхивъ борючи, и рука не мліла.
А теперъ и вошъ сильніша
Відъ ляхивъ сдается,
Плечи и ніги болять,
Якъ день попобьеся.
Такъ то бачу, що уже
Не добра літъ нашихъ година:
Скоро цвіте и вьяне,
Якъ у полі билина.
Хочажъ мені и не страшно
На степу вмірати,
Да тільки жаль,
Що нікому буде поховати:
Татаринъ цураеться,
А ляхъ не приступить,
Хиба яка звіряка
За ногу въ байраки потягне.
И справді, пристарівшись,
На Русь пійти мушу,
Бо тамъ одномінають
Попы мою душу.
Тільки жъ мені и нечуеця
На лаві вмирати,
Бо щежъ мене тяне охота
Зъ ляхами цуляти.
А хай мині що небудь
Прикинуть для смерти,
То ще жиду або ляху
Мушу носи отерти.

Хочъ уже мало изледащивъ,
Однакъ чують плечи:
Здаеця поборовся бъ
Ище зъ ляхами гречи,
Ище бъ прогнавъ шоронку
За Вислу хочъ трохи;—
Гинули бъ ляхи
Якъ отъ жару блохи!
Трохи ляхва угадала,
Що лошака даровала.

Случалось мині и не разъ
Въ степу варить пиво:
Пивъ турчинъ,
Пивъ татаринъ,
Пивъ и ляхъ на диво;
Багацько лежить
И теперъ зъ похмілья
Мертвіхъ головъ и кистокъ
Одъ того весілья.
Надія въ мене певна—
Мушкетъ сіромаха,
Да ще не заржавіла
И шабля моя сваха.

Хоча вона и не разъ
Наюхою вмилась,
Таки й теперъ
Якъ бы розізлилась,
То не одинъ католикъ
Лобомъ двинымъ (?) стане,
Коли-жъ втікать схватиться,
То на спису застряне.
Да якъ и лукъ натягну.
Брязну тетивою,
То мусить съ поля втікать
Ханъ крымській зъ ордою.
Гей, путе-жъ вы, степы.
Горіть пожарами!

Бо вже часъ кожухи мінять
На жупаны зъ ляхами.
Де ярмарокъ добрый,—
Удача покаже,
Да въ барыші жидъ зъ ляхомъ
Не одинъ поляже.

Пекъ имъ! якъ наможуться,
До мусишъ уступити
За шкатулу червонихъ
Золотомъ литихъ
Кожухъ шкарупиный.

Скинемъ имъ до ката,
Абы якъ одцураться
Упрямого свата,
Да вже біжимъ до Січи
Могорычу пити!

Цуръ имъ! бодай ихъ!
Якъ повыкли ляхи
Насъ дурити.

Козакъ Иванъ Виногура,—
У ёго добра натура,—
Въ Польщи ляхівъ оббирае,
А въ корчмі пропивае.

Въ степахъ бобры та лисиці,
А въ шинку дівки да молодиці.
Козакъ, душа правдивая,
Сорочки немае;
Коли не пье, такъ воши бье,
Таки не гуляе.

Надъ бандурою.

Гей, бандуро моя золотая!
Коли-бъ до тебе жінка молодая,
Скакала-бъ и плясала-бъ до лиха,
Що не одинъ бы чумакъ
Одцурався бъ соли й міха.

Або якъ заграю,
То не одинъ поскаче,
А, підождавши, одъ того весілья
Та ще й заплаче.

Появленіе запорожца вызвало на сцену и всю обычную его обстановку: первое лице, являющееся къ нему, есть шинкарка Феська.

„А здорова, шинкарко,
Здорова, пілтавко!
Якъ я тебе давно бачивъ!“
—*„Якъ бачились у Ромні*
Объ Илы,
Та и досі ні“

Этотъ отвѣтъ похожъ на мѣстную приставку, такъ какъ въ то время въ нашей мѣстности Ильинская ярмарка въ Ромнѣ имѣла большое значеніе. Грубый сѣчевикъ начинаетъ заигривать съ шинкаркой:

Такъ, Фесю, такъ!
Поцілуй-же мене по знакомості у крутый усокъ...
Отъ-такъ, цмокъ!
Ще поцілуй и въ чуприну
Хоть разокъ!
Поцілуй ще въ булаву!
А теперъ потанцюй съ козакомъ,
Бо дамъ и прочухана!

Они танцуютъ козачка подъ музыку весьма стариннаго напѣва (№ 16).

Своенравному запорожцу надоѣдаетъ Феська, онъ ее прогоняетъ и продолжаетъ танцовать одинъ. Но Феська, какъ чаровница, не оставила обиды безъ мщенія: она послала козаку двѣ змѣи, которыя кусаютъ его и онъ съ крикомъ: „ой, лишечко! гадъ, гадъ“, выражаетъ желаніе, чтобы пришла поворожить цыганка, которая и является.

„Поворожи, будь ласкава! я тобі оддячу—
Хочь не зъ рукъ, то на вкидячу“.

Цыганка съ сожалѣніемъ говоритъ: „Охъ милый, волошину чорнобривый! се тобі Феська наробила, що тебе гадюка укусила“,— послѣ чего она начинаетъ ворожить, говоря козаку на выворотъ недоброжелательныя слова:

Ходила цыганка по горахъ, по долинахъ,
Носила пісокъ на вилахъ;
Скілки на вилахъ сдержиться пуху,
Стільки въ тобі, козаченьку, духу.
Вставай та дохідъ давай, бо вже ты,
Козаченьку, зовсімъ здоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на вывороченную ворожбу цыганки, запорожецъ выздоравливаетъ.

О, спасибі тобі, цыганко, говоритъ онъ, *що ты мене відъ смерти відвадала, теперъ-же потанцюй изъ козакомъ, бо дамъ и прочухана.*

Они вдвоемъ немного танцуютъ (см. № 17), послѣ чего цыганка начинаетъ просить вознагражденія:

Не жалуй, батеньку, копієчки, та дай дві.

— *Що ты, цыганко, кажешъ?—Бо якъ просять, то не дочуваю.*

Цыганка повторяетъ свою просьбу о двухъ копѣйкахъ.

— *На що тобі, або за що?—скажи мені, будь ласкава,* спрашиваетъ козакъ.

— *Абъ собі, мій голубе сизый, рыбки купила.*

— *Може бъ ты, цыганко, и товченики їла?*

— *Та їла бъ, козаче-бурлаче, та де-то ихъ узять!*

„Оцаплена твоя голова!“—отвѣчаетъ запорожецъ. „Чому ты мені давно не сказала, я бъ тобі оцю новну пазушину наздававъ Отъ тобі товченики!“... приговариваетъ козакъ, ударяя цыганку и прогоняя ее со сцены. Послѣ этого онъ продолжаетъ танцовать одинъ (см. № 18).

Наконецъ, утомившись, онъ чувствуетъ потребность выпить, „бо такъ щось дуже на языку сухо“. Онъ подходитъ къ одной изъ боковыхъ дверей, которая должна изображать шинокъ Феськи и тутъ начинается сцена, вѣроятно, часто повторявшаяся въ тѣ времена, когда козаки разбивали шинки и доставали даромъ водку,

которую имъ отказывали давать въ кредитъ и за которую они потомъ незамѣтно расплачивались очень дорого.

Фесю, відчини! Не чуешъ? Фесю сердце, любко, голубко, відчини! Не чуешъ? Бодай ты зозулі не чула! Відчини, капостна халява, а не то—Бігъ мене вбий—коли віконъ не выбью и дверей выставлю!

Угрозу свою козакъ приводитъ въ исполненіе: онъ разгоняется и лбомъ высаживаетъ дверь.

Слѣдующая сцена рисуетъ мирное настроеніе еврейской пары, которая воспоминаетъ библейскія времена, когда—

Явреевъ самъ Богъ засцисцавъ,
За огненнымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
Сце друге цудо вінъ луцее изробифъ,
Якъ у Цорному морю все війско затопифъ.
Мовсей, Аронъ, Давидъ—вони-жъ пакъ насі святиі,
Озидали-зъ Месіаса и тиі.
Вінъ пакъ, якъ прійде,
Кругомъ насъ обійде
И сказе такъ:
„Цесні явреі! Я—царь васъ,
Теперь и світъ весь насъ“.
Теперь, Суро, нумо танцювати
Та горілку продавати.

Еврей и еврейка танцуютъ подъ музыку (№ 19).

Въ это время раздается стукъ въ двери. Еврей обращается къ женѣ:

Бізи, Суро, до хаты,
Гросей ховати,
А то йде гайдамака,
Буде грабувати!

Является запорожецъ.

— *Здоровъ бувъ, жидовину, еретичій сыну!*
— *А здоровъ зе бувъ, всемилостивіший пане!*
— *Що се ты у барыльці носишъ?*
— *Сабаскови горілочки носи*

— *А дай мені попробовать.*
— *Ты-зъ у мене, козаченьку, буфъ,*
Медъ и горілоцку пифъ
И гросей не заплатифъ.
— *Да ты не знаешъ, якъ мене й зовуть.*
— *Ты-зъ панъ Максимъ!*
— *Брешешъ, бо я Протисъ!*
— *Нехай-зе будесъ ти и Прокисъ,*

Тилько головоньки моеи не бий,
А на! горілоцку пий!

— „О такъ бы й давно казавъ!“

Запорожецъ пьетъ водку изъ барила, еврей поддерживаетъ барило и дрожитъ отъ страху.

— „Не труси бо, гадючій сыну, бо зубы побьешъ. Отъ-се жъ яка въ проклятого жида міцна горілка! Якъ я бачу, то я упився“.

Козакъ хмѣлѣетъ и падаетъ на землю, а еврей начинаетъ душить его колѣнками, приговаривая:

А! цузої крові напивсь,
Та й самъ скрутивсь!

Козакъ пробуждается отъ сна —съ словами:

„Ухъ! що се по мені товчеться? глянь, глянь! Се, бачу, жидъ порается по мені... Чи въ насъ же такъ бьютъ?“

Онъ машетъ булавою, еврей падаетъ, восклицая: „Вухъ, вухъ!“ а запорожецъ говоритъ со смѣхомъ:

Я ще ёго и не вдаривъ,
А вінъ кричитъ, що вже опухъ!

„У насъ якъ бьютъ, то зъ притиска, та зъ відваги, отъ такъ и ты, сучій жиде, учись бить“, говоритъ онъ, нанося еврею удары.

„Не проклятый же и жидъ“, восклицаетъ козакъ, видя, что онъ уже мертвъ. „Уже бачу вінъ и скрутивсь. Де лишь ті макогоны, чи въ правдоньку дзвоны? пійду по его душецьці бовкну хоть разъ“.

Козакъ подходитъ къ колоколу и ведетъ при этомъ довольно безсмысленныя рѣчи пьянаго человѣка:

„Що се воно таке? на-ві-що воно похоже? підъ хуртовину добра була бъ шапка, та щебъ и брязчала зъ потилиці, тоді— хочъ бы якій машталіръ—то звернувъ бы зъ дороги. Ні, се та не те я кажу... А воно підъ непогоду и горобцямъ добре було бъ ховатися въ ему. Ні, се-та не те я кажу... А якъ бы его въ болото застромивъ, то раківъ бы повну вершу наловивъ“...

Такъ и не позвонилъ козакъ, но тѣло убитаго жида лежитъ на полу.

„Пійти та заволокти еретичого жида, а то залігъ місто, нігде козакові погулять“, говоритъ запорожецъ.

„Де такъ, якъ такъ чорта величають? Про се мабуть не всі знають. Алежь на хрещеного кажуть „дядьку“, то вже его треба назвать „дідькомъ“; послѣ этого разсужденія онъ зоветъ чорта:

„Дідьку, дідьку, дідьку, го! Ходи сюды, будь ласкавъ, возьми собі жида, таки-рідного твого діда, то-то зъ его гарне буде жарке! що ты зъ роду не івъ таке; буде зъ тебе на цілий мість, відпасеся, то піднимешь и хвістъ“.

Послѣ этой довольно грубой, но характерной остроты, запорожецъ уходитъ, а въ другую дверь входитъ чортъ съ обычнымъ своимъ гудѣніемъ: „гу, гу, гу, гу!.. Отъ теперъ я дождався, що жидъ мені у руки попався“!

Возвращается запорожецъ и говоритъ чорту:

Чи се ты и дòсі не одніс?
Якій-же зъ тебе проворный бісъ?

„Неси, неси, та поживай собі на здоровье“, добавляетъ онъ, выталкивая чорта съ жидомъ, самъ-же продолжаетъ танцовать. (№ 20). Но наконецъ и мощный сѣчевикъ утомился. „Отъ-се, якъ панове дуже вморився! мовъ коло плуга два дні возився“.

Послѣ этого, онъ ложится на бокъ: „ляжу отъ такъ—не гарно“, переворачивается на другой бокъ: „а такъ ще гірше“. Ложится на спину: „а такъ, то на груди хто якъ сяде, то певно задушить, бо я признаться слабоватый“. Ложится ницъ. „Ляжу отъ такъ, якъ колись мій батько лежавъ, то хочъ хто на шиі и сяде, то повезу, якъ добрый вілъ“.

Но только что успѣлъ козакъ заснуть, какъ входятъ два чорта и напавъ на запорожца, хотятъ его задушить. Козакъ просыпается и хватаетъ одного изъ нихъ за хвостъ:

„Ухъ! херувимы-серафимы!“

„Чортъ у боклагъ улізъ!“—послѣ чего онъ начинаетъ чорта разсматривать:

Що се таке я піймавъ?
Яка се птичка:
Чи перепеличка,
Чи не синичка,
Що не дыше,
Та тільки головкою колыше?
Глянь, глянь, яке воно чудне та страшне:
Очи зъ пьятàка,
А языкъ выва̀ливъ мовъ собака!
Де ты собі груди обідравъ?
Може гліддъ, або груши кравъ.
А повернись, я подивлюсь, яке ти зъ-заду!

Чортъ поворачивается—запорожецъ продолжаетъ:

Эге! Воно бачу й крильця мае:
Се-жъ мабуть те, що нічью літае,
Та курей хватае...
Ні, се да не те кажу я...
А воно, стеменно, той коникъ, що по полю скаче
Та хрущівъ давить.
А коли скаче, то вже-жъ танцювать уміе...
Та може не по силі...
А, ну лишъ! Не соромся та потанцюймо трохи,
Щобъ выскакали до-чиста усі зъ тебе блохи...

Музыка играетъ (№ 21), а запорожецъ танцуетъ:

„А що жъ ты стоишъ“, обращается онъ къ чорту, „къ кожухъ „дубленый?“ Чортъ продолжаетъ стоять неподвижно. Тогда запорожецъ бьетъ его булавой. Чортъ убѣгаетъ.

Но вотъ въ головѣ козака мелькаетъ мысль о покаяніи и онъ говоритъ:

Де-бъ то отъ-се, панове, узять попа хоть ледащичку,
Абы не пьяничку,
Бо я, признаться, самъ того не люблю.

Является уніатскій попъ

„Про вовка помовка“, говоритъ запорожецъ,
Ажъ, бачу, дідько и попа примчавъ!
Бачъ, мовъ ёго лизень злизавъ!
Висповідай—такъ мене, пане, підъ сією сухою попінкою!
—Ты, козаче, говоритъ попъ, *въ гріхахъ мені признавайся,*
Та не соромляйся.
—Чого соромляться?
Я, паноче,
Роскажу все коротше,
Що знаю.
Що воно бути має,
Якъ кажуть: „бездна бездну призываетъ“
—Се значитъ: грішникъ на землі.
—Эге! Бачъ куды вінъ відвернувъ?
А по нашому: бездна бездну призываетъ—
Се значитъ: пінъ попа на обідъ кличе,
А той ёму дулі тиче..
Такъ я тобі гріхівъ своихъ не доказавъ:
Ходивъ я съ малку по білому світу,
Бивъ ляхивъ, жидівъ,
Купцівъ, панівъ
И всіхъ кого заманеться.
Правду сказать, уніятскихъ попівъ не бивъ,
А съ нихъ живихъ кожу лупивъ,
Бо ждуть вони нашъ козакомъ смерти,
Щобъ скоріше въ сыру могилу заперти,
Таскаютъ, співаютъ,
Тілько що не танцюютъ,
А на поминкахъ якъ попьются,
То мовъ коні гарцюютъ“.

Не добрыя ноты слышались въ иронической рѣчи запорожца Предчувствуя бѣду, уніатскій попъ дрожащимъ голосомъ смиренно отвѣчаетъ ему:

Треба тобі до косцёла ходить
И частні поклоны бить.

— *О, я зроду*, возражаетъ ему запорожецъ, *до косцёла не ходивъ*

И поклонівъ ніколи не бивъ!..
Хіба тебе, якъ хочешъ, попобью...

Попъ убѣгаетъ.

„Добре зробивъ, що втікъ", говоритъ буйный рыцарь. Танцуетъ. Музыка играетъ (№ 22).

Этою послѣднею побѣдою надъ всѣми своими врагами оканчиваются сцены съ запорожцемъ. Грубою кистью изображены черты степнаго героя, который и въ дѣйствительности не могъ обладать мягкими качествами души; но этотъ герой былъ близокъ сердцу народа, какъ главный выразитель самостоятельной народной силы и народныхъ стремленій въ его борьбѣ за вѣру и землю русскую. Подъ вліяніемъ такихъ еще живыхъ впечатлѣній и отведено было въ нашемъ вертепѣ столь значительное и почти главное мѣсто запорожцу.

Прощаясь съ зрителями, козакъ какъ будто чувствуетъ, что онъ не всѣмъ могъ угодить своими рѣзкими выходками и, уходя со сцены, говоритъ:

Щожъ, панове? По сій мові
Будьмо здорові!
Зъ пісні слова не викинешъ...
А що було, то барзо прошу про те не поминати,
Бо вже піду теперь въ курінь віку доживати.

Наконецъ въ вертепной драмѣ отведено скромное мѣсто и простонародью. На сцену является Климъ и жена его съ своимъ убогимъ хозяйствомъ—свиньей и козой. Онъ гонитъ на сцену свинью, приговаривая: „аля, аля", и говоритъ, обращаясь къ зрителямъ:

Хіба дякамъ на школу дать,
Бо вона давно уже хотіла издыхать.

Сверхъ того оказывается, что свинья, какъ ей и подобаетъ, „шкодливая".

Увесь городъ, жалуется Климъ цыгану, *вона порыла,*
Капусту й постернакъ поіла.

Цыганъ предлагаетъ Климу свои услуги:

Отдай намъ її, говоритъ онъ, *до шатра:*
Мы її научимъ халяндры танцёвати,
То вже тоді не буде вона въ городы скакат.

Климъ расчитываетъ, что цыганъ купитъ свинью, но, разувѣрившись въ этомъ, съ досадой прогоняетъ его:

Пане купче, тікай,
Щобъ не вразивъ тобі я вида,
Тоді позывай мене хочъ и въ Свирида,
А Свиридъ—мій кумъ, для мене дуже хорошій,
То не поможутъ тобі твої гроші.

Жена извѣщаетъ Клима, что къ нимъ „кондякъ (дьячекъ) прилхався".—„Я его", отвѣчаетъ Климъ, „дуже сподівався... Не соромся его, хочъ вінъ и пісьменный, говори ему сміло".

Входитъ дякъ.

„Дай, Боже, здоровья пану Климу!"

— *Здоровъ бувъ, пане бакаляру*
И нашъ—таки кондяче!
Возьми собі, будь ласкавъ, отсю свиню:
Нехай черезъ тинъ не скаче!

Дьякъ радъ подарку:

Ци, ци, ци, фертикъ Иванець!
Спіши сюди зіло,
Климій сотворивъ намъ честь,
Давъ свиняче тіло!

На призывъ дьяка входитъ Иванецъ—школяръ, и говоритъ:

Азъ путешествую: кое ваше діло?
— *Возмі сіе бремя, неси въ наши клѣти,*
— *Помозите на рамена взяти,*
Бо, ей-богу, самъ не можу подняти.
— *Возляса: аля! аля! до школы пірья драти!*

Всѣ возглашаютъ: аля! аля! Иванецъ съ свиньею уходитъ. Дьякъ въ напыщенной высокопарной рѣчи благодаритъ Клима:

Гевалъ, Амонъ и Амаликъ и всі живущі въ Тирі...
Да пріемлетъ Богъ душу твою въ Эфирі!
Обреченную вашу жертву съ благодарностью пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ.

— *Тее-жъ и тобі посполу, пане кондяче!* отвѣчаетъ Климъ.

Дьякъ уходитъ, а Климъ въ раздумьи говоритъ: „Отожъ пресучій дякъ подякувавъ гарно, ажъ слези навернулись... Правда, панове, есть за що й дякувать: свиня хочъ буда свиня, ребра такъ и свѣтяться“...

Входитъ жена и извѣщаетъ мужа, „що уже кондяки принесли изъ свинини обідрану кожу“.

Отъ бачъ, жінко, що я можу!—отвѣчаетъ ей Климъ,
Свиняка-бъ и дома пропала,
А дяку платить за сына пора настала,
Теперъ-же мы зъ нимъ рощиталисъ
И цілі гроші въ насъ остались.

Климъ съ женою радуются выгодной сдѣлкѣ:

Потанцюймо, говоритъ жена, *хочъ мало,*
Якъ колись водилось,
Щобъ у насъ побільше
Конопель родилось.

Они танцуютъ (№ 23), а затѣмъ Климъ припоминаетъ, что у нихъ, кромѣ свиньи, водилась въ хозяйствѣ и коза. Онъ выгоняетъ на сцену козу, которая причется подъ Иродовъ тронъ. Климъ думаетъ, что коза пропала, и обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Панове громадо! Чи не бачили мосі—таки козы?
Що то за солодке було въ неі молоко!
По дві дійниці молока давала,
А теперъ бідна, якъ у воду впала.
Одна-жъ біда не минулась,
А друга не забаромъ навернулась:

Заснувъ учора я підъ Лысою горою,
Таки вечірнею порою,
Де взявся Макогоненківъ Прицько,
Се бачъ, казавъ-таки, нашъ Грицько,
Та й винявъ зъ кишені люльку, крицю й кремінець,
Ще въ кисеті—що на пугу—ремінець,
Уразивъ вінъ мое сердце въ самый край,
Теперъ мені—ні до жінки, а ні въ пекло, а ні въ рай,
А тутъ ище й козу запубивъ,
Лучше було-бъ, якъ-би самъ її убивъ.

Наконецъ, Климъ находитъ свою козу и говоритъ:

Бачъ, де моя козонька,
Де моя голубонька!
Бачъ, якъ вона скаче,
Мовъ танцёвать хоче!

Коза танцуетъ подъ звуки музыки (№ 24). Климъ хочетъ поймать козу, но неосторожно убиваетъ ее.

„Бідна жъ моя головонько, козу вбивъ!“—восклицаетъ злополучный Климъ, „понесу жъ її до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мяса справлю жинці кожухъ!“ Этою шуткою оканчиваетъ Климъ свою рѣчь и уходитъ.

Нельзя не замѣтить, что какъ въ первой сценѣ свѣтской части вертепнаго представленія, такъ и въ сценѣ Клима съ его бѣднымъ хозяйствомъ, простолюдинъ изображенъ скорѣе съ оттѣнкомъ комическимъ, чѣмъ юмористическимъ: это, вѣроятно, произошло отъ того, что составители вертепнаго представленія того времени чувствовали себя по развитію своему неизмѣримо выше посполитаго мужика, на котораго смотрѣли скорѣе съ чувствомъ снисхожденія, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ чувствомъ. Дякъ и его ученикъ изображены болѣе благожелательною рукою и комизмъ ихъ заключается въ велерѣчивыхъ выраженіяхъ. Между тѣмъ, въ этой сценѣ Клима съ дьячкомъ отражаются отчасти тогдашнія внутреннія отношенія народа къ просвѣтительному началу, исходившему главнымъ образомъ отъ кіевской бурсы: Климъ, бѣдный

мужикъ, считаетъ необходимымъ учить сына грамотѣ и наставника своего сына называетъ бакаляромъ.

Вертепное представленіе оканчивается явленіемъ нищаго съ торбою (мѣшкомъ) въ рукахъ. Онъ подходитъ къ краю сцены и говоритъ зрителямъ:

Я, Савочка нищій,
Прошу на хлѣбъ—на юрілку.
Хто дасть шаг, а хто рубъ,
Пріймy и копійку,
На дощечку, на клепало,
Хто що вкине, то пишіть—пропало.

Въ эту торбу обыкновенно публика бросала свои даянія въ благодарность за представленіе.

Гр. П. Галаганъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го сентября 1882 года.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины" выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ**. Въ слѣдующей книжкѣ мы объявимъ къ общему свѣдѣнію, какими новыми матеріаламя располагаемъ на будущій годъ. Къ той-же книжкѣ будетъ приложенъ портретъ Гонты, съ его біографіею, сост. В. Б. Антоновичемъ. Далѣе будетъ портретъ жены Гонты,—оба художественной работы, превосходно воспроизведенные въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются, остальныя—по мѣрѣ выхода.

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія,

по воспоминаніямъ дѣтства.

(Продолженіе)*).

По разсказамъ отца моего, еще въ рождественскіе праздники 1830 года мѣстные жиды и паны о чемъ то шушукались, отъ *двора* до *двора* ѣздили то панки, то жидки, заѣзжали къ богатымъ мужикамъ, подмигивали мелкой шляхтѣ. Крестьяне недоумѣвали, священники въ страхѣ ѣздили другъ къ другу... Всю зиму шли толки и предположенія. Одни говорили, что „Константинъ“ идетъ войной на „Николая“ за отнятіе у него престола. Другіе полагали, что Бонапартъ, долго скрывавшійся гдѣ-то, снова появился и съ несмѣтною силою идетъ на Россію. Мелкая шляхта проговаривалась, что въ Варшавѣ уже царствуетъ король польскій. По весной дѣло стало проясняться: по деревнямъ появились всадники при саблях, постолетахъ и т. под., мелкая шляхта готовилась „do broni“, уніатскіе священники, которыхъ въ нашей околицѣ оставалось въ это время всего три, громко твердили, что снова здѣсь будетъ Польша и унія. Въ маѣ или въ началѣ іюня, поздно вечеромъ, вбѣжалъ къ отцу крестьянинъ съ крикомъ: „утікайте, панъ-отче! ляхівъ пришла сила, видимо-невидимо, якъ хмары; всі узбруени (вооружены), утікайте“!... Въ ту-же ночь отецъ отправилъ жену и дѣтей къ тестю, а самъ спрятался въ ровъ, поросшій высокимъ и густымъ бурьяномъ. Пановъ оказалось не „якъ хмары“, но всего пять—шесть, за то чванства было „видимо—невидимо“. Подобные шайки ежедневно проходили по деревнѣ, съ пѣніемъ: „*Jeszcze Polska nie zgi-*

---

*) См. въ сентябр. книжкѣ «Кіев. Старины».

neła"... требовали у крестьянъ подводъ, провизіи, говорили про унію, бранили *поповъ*. Одна изъ шаекъ, въ большомъ составѣ, собирала во *дворъ* крестьянъ, объявила о возстановленіи польскаго королевства, посылала розыскивать отца для приведенія крестьянъ къ присягѣ. Крестьяне, знавшіе, гдѣ отецъ укрывался, не выдали его. Прошелъ мѣсяцъ или болѣе томительной неизвѣстности, какъ въ свою очередь ляхи, раненные, оборванные, въ ужасѣ стали появляться по рвамъ, пасѣкамъ, приставать къ пастухамъ, чумакамъ, появились мелкіе отряды русскихъ войскъ, разыскивавшихъ бѣглецовъ. Стало извѣстнымъ, что подъ Дашевымъ польское войско совершенно разбито. Отецъ вздохнулъ свободно... По деревнѣ крестьянскіе мальчишки распѣвали уже пѣсню, которую и я потомъ въ дѣтствѣ пѣвалъ:

Ой, бувъ ляшокъ морквяный,
А кінь буряковый,
Шапка въ ёго съ постернаку,
Жупанъ лопуховый.
Пистолетъ съ качана,
Кулі зъ бараболі,
Шабеличка изъ петрушки,
Піховки зъ квасолі.
Выйнявъ ляшокъ пистолетъ,
Тай почавъ стріляти,—
Свині кулі похапали,
Нічимъ воювати!...

Но скоро радостныя ожиданія крестьянъ и духовенства стали омрачаться. Розыски „мятежниковъ" ложились тяжкимъ бременемъ на народъ, наводили страхъ на всѣхъ... Никто не былъ свободенъ отъ подозрѣній расходившихся сыщиковъ, искали „мятежниковъ" не только въ панскихъ дворахъ, но и въ священническихъ домахъ; у богатыхъ крестьянъ—на хуторахъ, въ мельницахъ и т. под., причемъ нерѣдко исчезало все цѣнное, съѣстное. Сталось такъ, что едва появлялся въ деревнѣ отрядъ русскихъ войскъ, или проносилась молва о приближеніи его, какъ одни уходили изъ деревни, другіе прятали въ землю все цѣнное, трепетали за коровъ, барановъ и т. п. Между тѣмъ „мятежниками" въ нашей околицѣ оказа-

лись только мелкіе шляхтичи, не имѣвшіе никакой собственности, или такіе паны, которые продали свои имѣнія, или уступили ихъ своимъ роднымъ, на что оказались въ исправности необходимые акты. Только владѣлецъ огромнаго имѣнія, достаточнаго для образованія цѣлаго большаго уѣзда, одинъ изъ видныхъ польскихъ магнатовъ, генералъ польскихъ войскъ, не успѣлъ спрятать концовъ, и имѣнія его конфискованы, а потомъ превращены въ военныя поселенія. Такимъ образомъ всѣ помѣщики остались при своихъ владѣніяхъ. Они теперь приковали себя къ нимъ и занялись исключительно хозяйствомъ. Наступило господство военныхъ командъ, военныхъ коммисій, исправниковъ и становыхъ, разъѣзжавшихъ по деревнямъ съ козаками, разсыльными и т. под. Девизомъ въ краѣ стало строгое повиновеніе установленнымъ властямъ, которое для крестьянъ значило строгое повиновеніе своимъ помѣщикамъ. Ослушаніе помѣщика наказывалось, какъ неповиновеніе властямъ, какъ революціонный духъ, бунтъ. Вмѣстѣ съ розысками мятежниковъ и установленіемъ порядка въ краѣ наступило отнятіе помѣщиками у крестьянъ хуторовъ, мельницъ, *излишнихъ* земельныхъ угодій, прекращеніе права отлучки ихъ изъ деревни, права промысловъ и торговли, даже права собственности, потому что помѣщикъ могъ отобрать у крестьянина его хату, усадьбу, скотъ и все имущество. Народъ быстро сталъ бѣднѣть... Вмѣстѣ съ своими прихожанами потерпѣлъ и отецъ мой. Законъ 1833 года установлялъ для каждаго православнаго причта не менѣе тридцати трехъ десятинъ земельныхъ угодій: гдѣ въ пользованіи причтовъ имѣлось земли менѣе этого количества, тамъ помѣщикъ обязанъ былъ прирѣзать недостающее число десятинъ изъ собственныхъ земель, а гдѣ имѣлось земельныхъ угодій болѣе тридцати трехъ десятинъ и право владѣнія ими подтверждалось эрекціями, тамъ все количество земли оставалось въ пользованіи причта и на будущее время. Отецъ мой наслѣдовалъ отъ своего предшественника значительныя земельныя угодья, которыя точно описаны были еще въ уніатскихъ церковныхъ визитахъ, хранившихся при церкви, съ указаніемъ въ нихъ на подлинныя эрекціи. Но подлинныхъ эрекцій отецъ мой не нашелъ въ церкви послѣ своего предшественника; полагали, что таковыя забраны были базиліанскимъ визитаторомъ, ревизовавшимъ церкви предъ самымъ присоединеніемъ края къ Россіи. Не смотря на существованіе

базиліанскаго монастыря, посылавшаго визитаторовъ, коммисія, приводившая въ исполненіе законъ 1833 года, не нашла нужнымъ навести точныя справки; отцу моему съ причтомъ отрѣзали тридцать три десятины земли въ указанныхъ помѣщикомъ мѣстахъ, наименѣе выгодныхъ для пользованія, причемъ на узаконенныхъ трехъ десятинахъ сѣнокоса помѣщикъ вырубилъ дубовый лѣсъ; бывшія угодья всѣ отошли во владѣніе помѣщика. Съ измѣненіемъ имущественныхъ и полицейскихъ отношеній въ деревнѣ, стали измѣняться внутреннія отношенія и расположенія въ приходѣ. Помѣщикъ уже не стоялъ высоко надъ громадою, въ ореолѣ величія, повелѣвавшаго изъ туманной дали, чуждавшагося вмѣшательства въ ближайшія интересы громады; онъ жилъ теперь безъвыѣздно въ деревнѣ мелкимъ трусливымъ панкомъ, который, какъ клещъ, впился въ громадское тѣло, производя зудъ и томленіе въ цѣломъ деревенскомъ организмѣ. Скоро помѣщикъ умеръ, оставивъ имѣніе двумъ сыновьямъ своимъ. Стало въ деревнѣ два помѣщика, два клеща въ громадскомъ тѣлѣ. Колокольчикъ становаго пристава усиливалъ зудъ въ крестьянскомъ тѣлѣ, потому что всякая жалоба помѣщика строго взыскивалась на крестьянахъ, а всякое заступничество отца за прихожанина вело за собою строгое внушеніе: „ваше дѣло, батюшка, въ церкви, а не здѣсь; сидите смирно, не то—пойдете муку сѣять“...

Такія-то послѣдствія принесла южнорусской деревнѣ польская революція 1831 года. На глазахъ всѣхъ быстро падали одно за другимъ прежнія, польско-католическія начала общаго быта: падали польскія учрежденія, литовскій статутъ, отдѣленія польскаго банка, польскія школы, господство полонизма и католичества въ администраціи и полиціи,—появлялись и грозно подчиняли себѣ всѣхъ и все новые законы, новыя учрежденія, новый духъ. Но для простаго глаза не доступны были внутреннія основы и высшія задачи наступившихъ перемѣнъ; онъ видѣлъ только перемѣны въ тѣсной деревенской сферѣ и въ отношеніяхъ деревенскаго ежедневнаго быта,—видѣлъ и страшно недоумѣвалъ... Въ сокрушеніи польско-католическаго величія чувствовалось что-то отрадное, имѣвшее въ виду поднять въ краѣ русскій духъ изъ долгаго приниженія его, поднять и одушевить все русское, а между тѣмъ на дѣлѣ видѣлось совсѣмъ другое: вмѣстѣ съ полонизмомъ далеко бо-

лѣе прежняго принижался русскій народъ, вмѣстѣ съ католичествомъ сильно ограничивалось вліяніе православной церкви, надъ всѣми господствовала только угроза и кара. Появились въ краѣ и всѣмъ овладѣли два теченія, вступившія между собою въ отчаянную борьбу, задачи которой были слишкомъ туманны не для одной только деревни. Съ одной стороны чувствовалось, что точно глаголъ Божій прогремѣлъ по всему краю, что наступило время торжества для всего, что такъ долго страдало, терпѣло, надѣялось,— съ другой стороны, на каждомъ шагу раздавались только грозные голоса панскихъ приставниковъ и разсыльныхъ станового пристава, появлялись новыя бѣдствія, требовалось новое, болѣе сильное терпѣніе, а надеждъ впереди не видѣлось никакихъ... Злая сила—какой-то винигретъ изъ польскаго, раздраженнаго неудачею, озлобленія и русской, невѣжественной, дикой и грубой разнузданности —вступила въ упорную борьбу съ рѣшеніемъ судебъ исторіи, измѣняла требованія новаго духа, затирала слѣды его, затемняла и обезображивала его, чтобы создать изъ него бичъ и пугало для тѣхъ, кто долго жилъ надеждами на лучшее будущее. Всѣ новые законы, въ которыхъ чувствовалось присутствіе добрыхъ намѣреній, на дѣлѣ приносили для края только обратныя послѣдствія, данные народу охранители на дѣлѣ часто казались хуже исконныхъ притѣснителей его. Полонизмъ, преслѣдуемый въ законахъ и распоряженіяхъ, загнанный въ деревенскія трущобы, быстро приручилъ къ себѣ невѣжественныхъ и грубыхъ агентовъ мѣстной администраціи и полиціи и всею тяжестію своего озлобленія обрушился на деревню, высасывая изъ нее послѣдніе гроши для новаго „будованья“ и усиливаясь лишить правительство надежной опоры въ ней для края...

Для отца моего, привыкшаго по старинѣ быть едино съ своими прихожанами, жить его радостями и печалями, всегда оставалось сфинксовою загадкою: „знай церковь, въ дѣла крестьянъ не мѣшайся“... Онъ чувствовалъ надъ собою точно мечь Дамокла— грозное слово станового пристава: „пойдете муку сѣять“—позоръ, которымъ неразъ потомъ стращалъ его панъ, даже арендаторъ— шинкарь Азриль, а за нимъ зять и преемникъ его Мошко. Въ представленіи отца моего императоръ Николай былъ рыцаремъ, какого свѣтъ не видѣлъ; онъ отъ всей простой души своей вѣрилъ

многочисленнымъ сказкамъ, разносимымъ солдатами, о его необычайныхъ подвигахъ, въ родѣ, напр., разгрома всѣхъ сенаторовъ и министровъ, заманившихъ его въ сенатъ, чтобы тутъ секретно покончить съ нимъ,—внезапнаго появленія въ синодѣ, отъ котораго всѣ архіереи попрятались подъ столъ,—посылки въ Варшаву своей палки вмѣсто короля и т. п.; онъ не допускалъ, чтобы такой рыцарь, заставившій поляковъ сидѣть смирно, разжаловавшій мелкую шляхту въ однодворцы, прижавшій жидовъ приказомъ брать ихъ въ солдаты, освободившій духовенство отъ зависимости польскихъ помѣщиковъ, надѣлившій его жалованьемъ, уменьшившій потомъ народу панщину на половину и т. п.,—чтобы этотъ благодѣтельный для края царь могъ не знать, что тутъ творится панами, становыми и т. п., и только утѣшалъ себя мыслію о томъ, что вѣроятно онъ собирается съ кѣмъ либо воевать и что, покончивши войну, онъ примется снова за пановъ...

Среди этой общей тяготы, отца постигло горе, которое онъ считалъ для себя тяжелѣе всякаго другаго. Наша мать стала болѣть; три года отецъ возилъ ее по докторамъ, надолго оставлялъ ее у знаменитаго въ то время „Михалка“, жившаго въ Бердичевѣ и лечившаго больныхъ травами, и у другаго подобнаго лѣкаря, жившаго на Подольи. Наконецъ, въ 1837 году мать наша умерла. Живо помню отчаяніе отца и всеобщій плачъ при гробѣ ея сосѣдей и прихожанъ. Изъ причитаній попадей найболѣе осталось у меня въ памяти: „ой, хто-жъ намъ такъ красно заспіває!...“ Крестьянки-же всегда потомъ поминали, какъ „покойная“ убирала ихъ къ вѣнцу, любила съ ними потанцовать на свадьбахъ, попѣть, повеселиться. Насъ дѣтей осталось послѣ матери въ живыхъ четверо: старшему брату было 13 лѣтъ, и онъ учился уже въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, слѣдующему было 8 лѣтъ, мнѣ 6 лѣтъ, сестрѣ 4 года. Отецъ, весь разбитый горемъ, часто надолго уѣзжалъ изъ дому, куда глаза глядятъ, или дома принималъ компанію, то сосѣдей—священниковъ, то крестьянъ, заливая съ ними тоску. Мы дѣти оставались на попеченіи слугъ и жили, по выраженію отца, „якъ потерчата“. Не имѣя возможности управиться съ нами дома, отецъ въ томъ же году, когда мнѣ не было еще семи лѣтъ, опредѣлилъ и насъ двухъ въ то-же духовное училище, въ которомъ обучался

старшій нашъ братъ. Отецъ почти еженедѣльно пріѣзжалъ къ намъ; когда репетиторъ усадитъ насъ за книгу, онъ сядетъ подлѣ, смотритъ въ книжку, плачетъ, и мы плачемъ; идемъ въ классъ—онъ провожаетъ насъ до воротъ—плачетъ, и мы плачемъ. Идемъ по дорогѣ, оборачиваемся—стоитъ отецъ на томъ-же мѣстѣ и утираетъ слезы... Нужно было отцу уѣзжать отъ насъ ночью, когда мы уснемъ, иначе мы поднимаемъ вой, цѣпляемся за него, за колеса, бѣжимъ за возомъ съ отчаяннымъ воплемъ... Старшій нашъ братъ совсѣмъ свихнулся отъ этой жалости къ отцу. Бывало уѣдетъ отецъ отъ насъ—онъ ходитъ совсѣмъ потерянный, сядетъ у окна или на крылечкѣ, глядитъ на дорогу, по которой уѣхалъ отецъ, и все поетъ. На другой день утромъ просыпаемся—нѣтъ его! Спустя нѣсколько дней, отецъ привозитъ его, внушаетъ не убѣгать, угрожаетъ наказаніемъ, но едва уѣдетъ—тотъ плачетъ, мечется, не ѣстъ, не пьетъ, начинаетъ пѣть—и опять пропалъ! Снова привезетъ его отецъ, инспекторъ выпоретъ, а онъ снова удеретъ. Противна стала ему и книжка, и школа, и городъ до смерти. Когда наконецъ самъ отецъ выпоролъ его за побѣгъ, онъ—бывало—дезертировавъ изъ города, прячется дома въ соломѣ, въ кухнѣ на печи подъ покровительствомъ слугъ и под.,—ему только-бы чувствовать себя вблизи отца, слышать голосъ его, мелькомъ взглянуть на него—такъ тянуло его къ нему! Разъ пріѣзжаетъ къ намъ отецъ, а брата нѣтъ уже нѣсколько дней въ городѣ! Спѣшитъ онъ домой, роется по всѣмъ закоулкамъ—нѣтъ его, и никто не видѣлъ... Тогда-то загоревалъ отецъ! Взялъ онъ насъ изъ училища, мы видѣли его тогда только плачущимъ и рыдающимъ. Снарядилъ онъ двѣ подводы и послалъ надежныхъ людей въ разныя стороны распрашивать по большимъ дорогамъ. И вотъ въ одинъ вечеръ привезли бѣглеца, нашли его въ одной корчмѣ въ херсонскихъ степяхъ, въ кабалѣ у жида! Послѣ этого случая, отецъ отвезъ всѣхъ троихъ насъ въ далекій епархіальный городъ и опредѣлилъ въ тамошнее духовное училище. Старшій братъ скоро взятъ былъ въ архіерейскій хоръ и, нашедши пищу своему растравленному чувству въ пѣніи, пересталъ тужить по отцѣ и убѣгать. Къ книжкѣ и школѣ онъ уже не воскресилъ въ себѣ охоты и впослѣдствіи велъ плачевную долю по разнымъ мелкимъ канцеляріямъ и преждевременно погибъ жертвою своего болѣзненнаго и непонятнаго для него чувства.

Отецъ, разлучившись съ нами, оставшись съ малолѣтнею дочерью, велъ тоскливую жизнь сельскаго вдовца—священника. И теперь, при болѣе сложныхъ условіяхъ быта, вдовство, какъ и сиротство, считается въ деревнѣ найбольшимъ нещастіемъ. Въ настоящее время, при совершенно измѣнившихся условіяхъ деревни, при существованіи въ ней общественности, какъ сословной, такъ и всесословной, при значительномъ запасѣ русскаго чиновнаго люда, считающаго себя образованнымъ, при полной возможности литературнаго чтенія, часто раздаются голоса о тяжелой долѣ вдовцовъ —священниковъ, вопіющей будто-бы о необходимости разрѣшенія втораго брака. Что-же было въ то время, когда въ деревнѣ все образованное существовало только въ лицѣ польскихъ пановъ, презиравшихъ и ненавидѣвшихъ православное духовенство, а все русское замыкалось въ кругѣ полуграмотнаго духовенства и темнаго крѣпостнаго народа! Правда, тогдашнія потребности были далеко не такъ широки и разнообразны, какъ нынѣ; за то онѣ были гораздо болѣе нынѣшнихъ глубоки, напряжены и по своей безъисходности мучительны. Мой отецъ безусловно чуждался поляковъ и смотрѣлъ на нихъ глазами своихъ прихожанъ. Урывками занимался онъ хозяйствомъ, домомъ, нашими школьными потребностями, въ которыхъ мало что понималъ, а главнымъ образомъ дѣлилъ свою жизнь съ церковію и съ своими прихожанами.

Когда онъ въ первый разъ прибылъ въ свой приходъ, въ то время въ цѣломъ благочиніи, состоявшемъ изъ 18 приходовъ, былъ только одинъ священникъ изъ *ученыхъ*, притомъ *богослов*, окончившій курсъ въ новооткрытой тогда духовной семинаріи. Всѣ прочіе священники этого благочинія были одной школы съ отцомъ моимъ, „псалтирники“, „дьячковскіе богословы“, какъ выражался о себѣ отецъ. Въ слѣдующемъ году явился другой „богословъ“. Потомъ уже только въ сороковыхъ годахъ, на мѣста вымиравшихъ „псалтирниковъ“ поступали все „богословы“, такъ что къ началу пятидесятыхъ годовъ въ цѣломъ благочиніи отецъ оставался единственнымъ представителемъ старины въ цѣломъ околоткѣ. Я помню почти всѣхъ сосѣдей моего отца—„псалтирниковъ“. Всѣ они выступали въ дымчатыхъ халатахъ съ застегнутымъ поясомъ, въ приземистыхъ пуховыхъ шляпахъ съ широкими полями и съ клеенчатымъ на шляпѣ чехломъ. Такой-же костюмъ носили тогда и бо-

гатые евреи, вслѣдствіе чего новое поколѣніе священниковъ, одѣвавшееся уже по предписанной формѣ, даже отдиравшее мазурку, вальсъ, польку и кадриль въ рясахъ, пренебрежительно называло собратовъ—старичковъ „халдеями“. Отецъ предпочиталъ дома лѣтомъ ходить въ рубахѣ, зимою въ тулупѣ, въ деревню выходилъ въ какомъ-то длинноломъ сюртукѣ, который онъ называлъ *шпенсеромъ*, идя въ церковь на литургію, надѣвалъ кафтанъ, а рясу содержалъ только для представленій благочинному и для поѣздокъ въ городъ, и всегда почему-то считалъ эту часть священническаго костюма „ученою выдумкою“, что на языкѣ его означало глупую претензію, пустое тщеславіе. Всѣ почти „псалтирники“, которыхъ я помню, уже чувствовали надъ собою неумолимую силу новизны и съ сокрушеннымъ сердцемъ дѣлали ей уступки. Всѣ они уже воспитывали своихъ сыновей въ семинаріяхъ, по крайней мѣрѣ въ уѣздномъ училищѣ, мечтали отдать своихъ дочерей замужъ за „богослововъ“, поили заѣзжихъ семинаристовъ чаемъ, а не варенухой, снисходительно слушали пѣніе ихъ подъ гитару: „Гляжу я безмолвно на чорную шаль...“ и цѣлыя міріады безтолковыхъ сантиментальныхъ тріо, которыя еще и въ мое время поглощали все музыкальное чувство семинаристовъ. Помню только двухъ священниковъ, которые совершенно равнодушно относились къ совершавшейся въ краѣ перемѣнѣ, но одинъ былъ горькій пьяница, другой—откормленный, грубый, напыщенный богатствомъ, которое наживалъ на приходѣ, надѣленномъ большими земельными угодьями. Первый за пьянство посланъ былъ „муку сѣять“ (на жительство въ монастырь) и гдѣ-то пропалъ, второй умеръ въ своемъ приходѣ, пустивши по міру всѣхъ своихъ дѣтей, изъ которыхъ я впослѣдствіи встрѣчалъ сына—въ „наймитахъ“ у простаго шляхтича. Послѣ 1839 года въ нашемъ благочиніи появились два священника изъ уніатовъ, обращенныхъ въ православіе по способу Бибикова. Эти избѣгали всякаго сообщества съ прочимъ духовенствомъ, водили дружбу только съ шляхтою, говорили по польски. Отецъ мой рѣзко отличался отъ всѣхъ этихъ старыхъ и новыхъ типовъ духовенства. Онъ сознавалъ рѣшительную нужду въ образованіи дѣтей и страстно желалъ видѣть насъ „богословами“. Ходитъ бывало и мечтаетъ въ слухъ: „батько—псалтирникъ, а сыны—богословы!.. А ну, который нибудь буде и академистомъ!“... Въ такія минуты ему нужно было

подѣлиться съ кѣмъ нибудь пріятною мечтою, и онъ пригласитъ для этого или кого нибудь изъ прихожанъ, своихъ пріятелей, или своего дьячка: выпьютъ по одной—по другой, помянутъ старину, мечты заносятся. „Изъ моего меньшаго, мечтаетъ отецъ, еще и благочинный буде, а може и протопопъ“... „Нехай собі!“—твердитъ какой нибудь Павло Старенькій; „а старшаго (у котораго былъ хорошій голосъ) жаль на попа, зъ нёго добрый бувъ бы дякъ“... Увы, эти мечты сильно омрачались и теряли всю сладость для отца, когда онъ сличалъ новизну съ стариною. Вмѣсто человѣка почтенныхъ лѣтъ, хорошо знавшаго и уважавшаго народный духъ, главою прихода являлся безбородый юноша, въ шолковой рясѣ, съ претензіями на *панка* или *підпанка*, у котораго крестьянину совѣстно было руку поцѣловать. Прежніе священники принимали прихожанина въ своихъ „покояхъ“, почтеннаго хозяина садили рядомъ съ собою, дѣлили съ нимъ хлѣбъ-соль и задушевную бесѣду; новое поколѣніе священниковъ видѣло въ прихожанахъ только „мужиковъ“, которыхъ принимало въ кухнѣ, стоя, или заводило для пріема ихъ и на счотъ ихъ особыя комнаты при домѣ подъ названіемъ „канцелярій“, въ которыхъ совершалось для нихъ домашніе церковные обряды, даже таинство крещенія. Въ собраніяхъ новыхъ священниковъ не было мѣста „мужику“, за то тутъ были ненавистные „мужику“ польскіе „панки“ и „підпанки“ съ своими „паньями“ и „паненками“, иногда „самъ становой“, или письмоводитель его, всегда почти полякъ, польская рѣчь летала здѣсь, играла на всѣхъ устахъ, смѣялась, царила. Вмѣсто прежнихъ благочестивыхъ пѣсней, теперь въ такихъ собраніяхъ распѣвались чувствительные романсы, все „къ ней“, или затѣвались танцы, въ которыхъ ряса развѣвалась и носилась въ воздухѣ съ польскою деревенскою граціей. Въ церкви вмѣсто слова простаго, грубоватаго, но выхваченнаго прямо изъ души, изъ жизни, послышались проповѣди, выхваченныя изъ вороха припасенныхъ въ семинаріи, сочиненныя по всѣмъ правиламъ „расположенія“, съ приличными хріями, фигурами, тропами, доказательствами отъ писанія, отъ разума, отъ природы, съ неумолимымъ бичеваніемъ роскоши, богатства, тщеславія,—проповѣди, послѣ которыхъ слушатели тяжело вздыхали, точно потерявъ послѣдній проблескъ свѣта и послѣднее утѣшеніе въ жизни. „Тьфу, тьфу“—плевалъ отецъ мой, поминая всѣ подобныя черты новаго священни-

ческаго быта. Тихо и незамѣтно совершался этотъ переворотъ въ краѣ на глазахъ моего отца, пока наконецъ онъ почувствовалъ себя сжатымъ, какъ кольцомъ, новымъ бытомъ. Оставшись одинокимъ среди новыхъ товарищей, онъ попикъ всѣмъ существомъ своимъ и совершенно замкнулся въ своемъ приходѣ съ своими прихожанами. Онъ не могъ точно опредѣлить, что претило ему въ духѣ новыхъ пастырей и по своему объяснялъ свои антипатіи. „Устава не знаютъ, на гласы пѣть не умѣютъ, а о *подобныхъ* и не спрашивай, часто стихиры и капона не умѣютъ выбрать — дяки надъ ними смѣются... Мужикомъ брезгаютъ, съ панами знаются. Ужъ лучше пить съ мужикомъ, чѣмъ съ паномъ... Иной, прости Господи, въ среду или пятницу скоромное ѣстъ у ляха, да вѣруетъ-ли онъ въ Бога?.. Не то что выпить съ мужикомъ по Божіему, но ни стать съ нимъ, ни сѣсть, ни поговорить не умѣютъ, даже выбранить его не могутъ, какъ слѣдуетъ, а только: что? какъ? мужикъ, дуракъ... Въ церкви служатъ, какъ деревянные, „мимрятъ“ себѣ подъ носъ, поютъ то какъ солдаты (придворное пѣніе), то какъ свиньи въ дождь“... Такія и подобныя рѣчи лились изъ устъ отца моего, когда заходила рѣчь о старинѣ и новизнѣ въ быту духовенства. Особенно тяжело стало отцу, когда и мы съ братомъ, ставши уже „философами“ и „богословами“, стали видимо льнуть къ новому поколѣнію священниковъ. Не разъ бывало онъ заводилъ тогда съ нами рѣчь: „и вы будете такими-жъ попами? И чему васъ въ семинаріи учатъ? За что васъ тамъ бьютъ?“.. Разсказываемъ отцу про разныя науки, порядки; онъ еще больше удивляется: „но отъ чего-же всѣ выходятъ оттуда такими дурнями?!“.. Такъ и оставался этотъ вопросъ для отца тяжелою загадкою.

Самъ отецъ мой никогда ничего не измѣнялъ до конца служенія своего въ приходѣ (1853 г.), ни въ церковныхъ порядкахъ, ни въ отношеніяхъ къ своимъ прихожанамъ: все у него шло по старинѣ. Благо, благочинный былъ все одинъ и тотъ-же, самъ пропитанный стариною, а, благодаря положенію прихода въ сторонѣ отъ большой дороги, ни одинъ архіерей не посѣтилъ его при отцѣ моемъ.

Церковь приходская была небольшая, деревянная, съ извѣстными тогда по всему южнорусскому краю тремя куполами. Изъ

уніатскихъ „визитъ", хранившихся въ церкви, видно было, что она построена въ половинѣ прошлаго вѣка иждивеніемъ прихожанъ. Неизвѣстно, православіе или унія дали небольшому тогда поселенію побужденіе къ постройкѣ церкви. Въ визитахъ говорится, что первый священникъ въ этомъ приходѣ былъ уніятъ. Но 1) иконостасъ въ церкви, устроенный въ самомъ началѣ, былъ того стиля, который появился еще въ XVII в., какъ протестъ противъ католицизма, отвергавшаго иконостасы, и противъ уніи, урѣзывавшей ихъ до minium-a, т. е. высокій, въ три яруса, сплошь закрывавшій всю олтарную часть—какъ нынѣшній иконостасъ въ печерской лаврѣ, устроенный въ началѣ XVII в. 2) Въ 1792 году, т. е. спустя не болѣе сорока лѣтъ существованія церкви, когда не мало еще было живыхъ свидѣтелей постройки ея, прихожане рѣшительно изгнали уніатскаго священника и просили о назначеніи имъ православнаго священника. По всей вѣроятности, какъ это было по всему краю, едва построена была церковь, какъ уніаты овладѣли ею, или первый-же священникъ вынужденъ былъ принять унію, тѣмъ болѣе, что въ визитахъ говорится о немъ и о сынѣ и преемникѣ его, какъ о пьяницахъ, рѣшительно небрегущихъ объ обученіи народа догматамъ католической церкви. При отцѣ моемъ отъ уніи оставался только такъ называвшійся всѣми *цимборъ*—шкафикъ подъ запрестольною иконою Божіей матери. Въ такихъ шкафикахъ, всегда имѣющихся въ католическихъ костелахъ за престоломъ подъ иконой, хранились такъ называемыя монстранціи, въ которыхъ подъ стеклышкомъ выставлялось на поклоненіе вѣрующимъ Тѣло Христово, въ видѣ освященнаго оплатка (oblata—προσφορά). При отцѣ моемъ этотъ шкафикъ служилъ для храненія въ немъ мелкихъ вещей, какъ-то: ладону, недогарковъ свѣчныхъ и под. Церковь была не крестообразная, но продолговатая (корабль). Въ дѣтствѣ моемъ это была общая форма всѣхъ сельскихъ церквей въ южной Россіи. Въ послѣдствіи стали пристраивать для расширенія церквей по бокамъ крылья, отъ чего церковь получала внутри видъ креста, а не корабля. Надъ крыльями сооружали купола, и церковь становилась пятиглавою. Молодые священники—„богословы", выносившіе изъ тогдашнихъ семинарій дикіе взгляды на памятники православія и русской народности въ южной Россіи, видѣвшіе во всемъ оригинальномъ остатки уніи и полонизма, твер-

дили, что три купола на церкви имѣютъ происхожденіе католическое и выражаютъ идею главенства папы надъ церковію и государствомъ. Нѣкоторые утверждали, что и пять куполовъ такъ-же выражаютъ католическую мысль, именно—о главенствѣ папы надъ четырьмя восточными патріархами. Послѣ того какъ епархіальная консисторія стала выдавать планы на постройку новыхъ церквей объ одномъ куполѣ съ колокольней надъ папертью, что принято было очевидно въ видахъ экономіи, стали утверждать, что православно-русская форма церкви—однокупольная. Что касается трехкупольной формы, которая подвергалась наибольшему подозрѣнію въ католичествѣ, то древность и оригинальность ея на югѣ Руси несомнѣнна. Ни въ предѣлахъ Польши, ни въ католической Европѣ не было обычая располагать куполы по длинѣ храма: если католическій храмъ трехкупольный, то всегда два меньшіе купола располагаются по угламъ на фронтѣ, а третій, большій, надъ олтаремъ. Скорѣе всего три купола въ рядъ по длинѣ церкви соотвѣтствовали внутреннему расположенію ея, именно: олтарь (малый куполъ), средина церкви, мѣсто вѣрующихъ и молящихся, самая большая часть церкви (большой куполъ), и наконецъ притворъ—мѣсто оглашенныхъ и кающихся, въ Малороссіи *бабинецъ* (малый куполъ), а потому они имѣютъ естественное происхожденіе тамъ, гдѣ церкви строились въ видѣ корабля (въ первые вѣка христіанства), а не креста (на западѣ) или базилики (преимущественно въ Римѣ). Оригинально относился отецъ мой къ церковнымъ украшеніямъ. Онъ не любилъ ихъ внутри церкви. Здѣсь онъ почти ничего не прибавлялъ къ тому, что засталъ. Стѣны оставались въ натуральномъ видѣ топоромъ стесаннаго дуба, не крашенныя, почернѣлыя. Въ куполѣ оставалось какое-то изображеніе, сдѣланное водяными красками, совсѣмъ почти стертое; отецъ ни-за-что не хотѣлъ возстановлять его. Иконы были все давнія, безъ всякихъ украшеній. Отецъ всегда недоумѣвалъ, зачѣмъ иконѣ золото, серебро, украшенія; онъ увѣренъ былъ, что украшенія къ иконамъ „выдумали ляхи“, которые „съ Богомъ хотятъ быть за панибрата“. „Икона, говаривалъ онъ, не дівка, що въ кораляхъ и квіткахъ всякому подобаетця“. Ризы у отца были всегда очень простыя, престолъ неизмѣнно покрытъ былъ простою большою *хусткою,* какую носили въ то время на плечахъ крестьянки - щеголихи. Когда наконецъ

отецъ мой получилъ набедренникъ — въ награду за двадцати-трехлѣтнюю службу въ санѣ священника, въ томъ числѣ за десятилѣтнюю службу въ должности окружнаго духовника, онъ никогда не надѣвалъ его, такъ и оставался за богослуженіемъ съ длинною *хусткою* у пояса, вмѣсто набедренника, служившею ему для сморканія. За то отецъ очень любилъ украшать церковь снаружи. Всякій годъ лѣтомъ производились какія-либо работы подлѣ церкви: то красились купола, то обшивались досками стѣны, то поднимали всю церковь и подмуровывали ее, или поправляли фундаментъ, то строился новый парканъ, новая двухъ-этажная колокольня и т. д. Лучшаго отдыха отъ полевыхъ работъ онъ не зналъ, какъ сонъ подлѣ церкви, въ тѣни, или бесѣда съ рабочими, особенно когда рабочими были захожіе *кацапы*, которыхъ отецъ очень уважалъ за „повагу“, степенность и плотничье искусство. Еще въ первые годы по прибытіи на приходъ отецъ засадилъ весь церковный погостъ яблонями, грушами, вишнями и другими деревьями. Въ этомъ саду лѣтомъ помѣщалась церковная пасѣка — другое любимое отцомъ мѣсто для отдыха (свою пасѣку онъ содержалъ на сѣнокосѣ, въ дубовомъ кустарникѣ, во избѣжаніе соперничества пчелъ съ церковными). На Спаса (6-го авг.) добывался изъ церковной пасѣки первый медъ, изъ церковнаго садика первые яблоки и груши, то и другое освящалось на литургіи и раздавалось присутствующимъ на *починокъ*. Самъ отецъ ни за-что не ѣлъ яблокъ, грушъ и меду до Спаса и намъ — дѣтямъ запрещалъ ѣсть, а прихожанъ строго бранилъ, если замѣчалъ въ комъ отступленіе отъ этой заповѣди, которую онъ сравнивалъ съ заповѣдью въ раю. На *Семена* (1-го сентября) собирались къ церкви хозяева и совѣщались съ отцомъ, сколько ульевъ продать, сколько оставить на зимовлю. Вырученныя отъ продажи меду деньги составляли церковный доходъ и служили найбольшимъ подспорьемъ въ нуждахъ церковныхъ. Воскъ шелъ на свѣчи къ иконамъ и *братерскія*, которыя держали почетные хозяева во время пѣнія „херувимской“ и „Тебе поемъ“. Формы древнихъ братствъ давно уже не существовало, но всѣ расходы и дѣла церковные производимы были отцомъ не иначе, какъ по совѣщанію съ старѣйшими и почетнѣйшими прихожанами, которыхъ выдвигала громада. Интересны были эти выдвиганія громады. Бывало отецъ скажетъ въ церкви (на „буди имя Господне“): „пора

бы намъ подумать о томъ-то, заходите—порадимся". Окончилась литургія и начинается выдвиганіе депутатовъ. Одни сами себя выдвигаютъ впередъ съ словами: „а що жъ, ходімъ... хто йде?" Другихъ окликаютъ прочіе или плечами выпираютъ изъ толпы: „идіть же, Омельку... Степане... Иване...". Иной удираетъ по какимъ-либо дѣламъ домой, но его догоняютъ и заставляютъ вернуться, не смотря на предъявляемые имъ резоны. Шли вообще охотно—сколько изъ почести, столько-же и потому, что отецъ дѣйствительно чествлъ громаду и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ шелъ противъ рѣшенія ея,—ну, да при томъ-же отъ отца не уйдешь безъ довольнаго угощенія.

Въ совершеніи обрядовъ и богослуженій отецъ мой отличался глубокою простотою и независимостью. Теперь-бы ему мѣста не нашлось въ монастырѣ на эпитиміи за такую самостоятельность, да и тогда, при священникахъ—„богословахъ", щеголявшихъ формами благоговѣнія и почтенія къ службѣ, онъ непремѣнно пошелъ бы „муку сѣять", если бы не старый благочинный, любившій его.

Дома отецъ молился всегда и неизмѣнно по книгѣ, утромъ и вечеромъ, а часто и въ теченіи дня. Читалъ онъ молитвы, иногда стоя предъ образомъ, иногда ходя—по комнатѣ, по двору, по выгону сельскому, то тихо шепча слова, то громко выкрикивая фразы. Среди молитвы ничего не значило для него обращаться къ проходящему съ разными вопросами, замѣчаніями, даже нагоняями. „Помилуй мя, Боже, по великѣй милости Твоей"... умиленно со вздохами читаетъ онъ..: „а куда такъ біжишъ"? замѣчаетъ тутъ-же спѣшившему слугѣ, и, получивъ успокоительный отвѣтъ, продолжаетъ: „и по множеству щедротъ твоихъ очисти безаконіе мое".. Въ интересномъ случаѣ, прервавъ молитву, подолгу побесѣдуетъ, выбранитъ, если найдетъ за что, и опять продолжаетъ молитву. Священники—„богословы" смѣялись надъ этимъ обычаемъ „псалтирниковъ". Но я видѣлъ такой примѣръ на великомъ святителѣ русской церкви, кіевскомъ митрополитѣ Филаретѣ (1837—1857), будучи пѣвчимъ въ хорѣ его. Извѣстно, что это былъ непрестанный молитвенникъ въ буквальномъ смыслѣ, что псалтирь не сходила съ устъ его. Ходитъ бывало въ прогулкѣ по саду, а не разъ случалось и по полю съ нами, малыми пѣвчими, и все шепчетъ псалмы. Явственно слышимъ изъ устъ его псаломъ за псалмомъ, тихо идемъ за нимъ. „*Коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ,*

желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господи... а, вотъ и малина, кушайте дѣти... *Сердце мое и плоть моя возрадовастася*... да не ломайте кустовъ, осторожно... *ибо птица обрьте себѣ*... зеленой не кушайте... ну, бѣгите"... Онъ-ли не зналъ псалтири наизустъ? А бывало, во время длинной дороги, при объѣздахъ епархіи, позоветъ къ себѣ въ карету одного изъ насъ, посадитъ противъ себя, держи предъ нимъ псалтирь, а онъ читаетъ всю дорогу, перелистывая, и тутъ-же дѣлаетъ вопросы рядомъ съ нимъ сидящему архимандриту, потребуетъ чрезъ окно у лакея апельсину, жуетъ и глазами водитъ по книгѣ. Разъ на почтовой станціи нашли нужнымъ что-то починить въ каретѣ его. Мы были въ дорогѣ съ нимъ, слѣдуя неразлучно въ своей колымагѣ за его экипажемъ. „Ну, дѣти, пойдемъ впередъ по дорогѣ". Идемъ, старикъ все шепчетъ про себя, прерывая молитву вопросами прохожимъ, въ изумленіи глядѣвшимъ на невиданную процессію, крестьянамъ: „съ работы, домой? Хороша жатва"? и т. п. Вдругъ ручеекъ поперекъ дороги... „Сядемъ на травѣ". Сѣли... солнце заходило. Пошепталъ немного святитель и громко читаетъ: „солнце позна западъ свой... пропойте, дѣти, *Свѣте тихій*"... Мы тихонько пѣли, онъ подпѣвалъ сиплымъ дребежжавшимъ голосомъ. Опять сталъ шептать. „А твердо помните вы изъ катихизиса о таинствахъ? Вотъ васъ семь, разскажите каждый по порядку про одно изъ семи таинствъ". Стали разсказывать, онъ поправлялъ, дополнялъ, иногда забывая про насъ и шепча про себя... Въ сторонѣ отъ насъ образовался кружокъ прохожихъ крестьянъ, глядѣвшихъ на дивнаго старца съ дѣтьми. Подъѣхали экипажи...

Читатель проститъ мнѣ это небольшое отступленіе по поводу формы домашней молитвы отца моего; оно достаточно поясняетъ молитвенные обычаи старины, у которой форма часто пропадала въ духѣ. Увы, отецъ мой былъ слишкомъ простъ въ своихъ внѣшнихъ молитвенныхъ дѣйствіяхъ; такимъ-же почти онъ былъ и за церковнымъ богослуженіемъ, но не соблазняло это его прихожанъ, ибо всѣ они знали, какъ искренно онъ былъ набоженъ, какъ горячо любилъ церковность и молитву. Удивительнымъ образомъ мирилось въ немъ строгое соблюденіе церковнаго устава и въ тоже время отступленіе отъ его правилъ и формъ. Все покрывала вѣра простая, духъ молитвенный и особый взглядъ на службу Божію.

Не позволялъ напр. отецъ выбрасывать что либо изъ чтенія, какъ теперь выбрасываютъ псалмы, цѣлыя каѳизмы, стихиры, кондаки, сѣдальны, даже въ архіерейскихъ церквахъ. Но вотъ постъ великій, седмица страстная. Сколько тутъ чтенія и пѣнія! Три службы въ день и между ними говѣльщики, требы, заботы хозяйственныя. Подходитъ очередь субботныхъ паремій; при умѣломъ, бѣгломъ чтеніи они займутъ до часу времени. Отецъ укажетъ бывало дьячку двѣ—три пареміи и прибавитъ: „а то дома вычитай..., та гляди, бо Богъ скарае". И отецъ и дьячекъ вѣрили, конечно, что служба Божія отъ того ничего не потеряла, ибо назначенное для Бога предъ Богомъ вычитано сполна, хотя и на дому. Когда я подросъ, отецъ обыкновенно меня заставлялъ „вычитывать" эти пареміи дома предъ образомъ. Тоже самъ онъ дѣлалъ относительно евангелій въ страстную недѣлю. Въ церкви онъ читалъ только отрывки изъ того или другаго евангелія, а дома постоянно читалъ, ходя и стоя, евангелія подъ рядъ, дабы къ великому четвергу „вычитать" всѣхъ евангелистовъ отъ начала до конца. Ничего не составляло для него дѣлать подобныя отступленія при совершеніи вечерни. Служба эта краткая, но она захватывала иногда отца—сельскаго хозяина среди недоконченныхъ работъ и заботъ. Войдетъ онъ въ церковь, надѣнетъ эпитрахиль, скажетъ: „Благословенъ Богъ"... и выйдетъ изъ церкви, ходитъ по погосту, припоминаетъ недоконченное, отдаетъ приказы, дѣлаетъ распоряженія и въ то-же время молитвы, положенныя по книгѣ, читаетъ, заговариваетъ съ проходящими мимо церкви крестьянами и чутко прислушивается къ тому, какъ идетъ въ церкви чтеніе и пѣніе. Вдругъ дьячекъ запѣлъ: „Господи полилуй, Госп..." Отецъ тутъ-же, ставши лицомъ къ востоку, громко произноситъ свое: „Паки и паки... Заступи, спаси... Пресвятую, пречистую..." и продолжаетъ начатый распросъ, недосказанное распоряженіе, или опять ходитъ по погосту, пока не придетъ время кажденія или большой эктеніи и под. Дьячекъ давно свыкся съ такимъ порядкомъ, читалъ иногда и безъ священника вечерню и часы и потому, не слыша подчасъ возгласа, продолжалъ читать и пѣть и уходилъ далеко впередъ. Входившій отецъ возвращалъ его назадъ и служба шла до новаго перерыва. Разъ пропущенъ былъ малый входъ и любимый отцомъ догматикъ, дьячекъ началъ уже: *Свѣте тихій...* Вдругъ отецъ изъ олтаря: „а

ты оце вже *Світе тихій?* Якій скорый! А ну лишень: *Въ чермнімъ морі*", и съ этимъ становится посреди церкви, начинаетъ свою любимую пѣснь, поетъ—заливается, въ глазахъ слезы, въ лицѣ молитва—искренняя, горячая, къ небу идущая... Что любилъ онъ, то пѣлъ два, три и болѣе разъ, не стѣсняясь уставнымъ порядкомъ. Въ службѣ подъ день Успенія Божіей Матери есть глубоко трогательная по содержанію и напѣву пѣснь: *Апостоли, отъ конецъ земли совокупльшеся здѣ, погребите тѣло мое, и ты, Сыне и Боже мой, пріими духъ мой!...* Отецъ особенно любилъ эту пѣснь; ея напѣвъ доводилъ его до какого-то экстаза, забытья. Пришло разъ время пѣть ее, а меня съ братомъ въ церкви не оказалось. Отецъ начадъ, но послалъ искать насъ; мы прибѣжали, когда онъ съ дьячкомъ доканчивалъ пѣніе уже въ третій разъ. Тѣмъ не менѣе снова въ четвертый разъ отецъ началъ тоже: *Апостоли,* а потомъ и пятый разъ и всякій разъ при словахъ: „погребите тѣло мое, и ты, сыне и Боже мой, пріими духъ мой"! слезы неудержимо лились изъ глазъ его, и все внимало ему, молилось также глубоко и горячо. По окончаніи вечерни, иногда совсѣмъ уже пустившись домой, отецъ вдругъ поворачивалъ: „а, може, ще що заспіваемъ"? Придумаетъ, и „заспіваемъ"... На литургіи онъ едва поспѣвалъ читать эктеніи, молитвы и пѣть за клиросомъ. У него были любимые напѣвы херувимской, милость мира и т. д. Дьячекъ долженъ былъ медленно пѣть, чтобы отецъ успѣлъ прочитать положенную молитву и хотя конецъ пѣсни пропѣть съ нимъ, или-же отецъ, кончивъ молитву, снова начинаетъ ту-же пѣснь, которую дьячекъ окончилъ. Иногда дьячекъ—торопится-ли куда нибудь послѣ литургіи, или не въ духѣ противъ отца, начиналъ пѣть *по новому* (простое, придворное пѣніе). Отецъ перебиваетъ его—пой по своему, тотъ упрямо продолжаетъ начатое; тогда отецъ выходитъ на сѣверную дверь и начинаетъ распекать дьяка: „ну, я-жъ тебе прошу —не чуешь? ну, співай-же, якъ прошу..." Разъ на утрени Пасхи, когда отецъ посреди церкви христосовался съ народомъ, а на клиросѣ пѣли пасхальныя стихиры, я, поминая школу, гдѣ насъ заставляли иныя пѣсни пѣть по гречески, запѣлъ на клиросѣ по гречески: *Христосъ воскресе.* Но едва я началъ: Χριστὸς ἀνέστη ἐκ νεκρῶν... какъ отецъ, не подозрѣвавшій тутъ моего велемудрія, вдругъ прервалъ меня: „що ты, небоже, съ просоня"? Дьякъ, посвященный въ сек-

ретъ, объяснилъ въ чемъ дѣло. „А, отвѣчалъ отецъ, то цікаво! Слухайте, добрі люди, якъ греки співають: *Христось воскресе...*„ „Добрі люди“ слушали съ любопытствомъ, а отецъ потомъ пояснилъ имъ, что греки когда-то имѣли своего царя и что они научили насъ, русскихъ, въ Бога вѣровать, они-же написали всѣ пѣсни, которыя поются въ церкви, и церковную службу установили. „Ну, ще разъ заспівай“. Конечно, я пропѣлъ... Безъ всякаго сомнѣнія, отецъ мой никогда не говорилъ проповѣдей въ смыслѣ нынѣшнихъ. Онъ читалъ поученія или синаксари, положенныя въ тріодяхъ, или меня (когда я былъ уже „богословомъ“) заставлялъ читать ихъ. Въ особенныхъ случаяхъ у него экспромтомъ являлись и свои поученія—въ такомъ родѣ: „Щось вы, люди добрі, св. церковь забуваете. Который разъ васъ въ церкві не повно! Василя... Степана... Ивана... который разъ не бачу въ церкві! Скажить імъ, що то—гріхъ, стыдно. Прійде сповідь, піймаю я ихъ, дамъ имъ“... По случаю какихъ либо безобразій, появившихся въ деревни, скандаловъ на *вечерницахъ* и *досвіткахъ*, пьянства, побоевъ мужьями женъ, воровства и под., отецъ выступалъ съ поученіемъ: „Що то у насъ въ селі повелось диковенного? Подуріли люди, чи що? Що то вы уже перестали Бога бояться? Забули, що вінъ есть на небі, бачить, що діеця на світі? Хочете хиба, щобъ вінъ прійшовъ зъ неба до васъ зъ батогомъ?“... и т. д. Но самыя внушительныя проповѣди происходили во время говѣнья. Тутъ отецъ постоянно былъ въ возбужденіи. Вотъ одинъ подошелъ къ столику съ крестомъ, иконою, сталъ на колѣни, свѣсилъ голову; отецъ, сидя на стулѣ, покрылъ его эпитрахилемъ, наклонился къ нему и въ полголоса бесѣдуетъ. Потомъ бесѣда его становится все громче и громче и явственно слышишь: „и то добре, що у тебе діти не роспустні, поважають старшихъ, и мирно въ домі, съ сусідами... Господь тебе не оставить“... Слѣдуетъ разрѣшительная молитва. Исповѣдавшійся встаетъ, цѣлуетъ крестъ, икону и отходитъ,—отецъ въ догонку говоритъ: „забий десять поклонівъ, та прочитай: *Отче нашъ* и *Богородице Дѣво*“... Подходитъ другой: тихая бесѣда опять переходитъ въ громкую: „то що-жъ се, ты хиба святый, жадного гріха не маешь? Пішовъ, ледащо, та одумайся... Роскажить ему, люди добрі, якъ треба сповідатися“—обращался онъ къ предстоявшимъ. Тотъ отходитъ со стыдомъ и являлся чрезъ часъ—два. Но вотъ

подошелъ какой-то пасмурный, видимо растерявшійся; преклонился, въ толпѣ прошелъ шепотъ. Отецъ, не покрывая его эпитрахилемъ, всматривается въ него: „а, голубе, таки прійшовъ до Господа Бога —громко говоритъ отецъ:—отъ Бога не утічешь"... „То мы его привели"—отзываются тихо изъ толпы. „То-то, продолжаетъ отецъ —отъ Бога не утічешь, Богъ всюду найде тебе... Ну, що-жъ теперь буде зъ нами? Якъ ты самъ думаешь"?.. Грѣшникъ стоитъ на колѣняхъ, совсѣмъ потерянный. „Що мы зъ нимъ зробимъ, добрі люди"?, обращается отецъ къ предстоящимъ. „Возьміте та привяжите его на якій часъ до яблоні, нехай тамъ спокутуе гріхъ свій"... *Добрі люди* ожидали этого. Староста, дачекъ, почтенные хозяева подхватывали грѣшника, уводили изъ церкви и привязывали веревкой къ яблони у входа въ церковь. Прохожіе молча глядѣли на него, никто не удивлялся, не спрашивалъ, за что. Иная баба только проговоритъ жалостно: „охъ, тяжкій гріхъ, литечко"!... Никто не спрашивалъ о причинѣ кары потому, что давно уже все село знало его вину, долго говорили о ней и давно всѣ порѣшили, какъ поступить съ нимъ при исповѣди. Это—сынъ, побившій своего отца, пьянствующій, буйствующій въ домѣ, никого не слушавшій, не являвшійся въ церковь долгое время. Побить отца или мать считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Между эпитиміями, налагаемыми на кающихся, кромѣ частныхъ или личныхъ, были и общія для всѣхъ, состоявшія въ томъ, что кающіеся должны были исполнить какія либо работы при церкви и въ усадьбѣ отца, напр. окопать огородъ рвомъ, огородить дворъ плетнемъ, поправить крыши на домѣ или хозяйственныхъ строеніяхъ, а толковые и знающіе—поправить или переложить парканъ при церковномъ погостѣ, поправить дощатую обшивку на наружныхъ стѣнахъ церкви и т. п. Такъ велось изстари и отецъ никогда не измѣнялъ этого обычая, даже послѣ введенія „инвентарей", которыми возложена на крестьянъ обязанность строить и починять для причта дома и службы на свой счетъ—обязанность, которой отецъ мой никогда не признавалъ, предпочитая эпитимійный способъ или „толоку" т. е. работу за угощеніе.

Въ частныхъ обрядахъ отецъ свято соблюдалъ старину, не обращая никакого вниманія на указы и запрещенія. Извѣстно, что въ „Московскомъ Требникѣ", окончательно редактированномъ при

патр. Никонѣ, принято весьма незначительное количество обрядовъ на разныя случаи въ быту христіанина—изъ той массы ихъ, какая существовала до того времени въ различныхъ редакціяхъ требника въ Греціи, Сербіи, Молдавіи, на Аѳонѣ, въ южнорусской церкви и въ самой Великороссіи. Въ одномъ требникѣ Петра Могилы (1646 г.) имѣется до 48 обрядовъ, не принятыхъ въ никоновскомъ требникѣ. Послѣ возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковію (1839 г.), указомъ св. синода повелѣно отобрать у всѣхъ церквей богослужебныя книги старыхъ мѣстныхъ изданій и замѣнить ихъ изданіями московской редакціи. Отецъ не подчинился этому указу въ отношеніи требника. У него свято хранилось какое-то старинное изданіе требника безъ заглавнаго листа и, кромѣ того, писанныя молитвы на разные случаи. Жучокъ появился въ поляхъ—есть обрядъ, отецъ отправляется въ поля и служитъ молебенъ объ избавленіи отъ жучковъ. Моръ на скотъ въ деревнѣ —есть обрядъ, сгоняютъ со всей деревни скотъ, отецъ служитъ молебенъ объ избавленіи отъ мора, окропляетъ скотъ священною водою. Появилась въ селѣ холера—есть такой обрядъ, отецъ обходитъ съ процессіей вокругъ всей деревни, на четырехъ сторонахъ его служитъ молебенъ и весь путь окропляетъ св. водою. Были молебны „на страждущихъ огневицею“, „противъ огня“ (во время пожара) и т. п. Однимъ словомъ, на всякую повидимому нужду находился обрядъ или молитва [1]). Помню, какъ однажды, прочитывая отцу уніатскія церковныя визиты, хранившіяся въ церкви, я встрѣтилъ въ нихъ указаніе на обычай звонить каждый вечеръ въ

---

[1]) У весьма многихъ священниковъ я встрѣчалъ потомъ и доселѣ то старинныя православныя, то—чаще всего уніатскія (сдѣланныя по требнику Петра Могилы) изданія требниковъ, то рукописныя сборники молитвъ, которыми они пользовались въ нуждахъ прихожанъ. Это, кажется, вполнѣ извѣстно епархіальнымъ архіереямъ и св. синоду. Остается открытымъ вопросъ: законно или незаконно въ этомъ случаѣ поступаютъ священники? Замѣна всѣхъ редакцій требника никоновскимъ означаетъ-ли запрещеніе непринятыхъ въ немъ обрядовъ, или только предоставленіе ихъ личному благоразумію священника? Кажется, пора рѣшить этотъ вопросъ. Едва-ли церковь рѣшится наложить на нихъ запрещеніе; скорѣе духъ церковный потребуетъ оживленія этой части богослуженія... Въ такомъ случаѣ необходимо пересмотрѣть и исправить эти обряды и молитвы, въ которыхъ по мѣстамъ проглядываютъ предразсудки и глубокое невѣжество.

колоколъ, дабы прихожане во всѣхъ домахъ прочитали: *Богородице Дѣво, радуйся...*,—обычай впервые установленный въ приходѣ уніатскою властію по примѣру римско-католическихъ церквей. Отецъ, весьма дорожившій этимъ сохранившимся въ приходѣ обычаемъ, но ненавидѣвшій уніатовъ, крайне изумился этому указанію, но затѣмъ рѣшилъ, что уніатскій визитаторъ вретъ, а вѣроятно уніатскій священникъ, о которомъ визита отзывается, какъ о пьяницѣ, нерадящемъ о добрыхъ обычаяхъ въ приходѣ, опустилъ и этотъ обычай,—что у его отца звонили, во всѣхъ православныхъ приходахъ издавна звонили... Звонъ остался по прежнему... Также разсуждалъ онъ и о обливаніи при крещеніи и крестилъ чрезъ обливаніе, „по старому, а не по новому“ (чрезъ погруженіе), какъ онъ выражался.

Послѣ литургіи почетные прихожане изъ церкви шли къ отцу въ домъ „на молитву“. Въ комнатѣ, носившей громкое названіе „покоя“, былъ глиняный полъ, „канашка“, покрытая ковромъ домашней работы, шесть простыхъ стульевъ, такой-же столъ, впослѣдствіи къ нимъ прибавился комодъ и маленькій столикъ. Мебели немного! За то иконъ было немало, на всѣхъ стѣнахъ, всѣ въ натуральную величину, на полотнѣ, такъ что „покой“ походилъ на молельню или часовню. На столѣ уже заранѣе приготовлены были водка, хлѣбъ, масло, пироги. Отецъ громко прочитаетъ молитву Господню, поблагословитъ „ястіе и питіе“, наливаетъ рюмку водки и, обращаясь къ ближайшему гостю, говоритъ: „дай Боже здоровья“! затѣмъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ, произнося: „дай намъ, Боже, здоровья“! выпиваетъ непремѣнно до дна, наливаетъ чарку вновь и подноситъ ее тому, къ кому лично обращался съ пожеланіемъ здоровья. Тотъ, принявъ чарку, такимъ-же порядкомъ обращается къ своему сосѣду и ко всѣмъ съ пожеланіемъ здоровья и т. п. Сидѣли, говорили о погодѣ, урожаѣ, о случаяхъ въ деревнѣ, нуждахъ личныхъ и общихъ, панахъ, панщинѣ, вообще о деревенской политикѣ. Словомъ: сошлись прихожане у старшаго своего пріятеля и главы и ведутъ рѣчи по душѣ. Поговорили—опять начинали: „дай Боже здоровья“... Иногда и въ третій разъ здоровались. Но допьяна при этомъ никогда не напивались. Это послѣднее случалось только тогда, когда у отца сойдутся два—три пріятеля изъ прихожанъ и застанутъ его безъ дѣла, въ скукѣ и

тоскѣ, въ которую онъ часто впадалъ съ постепенною перемѣною всѣхъ условій быта въ деревнѣ. Отецъ радъ тогда пріятелямъ. Пойдутъ тоскливыя рѣчи про личное и общее горе, про старыя времена, когда и людямъ было легче, и священникамъ лучше... На столѣ появляется „ястіе и питіе“, рѣчи становятся веселѣе, духъ бодрѣе, чувства несутся, какъ волны—то приливъ, то отливъ; оживленіе, достигши извѣстной степени, вдругъ понижается, снова пошли тоскливыя рѣчи. Откуда-то появляется дякъ, всегда чуткій къ подобнымъ собраніямъ у отца и умѣющій вторить чувствамъ его, выступаемъ и мы съ братомъ на сцену и начинается: „Хвалите Господа съ небесъ“... „Излій на мя, Боже“... „Горе мнѣ грѣшнику сущу“... Вдругъ отецъ громко начинаетъ: „Ой, у полі могила“... Въ этой пѣсни соединены были два тяжкія для сердца отца событія въ его жизни: вдовство его и изломанная доля старшаго сына:

Ой, у полі річка,
Черезъ річку кладка,—
Не покидай, козаченьку,
Рідненького батька.
Бо якъ батька покинешь,
То й самъ марне загинешь,
Річенькою быстренькою
На Дунай заплынешь...

Уже на этихъ словахъ голосъ отца дрожалъ, слезы текли изъ глазъ его, онъ употреблялъ усилія, чтобы допѣть послѣдніе стихи:

А вдарився бідный вдовець
Та въ полы руками,—
Дітки мои дрибненькіи,
Пропавѣ-же я зъ вами.

Тутъ отецъ падалъ ничкомъ на „канапку“, долго и громко рыдалъ и всѣ плакали. Эта пѣсня неизмѣнно являлась на сцену и не теряла своего значенія для отца даже тогда, когда „дітки“ давно уже перестали быть „дрибнепькими“ и мы съ братомъ были уже „богословами“, а сестра невѣстою...

Безъ сомнѣнія, что отецъ бывалъ въ гостяхъ у своихъ прихожанъ и не только на поминкахъ, но и безъ всякаго повода, по

пріязни, и неразъ возвращался изъ гостей хмѣльной. Когда мы съ братомъ были уже „богословами“ и достаточно уже полированы были семинарщиною, мы иногда вступали съ отцомъ въ препирательство на счетъ подобнаго братанья съ „мужиками“. Отецъ очень сердился на насъ въ подобномъ случаѣ и бранилъ „новыхъ“ священниковъ за отчужденіе отъ „мужика“. „Со мною, говаривалъ онъ, мужикъ выпьетъ и Бога не забываетъ, а безъ меня сойдутся —напьются какъ свиньи, дерутся, сквернословятъ, въ корчму идутъ... Мужикъ пьетъ не изъ роскоши, но по трудахъ или съ горя. Не пить ему нельзя, но нужно беречь его, чтобъ не пропивался“... Конечно, это не были принципы, изъ которыхъ возникали отношенія моего отца къ прихожанамъ, но оправданіе непонятной для него и неумолимой силы старины, воспитавшей такія отношенія и поставившей священника фактическимъ и единственнымъ въ то время руководителемъ народной нравственности. Теперь не то, теперь и и писарь, и старшина, и посредникъ, и мировой судья, и становой —все опекуны народа, всякій скажетъ: „не ваше, батюшка, дѣло мѣшаться въ крестьянскія дѣла“... Прежде было другое; погрозитъ бывало развѣ становой, да всѣ *люди* знаютъ, что это онъ—„съ дуру“ да и пріѣдетъ онъ въ село разъ—два въ году, чтобы сдѣлать честь „пану“, взять съ него „получку“, а старыя отношенія въ селѣ продожали царить по прежнему. Вотъ бывало ночью гдѣ-то на селѣ слышенъ крикъ, шумятъ, бушуютъ. Отецъ тотъ часъ посылаетъ дяка, старосту—немедленно прекратить шумъ. Слышны пьяныя пѣсни, хохотъ, пьяное веселье—опять командируется староста, дякъ, сторожъ церковный съ прибавленіемъ: „скажите, что, если не послушаются, самъ приду съ палицею, да котораго нибудь такъ попотчую, что два дня будетъ чесаться“... Приходитъ баба: „ой, батюшка, чоловікъ пье, та мене и дітей убиває“!... Беретъ отецъ палку, кликнетъ дяка, старосту и идетъ—и вѣроятно судъ былъ скорый, правый, хотя и несовсѣмъ милостивый. Диву дался однажды отецъ мой, когда совершенно случайно узналъ, что священникъ по чину то-же, что и капитанъ. Это важное открытіе сдѣлалъ для него братъ жены его, священникъ „изъ философовъ“, кутило и драчунъ, разсказавшій ему при этомъ, какъ онъ заставилъ одного юнкера, чванившагося предъ нимъ своимъ чиномъ, сдѣлать „руки по швамъ“, когда показалъ ему табель о рангахъ въ духовенствѣ, гдѣ священ-

никъ поставленъ въ одномъ рангѣ съ капитаномъ. Отецъ, никогда не подозрѣвавшій на себѣ чина, да еще такого высокаго, дня два ходилъ совсѣмъ смущенный, повторяя про себя: „капитанъ... капитанъ... то мужикъ уже повиненъ ждать и трепетать у мене передъ крыльцомъ, а не входить въ покои"?.. (такъ внушалъ „философъ" въ силу капитанскаго чина). Но „философскій" соблазнъ скоро прошелъ, и отецъ по прежнему не выходилъ изъ роли „псалтирника" въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ и вспоминалъ о своемъ великомъ чинѣ только въ раздраженіи противъ помѣщика или становаго, самодовольно поговаривая: „не посміе, короткі руки... я—капитанъ"!..

Такъ до конца отецъ остался вѣренъ завѣтамъ старины. Новыя порядки, новыя вѣянія какъ волны наступали на него со всѣхъ сторонъ, но онъ стойко и упрямо отбивался отъ нихъ, сколько хватало у него силъ. Онъ не только не былъ врагомъ новыхъ требованій, но напротивъ благословлялъ имя императора Николая, приписывая ему лично иниціативу всѣхъ этихъ требованій, тѣмъ болѣе, что каждое распоряженіе начиналось: „По указу Его императорскаго величества —ская духовная консисторія *слушали*"... Но „слушали" и „приказали" большею частію не походить предъ нимъ одно на другое и ему все казалось, что „царь не того хоче, що *приказали*". Онъ слезами радости встрѣтилъ насъ, когда мы, пріѣхавъ на каникулы, показали ему свои виды въ доказательство, что мы „переведены въ богословіе", но онъ почти ни въ чемъ не могъ сойтись съ священниками—„богословами" и чуждался быта ихъ. Онъ радовался установленію „инвентарей", но всегда твердилъ, что съ введеніемъ инвентарей для народа пошло все хуже и для всѣхъ стало невыносимо. Не умѣла старина понять новизны, какъ и новизна съ пренебреженіемъ относилась къ старинѣ. Таковъ ужъ историческій грѣхъ нашихъ реформъ! Новыя отношенія, созданныя введеніемъ инвентарей, всего бѣлѣе подкосили энергію отца. Озлобленные паны дѣлали изъ мухи слона, ждали крестьянскихъ возстаній, рѣзни поляковъ, въ непослушаніи, спорахъ за черту владѣнія, тѣмъ болѣе въ похвальбѣ изъ-за угла видѣли бунтъ, просили о присылкѣ войскъ, и крестьяне жестоко платились за свою полуволю. Священники возбудили противъ себя сильное неудовольствіе со стороны прихожанъ за устраненіе отъ всякихъ объ-

ясненій инвентарныхъ правилъ и отъ всякихъ ходатайствъ по дѣламъ ихъ предъ помѣщикомъ и предъ властями. Крестьяне не могли вѣрить, чтобы священникамъ запрещены были всякія объясненія по этимъ дѣламъ, потому что на глазахъ ихъ въ церкви имъ вручались исправниками инвентарныя правила, причемъ объявлено было, что за всѣми объясненіями правилъ должно обращаться къ священнику. Нѣкоторые священники уступали напору крестьянъ, но крестьяне отъ этого ничего не выигривали, а смѣльчаки—священники попадали подъ арестъ, на эпитимію, лишались своихъ приходовъ. Новая порода священниковъ хотѣла жить сообразно съ потребностями „образованнаго человѣка“ (капитана?) и, пользуясь инвентарными правилами, возлагавшими на крестьянъ обязанность на свой счетъ строить священникамъ дома и службы, пахать поля, убирать хлѣбъ, требовали постройки домовъ не хуже, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, въ какихъ жили панскіе экономы,—чтобы была передняя, залъ, семейныя комнаты, канцелярія для пріема „мужиковъ“, требовали крестьянъ на работу, а въ случаѣ отказа, обращались къ экопому или помѣщику, который чрезъ своихъ агентовъ заказывалъ по селу: „на панщину до попа“. Въ воображеніи крестьянъ священникъ сталъ рядомъ съ помѣщикомъ—голякомъ! Вмѣсто одной панщины явилось двѣ! Бывали случаи, что крестьянъ пороли на панскомъ дворѣ, да еще иногда при становомъ, за уклоненіе отъ „панщины“ священнику. Отецъ мой, никогда не прибѣгавшій къ панщинѣ, довольствовавшійся все тѣмъ-же домикомъ съ глинянымъ поломъ, все болѣе и болѣе никнулъ въ виду происходившей сумятицы въ отношеніяхъ между священниками и прихожанами и въ цѣлой сферѣ деревни. Оставшись одинокимъ среди новыхъ священниковъ, бодро выносившихъ новый духъ, требованія времени, совершенно замкнувшись въ своемъ приходѣ, онъ и тутъ не находилъ уже покоя. Изъ сосѣднихъ приходовъ толки, настроенія проникали и въ его приходъ и производили подъ-часъ недоразумѣнія. Новые священники критиковали его братанье съ „мужиками“, его воззрѣнія на свои обязанности, на все, чѣмъ онъ жилъ и дышалъ всю жизнь, собственныя дѣти его какъ будто больше льнули на сторону священниковъ—„богослововъ“... Онъ началъ терять увѣренность въ себѣ, быстро сталъ падать въ энергіи и физическихъ силахъ, считалъ себя лишнимъ на свѣтѣ, поджидалъ только жениха

для дочери, чтобы уступить ему приходъ. Заслышитъ бывало крикъ, шумъ въ деревнѣ, буйное веселіе и крикнетъ: „эй, позовите старосту“. Приходитъ староста; отецъ уже запинается и переводитъ разговоръ на совершенно иной предметъ. Выйдетъ бывало на царскія врата и начнетъ: „що то у насъ, люде добрі, въ селі повелось? Пьянство, распутство... Бога не боітесь уже? Хочете, щобъ я“... и оборвалъ... почешется въ головѣ, махнетъ рукою и спѣшитъ окончить литургію. „Ну ихъ, потомъ объясняетъ намъ, скажутъ еще, что вмѣшиваюсь въ дѣла крестьянъ, еще на эпитимію пошлютъ“... Какъ дубъ, подточенный въ корняхъ, повалился этотъ послѣдній представитель старины въ своемъ околоткѣ.

Въ 1853 году отецъ уступилъ свой приходъ зятю, а чрезъ два года скончался.

N.

(Продолженіе будетъ).

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко,

по воспоминаніямъ разныхъ лицъ.

(1831—1861 г.).

Я лично не зналъ Шевченка и въ первый разъ узналъ о немъ весною памятнаго 1847 года; въ то время я находился въ Петербургѣ, въ учебномъ заведеніи, и на праздникъ былъ отпущенъ къ брату, служившему въ Петербургѣ. Отъ брата я узналъ, что сестра моя, въ борзенскомъ уѣздѣ (черниг. губ.), вышла замужъ за малороссійскаго писателя Кулиша, что на свадьбѣ былъ малороссійскій поэтъ Шевченко—въ „боярахъ“ и въ числѣ прочихъ подписался на письмѣ къ моему брату. Я видѣлъ это письмо и помню подпись крупными буквами: „бояринъ Т. Шевченко“. Вскорѣ за тѣмъ я познакомился съ стихами Шевченка; первые, слышанные мною, были слѣдующіе изъ „Тарасовой ночи“:

На роспутті кобзарь сидить
Та на кобзі грає;
Круг̀омъ хлопці та дівчата,
Якъ макъ процвітає...

Затѣмъ слышалъ нѣкоторые стихи изъ „Посланія до земляківъ“. Стихи Шевченка произвели на меня очень сильное впечатлѣніе; они глубоко запали тогда въ мою, еще дѣтскую, душу...

Года черезъ три послѣ моего перваго знакомства съ произведеніями Шевченка, судьба привела меня на родину, въ родительскій домъ. На родинѣ я много наслышался о Шевченкѣ, который (въ началѣ 1847 г.) бывалъ у моей матери и у многихъ родныхъ въ Борзенщинѣ; всѣ, видѣвшіе его, о немъ хорошо помнили.

Я очень жалѣю, что тогда не записывалъ разсказовъ о Шевченкѣ; да и до послѣдняго времени я ничего не записывалъ о немъ. Думалось, что, такъ какъ очень многіе знали его лично, поль-

зовались его дружбою или знакомствомъ и находились съ нимъ въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ, то они, эти многіе, и припомнятъ *многое* о Шевченкѣ, напишутъ и передадутъ въ печать. Но, къ сожалѣнію, вышло не такъ: изъ числа пяти „соузниковъ" Шевченка, которымъ онъ посвятилъ два стихотворенія [1]), въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, протекшихъ со дня кончины Тараса Гр., только одинъ Н. И. Костомаровъ напечаталъ свои воспоминанія о немъ [2]), да другой, П. А. Кулишъ, написалъ о немъ въ свое время десятокъ строчекъ, и очень недавно, изъ личныхъ воспоминаній о Шевченкѣ, огласилъ одно, доселѣ никому неизвѣстное обстоятельство изъ жизни какъ Шевченка, такъ и своей собственной и одной своей знакомой украинки, поклонницы Шевченка [3]). Изъ числа немалочисленныхъ товарищей Шевченка по академіи художествъ только два, О. И. Пономаревъ [4]) да М. О. Микѣшинъ [5]), напечатали свои воспоминанія о немъ; а изъ многочисленнаго круга личныхъ давнихъ пріятелей Шевченка одинъ лишь А. Афанасьевъ-Чужбинскій посвятилъ памяти Шевченка свои воспоминанія [6]).

---

[1]) Одно, написанное 30 мая 1847 г., «Сидючи въ неволі», и другое, озаглавленное «Моимъ соузникамъ», написаное во второй половинѣ 1847 г.

[2]) «Воспоминанія о двухъ малярахъ». «Основа», 1861 г., IV; собственно о Шевченкѣ, стр. 48—56; «Письмо» (воспоминанія о знакомствѣ съ Шевченкомъ). «Рус. Старина», 1880, III, стр. 597—610; «Воспоминанія о Шевченкѣ», написанныя 5 декабря 1875 г., Спб., и напечатанныя въ пражск. изд. «Кобзаря», 1876 г., т. I, стр. XIII—XXIII.

[3]) Въ статьѣ: «Переглядъ українськихъ книжокъ», «Основа», 1862 г. I, отд. библіогр., стр. 60—1; друг. ст. въ газетѣ «Трудъ» 1881 г., № 26-й.— Писалъ о Шевченкѣ и третій «соузникъ» Вас. М. Бѣлозерскій; но статья его: «Значеніе Шевченка для Украины», «Проводы тѣла его въ Украину изъ Петербурга» и отъ редакціи «Основы», помѣщенныя въ ней за 1861 г., VI, стр. 1—38,—не составляютъ *воспоминаній о Шевченкѣ*.

[4]) «Воспоминанія» о пребываніи Шевченка въ академіи художествъ въ 1830—1840-хъ годахъ. «Рус. Старина», 1880 г., III, стр. 587—596.

[5]) «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», «Пчела», 1876 г., № 16.

[6]) «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», въ «Рус. Словѣ» за 1861 г. и отдѣл. оттискъ, in 8, 39 стр.—Въ печатавшихся въ «Рус. Старинѣ» 1876 г. «Воспоминаніяхъ» Т. П. Пассекъ есть замѣтки о Шевченкѣ, относящіяся къ первому періоду его литературной дѣятельности и ко времени возвращенія его изъ ссылки. Нашлись и такіе «друзья» Шевченка, которые соглашались написать свои воспоминанія о немъ, *по заказу*, и при томъ за условную и очень высокую

Кромѣ воспоминаній о Шевченкѣ его давнихъ друзей и товарищей, были напечатаны и воспоминанія лицъ, знавшихъ его лично въ послѣдніе годы его жизни; изъ нихъ упомянемъ Л. М. Жемчужникова [1]), И. С. Тургенева и Полонскаго [2]); а также А. М. Лазаревскаго, который хотя и не печаталъ своихъ воспоминаній о Шевченкѣ, но собралъ и напечаталъ матеріалы для его біографіи [3]).

Изъ лицъ, не знавшихъ лично Шевченка, интересныя и новыя біографическія свѣдѣнія о немъ собрали и напечатали: М. К. Чалый [4]) и В. П. Масловъ [5]).

Вотъ, кажется, и все, что было напечатано до сихъ поръ изъ воспоминаній о Шевченкѣ. Итогъ очень скромный, слишкомъ невеликій для такого великаго человѣка, какъ Т. Г. Шевченко: всего нашлось десять лицъ, напечатавшихъ свои личныя воспоминанія о немъ! Печально...

Теперь приступлю къ изложенію всего, что мнѣ случалось слышать отъ разныхъ лицъ, лично знавшихъ Шевченка.

О Шевченкѣ въ Варшавѣ.

Шевченко, въ сороковыхъ годахъ, разсказывалъ малорусскому поэту тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Виктору Николаевичу Забѣлѣ (жившему въ хуторѣ около Борзны, † 1869 г.), что когда его, какъ крѣпостнаго дворового, вели зимою по этапу, изъ Варшавы въ Петербургъ, то у него порвался одинъ сапогъ, такъ что

плату, такъ что пришлось отказаться отъ такихъ—заказныхъ и мотивированныхъ «воспоминаній».

[1]) «Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе», «Основа», 1861 г., III, стр. 1—21.

[2]) Ихъ воспоминанія напечатаны въ пражск. изд. «Кобзарь», 1876 г., т. I, стр. III—XIV.

[3]) «Матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г. III, стр. 1—10.

[4]) «Новые матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г., V, стр. 45—61, и VI, стр. 1—27.

[5]) «Т. Г. Шевченко, біографическій очеркъ». М. 1874 г., 56 страницъ. Заключаетъ, между прочимъ, неизвѣстныя въ печати свѣдѣнія о жизни Шевченка въ оренбургскомъ краѣ, сообщенныя А. И. Макшеевымъ, знавшимъ лично Шевченка.

отпадала подошва, и Шевченко, чтобъ не отморозить ноги, вынужденъ былъ перемѣнять сапоги, надѣвая на время цѣлый сапогъ на мерзнувшую въ дрянномъ сапогѣ ногу; эти остановки надоѣли этапнымъ солдатамъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ Шевченка по шеѣ. Это можетъ относиться къ 1831 году, когда Шевченко находился въ Варшавѣ и былъ удаленъ, въ числѣ прочихъ русскихъ, по распоряженію польскаго революціоннаго правительства.

О Шевченкѣ въ Кіевѣ.

Вас. Вас. Тарновскій—отецъ († въ 1865 г.) разсказывалъ мнѣ, что у него въ сороковыхъ годахъ, въ Кіевѣ, бывали литературные вечера, которые посѣщали Н. И. Костомаровъ, Вас. Мих. Бѣлозерскій и другіе друзья и знакомые Тарновскаго, и въ числѣ ихъ и Шевченко. Однажды пришелъ онъ и прочиталъ только что написанное имъ извѣстное „Посланіе до земляківъ". Общее содержаніе этого произведенія и въ особенности тѣ мѣста, гдѣ говорится о козацкихъ гетманахъ, которыхъ Шевченко первый понялъ и выставилъ въ ихъ истинномъ видѣ, произвело на всѣхъ присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе: съ этого момента поклоненіе ясневельможнымъ и представленіе ихъ героями-рыцарями, рушилось... Слово Шевченка низвело ихъ съ пьедесталовъ и поставило на надлежащія мѣста.

Алексѣй Флоров. Сенчило-Стефановичъ, бывшій иконописнымъ живописцемъ и учителемъ рисованія въ кіево-подольскомъ училищѣ, въ 1840—60-хъ годахъ (родомъ изъ Нѣжина), былъ большимъ пріятелемъ Шевченка. О пребываніи Шевченка въ Кіевѣ (въ 1855—6 г.) онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: 1) Шевченко любилъ съ нимъ кататься по Днѣпру въ лодкѣ, и тогда они распѣвали одну изъ любимѣйшихъ пѣсень Шевченка.

Та по тімъ боці, та на толоці
Цвіте горошина,
А въ дівчини та чорніи брови,
Якъ у Волошина.

2) они участвовали въ учено-археологической экскурсіи и разрывали могилу Перепетиху. У Сенчилы былъ рисунокъ масляными красками, представлявшій эту могилу въ разрѣзѣ, нынѣ принадлежащій

В. Б. Антоновичу. Не эти-ли раскопки навели Шевченка на мысль написать нѣсколько стихотвореній о могилахъ?

Сенчило велъ переписку съ Шевченкомъ, и у него было до двадцати писемъ отъ Шевченка (недавно утерянныхъ); письма были юмористическія; въ одномъ Шевченко писалъ: „Коли бъ васъ у Петербургъ выписать, дакъ тамъ васъ зробили бъ товкачемъ або підтовкачемъ".

О пребываніи Шевченка въ борзенск. уѣздѣ, черн. губ.

Въ борзен. у. онъ гостилъ въ Качановкѣ у Григ. Степ. Тарновскаго, у котораго собирались литераторы, художники: кромѣ Шевченка, Забѣла, Глинка; онъ также бывалъ у В. Н. Забѣлы (въ окрестн. Борзны), а въ генварѣ 1847 г., приглашенный П. А. Кулишемъ и Вас. М. Бѣлозерскимъ, въ качествѣ шафера Кулиша, остановился у В. Н. Забѣлы, а по временамъ проживалъ у Н. Д. Бѣлозерскаго и Ел. Ник. Бѣлозерской въ хут. Николаевѣ подъ Борзною и гостилъ въ семействѣ Сребдольскихъ въ хуторѣ Сорокѣ подъ Борзною, въ хут. Мотроновкѣ, тоже подъ Борзною; а въ Борзнѣ бывалъ у Над. Ник. Забѣлиной и стрыячаго Д. М. Щербины. Гостивши у борзенцевъ, онъ услаждалъ ихъ слухъ своимъ очаровывающимъ пѣніемъ и забавлялъ юмористическими анекдотами. Въ это время онъ снялъ нѣсколько портретовъ въ небольшомъ видѣ, карандашемъ: съ В. Н. Забѣлы, съ Ю. Г. Сребдольской два, съ мальчика К. И. Бѣлозерскаго. Всѣ три портрета сохранились. 22 генв. 1847 г. въ вознесенской церкви села Оленовки онъ держалъ вѣнецъ во время вѣнчанія П. А. Кулиша съ одною изъ моихъ сестеръ, былъ въ „боярахъ". Когда „молодые" пріѣхали отъ вѣнца въ хут. Мотроновку, то Шевченко, подходя съ поздравленіемъ къ невѣстѣ, въ подражаніе одной колядкѣ, воскликнулъ: „Чи ти царівна, чи королівна?" На что женихъ, отшучиваясь, отвѣчалъ ему народною поговоркою: „На чужый коровай очей не порывай да собі дбай!" Шевченко очень дорожилъ тою „квіткою", которую „молода" пришпилила ему къ сюртуку. У брата моего, въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ хранилось письмо къ брату, въ которомъ, въ числѣ подписей разныхъ лицъ, бывшихъ на свадьбѣ, была и подпись „боярина Т. Шевченка". По видимому Шевченко въ Борзенщинѣ го-

стилъ долго, и 28 генв., съ его словъ, въ Мотроновкѣ были записаны три изъ числа любимѣйшихъ его пѣсень.

Мою мать († 1857 г.) въ особенности очаровывалъ Шевченко своимъ пѣніемъ: ходитъ бывало по залѣ, заложивши руки назадъ, опустивши внизъ думную голову; шея завязана шарфомъ; выраженіе лица грустное; голосъ тихій и тонкій; мать, бывало, плачетъ отъ его пѣсень. Вотъ его любимѣйшія тогда пѣсни:

1) *Ой изійди, зійди, ты зіронько та вечірняя!*

2) *У Кіиві на ринку, пьють чумаки горілку...*

3) *Ой горе, горе, який я вдався, брівъ черезъ річеньку та й не омывався...*

4) *Де-жъ ты доню, барилася, барилася?—На мельника дивилася, дивилася.*

Этимъ пѣснямъ онъ научалъ и моихъ сестеръ, и мать, бывало, сердится на него за послѣднюю, считая ее неприличною.

П. А. Власенко припоминаетъ, какое сильное впечатлѣніе Шевченко производилъ на слушателей своимъ пѣніемъ; Шевченко гостилъ у Сребдольскихъ и въ будуарѣ одной изъ дѣвицъ Сребдольскихъ, въ присутствіи И. Д. Бѣлозерскаго, человѣка очень суроваго, запѣлъ: и этотъ невозмутимый старикъ заплакалъ... О пѣніи Шевченка вспоминаетъ М. А. Максимовичъ (Собр. сочин., I, стр. 529) и В. И. Масловъ („Біографич. Очеркъ", стр. 54 и 49).

Къ числу любимѣйшихъ пѣсень Шевченка принадлежала и про Морозенка.

Изъ стихотвореній Шевченка, положенныхъ на голосъ, любимѣйшими въ борзенскомъ уѣздѣ, въ 1850—60-хъ годахъ были слѣдующія:

1) *На що мені чорні брови,*
На що карі очи;
2) *Тяжко—важко въ світі жити*
Сироті безъ роду.

Есть юмористическое посланіе „до Тараса", въ стихотворной формѣ, В. И. Забѣлы, въ которомъ тотъ упрекаетъ Шевченка въ томъ, что онъ, обѣщавши пріѣхать къ Забѣлѣ погостить, не исполнилъ своего обѣщанія. Оно находится у И. И. Бѣлозерскаго.

Въ 1847 г., на разставаніи съ Забѣлою, Шевченко подарилъ ему свой картузъ и какой-то растительный порошокъ зеленоватаго цвѣта для приготовленія „лікарствéнної“ настойки. Какъ картузъ, такъ и настойку съ осадкомъ отъ порошка на днѣ полуштофа Забѣла хранилъ у себя до своей кончины (1869 г.).

У того-же Забѣлы хранились (въ 1861 г.): мужская сорочка, пошитая сестрою Шевченка, Ориною, изъ конопель ею воздѣланныхъ и пряденыхъ, а также письмо отъ Варѳоломея Шевченка къ Тарасу. Этотъ Варѳоломей посѣщалъ Забѣлу въ Борзнѣ въ 1860-хъ годахъ.

Шевченко въ Седневѣ и его арестъ.

По словамъ покойнаго Анд. Ив. Лизогуба (въ 1856 г.), Шевченко часто проживáлъ у него и брата его Ильи Ивановича; помѣщался въ особомъ флигелѣ, который называлъ „малярнею“: это, кажется, и была извѣстная „камъяпйця“, съ намалёваннымъ запорожцемъ на дверяхъ. Тамъ Шевченко „малёвавъ“, а по ночамъ кутилъ съ Лизогубовскою прислугою. Къ обѣду рѣдко выходилъ.

Когда Шевченко послѣдній разъ выѣзжалъ изъ Седнева (весною 1847 г.), то Андр. Ив. Лизогубъ умолялъ его не брать съ собою бумагъ, а оставить у него. Шевченко ни за что не хотѣлъ разстаться съ портфелемъ. Вскорѣ полиція разыскивала Шевченка въ Седневѣ у Лизогубовъ и въ с. Бѣгачѣ (городищ. уѣзда, въ 4-хъ верстахъ отъ Седнева) у кн. К—ва, гдѣ Шевченко часто гостилъ у старика—князя.

Бывши въ Седневѣ у Лизогубовъ въ 1856 г., я видѣлъ на стѣнѣ дома ихъ очаровательной виллы нѣсколько картинъ работы Шевченка. Андрей Ивановичъ показывалъ мнѣ, помнится, пять собственноручныхъ писемъ къ нему отъ Шевченка, писанныхъ въ 1847 и 1848 г.; на одномъ едва былъ замѣтенъ, счищенный резинкою рисунокъ карандашемъ. На немъ Тарасъ—въ солдатскомъ мундирѣ, и его унтеръ-офицеръ колотитъ тесакомъ, а внизу надпись: „оттакъ тобі“! Рисунокъ и надпись были стерты, по всему вѣроятію, начальствомъ Шевченка, такъ какъ письма его проходили черезъ ихъ цензуру.

Объ арестованіи Шевченка я слышалъ слѣдующіе разсказы въ Черниговѣ (1851 г.), Кіевѣ (1856 г.) и Борзнѣ (1881 г.): когда

на поромѣ подъ Кіевомъ замѣтили присутствіе полиціи, наблюдавшей за Шевченкомъ, то, будто, артиллерійскій офицеръ С—а предлагалъ Шевченкѣ столкнуть его чемоданъ въ Днѣпръ; но Шевченко отвергъ это предложеніе: „не треба; нехай забирають". Затѣмъ Шевченко и С. были арестованы. Въ Борзнѣ-же я недавно слышалъ, будто Шевченко сбросилъ свой чемоданъ въ Днѣпръ.

Одинъ жандармскій офицеръ, порутчикъ Тѣльновъ, сидѣвшій весною 1847 г. въ 3-мъ отд. подъ арестомъ, сообщилъ мнѣ (весною 1851 г.): что онъ тамъ видѣлъ стоявшаго у окна Шевченка; Тараасъ былъ одѣтъ въ бѣлый костюмъ, стоялъ грустный и чуть напѣвалъ какую-то грустную украинскую пѣсню.

Во время пребыванія въ академіи художествъ, Шевченко бывалъ въ домѣ у извѣстнаго ветерана-инвалида Скобелева, бывшаго въ то время командиромъ петропавловской цитадели, и дарилъ старику картины своей работы. Когда Шевченка арестовали, то старикъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о немъ и называлъ его „неблагодарнымъ".

Шевченко въ ссылкѣ.

Изъ ссылки онъ писалъ письма къ В. Н. Забѣлѣ. Эти письма были сохраняемы Забѣлою; но едва ли Забѣла отвѣчалъ на нихъ Шевченку. Тогда, по поводу катастрофы 1847 г. и обысковъ, всѣ въ провинціи находились подъ такимъ страхомъ и трепетомъ, что и помышлять не смѣли о перепискѣ съ Шевченкомъ. Тогда-то погибла масса писемъ, книгъ съ надписями, рукописей и драгоцѣннаго историческаго и этнографическаго матеріала, сожженнаго или закопаннаго въ землю.

Въ 1852 г. въ Черниговѣ носились слухи о смерти Шевченка. Мѣстные поэты написали нѣсколько плохихъ стихотвореній, посвященныхъ его памяти. Тетради съ его стихотвореніями ходили по рукамъ между гимназистами и особенно между панночками: большею частію, это были стихи, переписанные изъ печатнаго.

Шевченко на свободѣ—въ Петербургѣ.

23 генваря 1859 г. Шевченко познакомился съ М. А. М—чь; Шевченко отъ автора „Народныхъ оповідань" былъ въ неописанномъ восторгѣ. 24 генваря онъ повидался съ А. М. Кулишъ, у

которой ровно 12 лѣтъ назадъ былъ въ „боярахъ“: восторгъ былъ большой; Шевченко заплакалъ при свиданіи. Затѣмъ пѣлъ, но мало. Отъ „золота“ (жена М. А. М—ча) былъ въ восторгѣ: „Колибъ така у мене була жінка—повінчався бъ да й умеръ“. Земляки изъ Борзенщины прислали Шевченку сала и наливокъ.—Около половины марта 1859 г. К—бей заказалъ Шевченку написать четыре картины масляными красками, за что назначилъ 4 т. руб. сер. Помню два сюжета для этихъ картинъ: одинъ—„*якъ русалки місяць ловлять*“, а другой про Сомка Мушкета:

А Сомко Мушкетъ на конику та й не виправе,
Коня здержуе, до себе притягуе...
Думае—гадае...
Ой щобъ сто чортівъ обили ту ёго думу та гаданне...

Живя въ Петербургѣ, Шевченко любилъ посѣщать трактиръ около биржи, въ которомъ собирались матросы съ иностранныхъ кораблей: голландцы, англичане и другіе и въ который, поэтому, очень рѣдко заглядывала полиція. Всегда тихій и кроткій, Шевченко, подпивши, приходилъ въ страшно-возбужденное состояніе, бранилъ все, и старое и новое, и со всего размаху колотилъ кулакомъ по столу. Очевидцы сообщали мнѣ, что подобныя „сцены дѣлалъ“, въ Венеціи, великій зоологъ Бремъ.

Однажды встрѣтили въ Петербургѣ подгулявшаго Шевченка, шедшаго съ такимъ-же Якушкинымъ подъ руку; они взаимно поддерживали другъ друга. Шевченко, обращаясь къ встрѣтившемуся съ ними знакомому и усмѣхаясь, сказалъ: „Поддержаніе народности“.

Шевченко въ Кіевѣ.

Т—скій разсказывалъ, что, бывши въ 1859 г. лѣтомъ въ Кіевѣ, Шевченко останавливался у Сенчилы, на Подолѣ. Приходитъ студентъ и застаетъ Шевченка, пожирающаго редьку; студентъ стремится облобызать Тараса; Шевченко, усмѣхаясь, отклоняется: „Бачите, діломъ занятъ“. Онъ былъ одѣтъ въ парусинное пальто и такіе-же панталоны, шляпу имѣлъ бѣлую пуховую и сильно поношенные сапоги.

Смерть Шевченка, перевозъ тѣла и погребеніе въ Каневѣ.

Когда въ Петербургѣ, при выносѣ тѣла Шевченка изъ церкви, хотѣли поставить гробъ на дроги, то молодежь не допустила; понесли на рукахъ, смѣняясь. Народу тысячи полторы было—не чорнаго, не любопытныхъ зрителей, а людей интеллигентныхъ, уважавшихъ въ Шевченкѣ поэта и человѣка. Многіе навзрыдъ рыдали; за одного юношу просто боялись... Дамы свѣжими цвѣтами забросали, студенты принесли лавровый вѣнокъ... Сколько рѣчей было сказано!.. А какое у него прекрасное свѣтлое выраженіе лица было. Усе хотілось сказать: „Оглянься, голубе ты нашъ, да встань! Годі уже насъ морóчить, томúть! Ты живъ, не вмеръ ще!“... Первоначально было предположено поручить провожаніе тѣла въ Каневъ художнику Мокрицкому да А. М. Лазаревскому. День для отправки былъ назначенъ 26 апрѣля, а 27 апр. въ память Шевченка предположено было дать въ Петербургѣ концертъ, а сборъ употребить на содержаніе бѣднаго студента. (Изъ современ. письма отъ очевидца).

Покойный Мих. Матв. Лазаревскій сообщилъ мнѣ, что когда разрыли могилу Шевченка въ Петербургѣ, для перевозки тѣла въ Украйну, то вскрывали и гробъ: тѣло въ теченіе двухъ мѣсяцевъ нисколько не измѣнилось, но покрылось плѣсенью. Въ Москвѣ гробъ Шевченка стоялъ за городомъ, на дворѣ какого-то столяра, среди кучъ стружекъ; стеченіе публики было значительное.

Въ Орлѣ гробъ встрѣчали ученики гимназіи; полковой хоръ игралъ похоронный маршъ, скомпонованный капельмейстеромъ изъ пѣсни: „Не ходи Грицю на вечерниці“. Тѣло было съ торжествомъ проведено за городъ.

Въ Борзенщинѣ Шевченко былъ очень хорошо извѣстенъ даже между мало-мальско образованными людьми, какъ поэтъ, пѣвецъ и рисовальщикъ; но среди просвѣтителей дѣтей оказался служитель министерства *народнаго просвѣщенія*, который даже не слыхивалъ имени Шевченка. Когда въ маѣ 1861 г., въ Борзнѣ, приготовлялись къ торжественной встрѣчѣ тѣла Шевченка, В. Н. Забѣла особенно суетился; на улицѣ къ нему подошелъ старикъ учитель уѣзднаго училища, С—кій [1]) и обратился къ Забѣлѣ съ слѣдующими

[1]) О немъ вспоминается въ «Незабудкахъ» Кулиша.

распросами: „Дакъ кого се везтимуть у свиньцёвому гробі?“—Шевченка, отвѣчалъ Забѣла.—„Хто вінъ такий?“—Коваль.—„Дакъ за що ёго везтимуть такъ далеко?“—За те, що добре ковавъ.—Учитель и ротъ разинулъ отъ удивленія: „А—а!“...

Въ Борзнѣ на ночь гробъ былъ поставленъ на „цвинтарі“ рождественской церкви.

Въ с. Оленовкѣ, борзенскаго уѣзда, была панихида, которую отправляли два священника обѣихъ оленовскихъ церквей; за гробомъ дівчина несла „канýнъ“. Гробъ сопровождали: художникъ Гр. Н. Чистаховскій и А. М. Лазаревскій. Первый заносилъ въ свой альбомъ картины проводъ тѣла Шевченка, сцену на цвинтарі оленовской церкви, несеніе за гробомъ „калуну“, и проч. Гробъ провожали далеко за село. Въ одномъ лѣсномъ хуторкѣ былъ обѣдъ для народа; въ числѣ бывшихъ на обѣдѣ находились лица изъ бывшей компатной прислуги Б—хъ, хорошо помнившіе Шевченка, гостившаго въ 1847 г. въ х. Мотроновкѣ.

Въ Нѣжинѣ встрѣча была особенно-торжественная: на встрѣчу вышли всѣ цеховые со значками, лицеисты и гимназисты.

Въ Кіевѣ встрѣча была на шоссейномъ мосту; лошадей выпрягли и гробъ повезла публика. Въ это время черезъ мостъ переѣзжалъ черниговскій архіерей, извѣстный писатель, Филаретъ Гумилевскій; выйдя изъ экипажа, онъ благословилъ прахъ Шевченка. По прибытіи въ городъ, гробъ поставили въ рождественской церкви на Подолѣ; на него была положена масса вѣнковъ; но вотъ вошла дама въ траурѣ и положила терновый вѣнокъ:

вѣнецъ терновой,
увитый лаврами, надѣла на него.

Это произвело сенсацію; полиція убрала этотъ вѣнокъ. Изъ Кіева до Канева гробъ везли на пароходѣ.

Могилу надъ гробомъ Шевченка высыпали въ нѣсколько дней; работали 17 человѣкъ и въ числѣ ихъ В. Н. Забѣла. Съ этой картины была снята фотографія. Забѣла поминалъ Шевченка тою настойкою, порошокъ для которой далъ ему Шевченко въ 1840-хъ годахъ.

Впослѣдствіи народъ ходилъ на могилу Шевченка для исцѣленія отъ лихорадокъ и другихъ болѣзней. Кіево-подольскія базарныя

торговки, „сидухи“, на рынкѣ около Братства, хорошо помнившія Шевченка съ 1840-хъ годовъ, разсказывали, что люди видѣли Шевченка, послѣ его погребенія, ѣздившаго по Подолу „на білімъ коні“. Нѣкоторые польскіе паны и „недоляшки“ распустили слухъ, что въ могилѣ Шевченка были закопаны ножи для истребленія паповъляховъ; вслѣдствіе ихъ настоянія, будто-бы, была поставлена у Тарасовой могилы стража!

О портретахъ и рисункахъ Шевченка, и проч.

На одномъ экземплярѣ „Украины“ Кулиша, 1843 г., рукою Кулиша былъ начерченъ портретъ спящаго Шевченка; по словамъ Кулиша, портретъ былъ непохожій. Я видѣлъ его въ 1850 г. на экземплярѣ книги библіотеки Кулиша.

У Кулиша былъ тогда-же въ копіи небольшой рисунокъ Шевченка—„гайдамака Галайда зъ свяченымъ, надъ Дніпромъ“.

У И. И. Бѣлозерскаго находится собственноручный портретъ Шевченка тушью или сепіей, замѣчательный тѣмъ, что изображаетъ Тараса у бороді!

Слышалъ, что стихотвореніе Шевченка: „Випъешь чарку, стрепенешся“ было написано имъ въ шинку углемъ, на стѣнѣ.

Н. Бѣлозерскій.

20 августа 1882 г.
Хуторъ Зрубъ.

Путевыя замѣтки Н. Д. Иванишева

(бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммисіи, ректора и профессора кіевскаго университета).

Дѣятельность Н. Д. Иванишева въ области собиранія и научной разработки письменныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи юго-западной Руси, достаточно извѣстна всякому. Со времени учрежденія въ Кіевѣ археографической коммисіи въ 1843 году, покойный Иванишевъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ принималъ самое дѣятельное участіе въ ученыхъ ея занятіяхъ —сначала въ должности дѣлопроизводителя и редактора юридическихъ памятниковъ, затѣмъ—главнаго редактора и, наконецъ, вице-предсѣдателя коммисіи. По его указаніямъ повсюду собирались древніе акты и другіе письменные памятники, производились развѣдки въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, церквей и монастырей юго-западнаго края, предпринимались археологическія раскопки и издавались добытые этими путями научно-историческіе матеріалы. Онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе актовыхъ книгъ, какъ важнѣйшаго матеріала для мѣстной исторіи, и указалъ на необходимость собрать эти драгоцѣнные памятники прошлой жизни края въ одно центральное хранилище и тѣмъ предохранить ихъ отъ окончательной гибели, которая угрожала при прежней ихъ разбросанности по всему юго-западному краю и небрежномъ храненіи ихъ въ подвалахъ уѣздныхъ судовъ и другихъ мѣстахъ. По его мысли, кіевская коммисія представила въ 1843 г. въ высшія правительственныя сферы проектъ объ учрежденіи при кіевскомъ университетѣ центральнаго архива, который и былъ открытъ въ 1852 г., одновременно съ учрежденіемъ такихъ-же архивовъ въ Вильнѣ и Витебскѣ. Хранящіеся въ настоящее время въ кіевскомъ центральномъ архивѣ 5,838 актовыхъ книгъ и около полумилліона отдѣльныхъ документовъ

по справедливости могутъ считаться памятникомъ энергіи и просвѣщенной заботливости ревнителей мѣстной старины, въ числѣ которыхъ наиболѣе почтенное мѣсто должно безспорно принадлежать Н. Д. Иванишеву.

Для розысканія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, Иванишеву неоднократно приходилось лично предпринимать поѣздки въ разныя мѣстности юго-западнаго края. Такъ, въ 1843 г. онъ былъ командированъ для осмотра и описи библіотеки умершаго инфулата Осинскаго, а въ 1850 г. онъ ѣздилъ въ м. Бичаль волынской губ. для открытія рукописей въ куполѣ тамошней церкви, указаніе на что онъ нашелъ въ одномъ древнемъ актѣ. Но всего плодотворнѣе была археографическая экскурсія Иванишева въ 1852 г., къ которой и относится помѣщаемый нами отрывокъ изъ его путеваго журнала. Въ то самое время послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи кіевскаго центральнаго архива и о передачѣ въ оный изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ юго-западныхъ губерній актовыхъ книгъ и старыхъ дѣлъ до 1800 г. Независимо отъ архивовъ правительственныхъ учрежденій, тогдашній кіевскій генералъ губернаторъ Д. Г. Бибиковъ счелъ нужнымъ произвести археографическія розысканія въ архивахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, и возложилъ это порученіе на Иванишева. Въ дѣлахъ археографической коммисіи хранится подлинное предписаніе Бибикова по этому предмету, отъ 5 іюня 1852 г., слѣдующаго содержанія: „Ординарному профессору университета св. Владиміра, статскому совѣтнику, Иванишеву. Въ м. Тульчинѣ, принадлежащемъ графу Михаилу Потоцкому и состоящемъ въ опекѣ, находится значительный частный архивъ. Въ прежнее время весь почти уѣздъ уманскій составлялъ имѣніе графа Потоцкаго, а архивъ его находился въ г. Умани; съ поступленіемъ-же онаго въ казенное вѣдомство, архивъ этотъ перенесенъ въ Тульчинъ и сданъ тамъ въ общій архивъ графовъ Потоцкихъ. Съ наступленіемъ нынѣ вакаціоннаго времени, поручаю вашему высокородію отправиться въ м. Тульчинъ и осмотрѣть тамъ помянутый архивъ. Если въ немъ окажутся какіе либо акты и книги, заслуживающіе вниманія и изданія въ свѣтъ, то таковые получить и представить въ Высочайше учрежденную при мнѣ временную коммисію для разбора древнихъ актовъ, выдавъ въ полученіи росписку, съ обязательствомъ возвратить взятыя бумаги въ совершенной цѣлости, по минованіи въ нихъ надобности. Администратору имѣній графа Потоцкаго, статск. сов

Абазѣ, дано предписаніе оказать вамъ въ семъ случаѣ личное содѣйствіе. Кромѣ сего, по доставленнымъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, находятся архивы съ древними актами и бумагами въ слѣдующихъ мѣстахъ; въ могилевскомъ уѣздѣ у наслѣдниковъ пом. Боновскаго; въ проскуровскомъ въ м. Сатановѣ; въ г. Заславлѣ и новоградволынскомъ, въ мѣстечкахъ Корцѣ, Полонномъ и Звягелѣ и ковельскаго у. въ м. Ратнѣ. Поручаю вашему высокородію, по осмотрѣ тульчинскаго архива, осмотрѣть и эти архивы и тоже, если что окажется замѣчательное, получить подъ росписку и представить въ коммисію; о содѣйствіи-же вамъ въ семъ прилагаются предписанія мѣстнымъ земскимъ исправникамъ. Подорожную вы получите изъ моей канцеляріи, а деньги на прогоны по особому распоряженію. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ".

Командировка Иванишева обогатила археографическую коммисію цѣнными пріобрѣтеніями: изъ тульчинскаго архива онъ привезъ болѣе 200 актовъ, а изъ остальныхъ архивовъ 153, да сверхъ того нѣсколько актовыхъ и другихъ книгъ, о которыхъ упоминается въ его запискахъ. Поѣздка эта обратила на себя вниманіе тогдашней печати и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1853 г. появилась о ней подробная замѣтка.

Составленный Иванишевымъ во время этой поѣздки путевой дневникъ очевидно не предназнался имъ къ печати; это—рядъ путевыхъ наблюденій и замѣтокъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, останавливавшихъ почему-либо на себѣ его вниманіе. Кромѣ палеографическихъ и археографическихъ замѣтокъ, имѣющихъ спеціальный интересъ, въ дневникѣ Иванишева разсѣяно множество мѣткихъ бытовыхъ и этнографическихъ наблюденій надъ жизнью и отношеніями, существовавшими въ нашемъ краѣ тридцать лѣтъ назадъ. Не меньшій интересъ представляютъ эти замѣтки и для ознакомленія съ личностью и характеромъ самаго Н. Д. Иванишева, и мы вполнѣ раздѣляемъ справедливое замѣчаніе его біографа, профессора А. В. Романовича-Славатинскаго, что дневникъ этотъ живьемъ рисуетъ предъ нами образъ Николая Дмитріевича съ его обычнымъ юморомъ и склонностью представлять изъ себя лѣниваго, праздная сибарита, который не прочь покутить и пожуировать. Замѣтимъ, кстати, что г. Романовичъ-Славатинскій, при составленіи своей весьма интересной книги „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева" (С.-Петерб., 1876 г.), пользовался дневникомъ послѣдняго и даже помѣстилъ изъ него небольшія выдержки. Мы рѣшаемся теперь

напечатать этотъ интересный дневникъ въ болѣе полномъ видѣ, пользуясь автографомъ самого Иванишева, сохранившимся въ числѣ другихъ бумагъ послѣ его смерти.

Путь отъ Кіева до Тульчина не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Только и обращали на себя вниманіе курганы. Между Васильковомъ и Ксаверовкой находится множество кургановъ, разсѣянныхъ на значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи; они имѣютъ однообразную форму прижатаго конуса, весьма широкаго въ основаніи. Подлѣ самой Ксаверовки находится одинъ изъ такихъ кургановъ, очень удобный для разрытія; онъ находится подъ пашней. Съ дороги за Ксаверовкой виденъ по лѣвую руку, вдали, огромный курганъ между селеніями Пинчуки и Гребенки, на самомъ высокомъ мѣстѣ. Тоже на краю горизонта виднѣются другіе курганы, составлявшіе какъ будто одну телеграфическую линію. Замѣчательно, что за Бѣлою-Церковью кургановъ почти вовсе не замѣтно, кромѣ весьма незначительныхъ, стоящихъ на далекомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Съ того мѣста, гдѣ находится Бѣлоцерковская станція, видны четыре кургана, рядомъ стоящіе, недалеко одинъ отъ другаго. Староста и крестьяне говорили, что эти курганы внутри пустые. На Волыни до сихъ поръ попадаются землянки, состоящія изъ земляпаго вала, покрытаго досками или соломою. Если отнять дерево, то получается курганъ, пустой внутри, называемый въ народѣ „роскопанымъ“.

Не доѣзжая двѣ станціи до Брацлава, видѣлъ мужика съ огромнымъ лишаемъ на груди. Говоритъ, что получилъ отъ перепуга, когда его помѣщикъ хотѣлъ высѣчь. Въ этомъ селѣ живетъ „знахарька“, которая лѣчила его, окатывая шею, грудь и голову свѣжимъ куринымъ яйцомъ, и шептала надъ нимъ. Эта старуха лѣчитъ отъ „пранцівъ“, укушенія бѣшеной собакой и другихъ болѣзней. Тотъ-же мужикъ говорилъ мнѣ, что въ окрестныхъ селеніяхъ есть „знахарі“, заговаривающіе змѣй.

Въ Тульчинъ прибылъ 9 іюня. Архивъ вовсе не оправдалъ ожиданій, которыя можно было имѣть по слухамъ. Акты въ страшномъ безпорядкѣ. Большею частью они заключаютъ въ себѣ частныя дѣла, относящіяся къ имѣніямъ Потоцкихъ и фамилій, находившихся

съ ними въ сношеніяхъ. Много писемъ важныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ политическихъ дѣлахъ; но они касаются позднѣйшаго времени. Такъ какъ перечитываніе нѣсколькихъ тысячъ этихъ писемъ потребовало-бы много времени, то я далъ архиваріусу Ковальскому инструкцію, и, по мѣрѣ разбора этихъ писемъ, равно какъ и другихъ бумагъ, ускользнувшихъ отъ моего вниманія, будутъ доставляемы свѣдѣнія г. генералъ-губернатору. По 21 іюля я разбиралъ архивъ и выбралъ акты о городахъ, о религіозныхъ отношеніяхъ, о войнахъ Хмельницкаго и другіе, которые при подробныхъ описяхъ будутъ высланы г. генералъ-губернатору.

Въ Тульчинѣ замѣчателенъ палацъ и садъ Потоцкаго. Впрочемъ садъ довольно запущенъ; мѣсто болотистое, требующее большихъ издержекъ. Въ такъ называемомъ французскомъ саду видѣлъ розы, похожія цвѣтомъ на розовый мраморъ; черныя еще не расцвѣли, а желтыя большею частью объѣдены червями. Есть виноградъ и абрикосы, но абрикосовыя деревья распластаны на стѣнѣ такъ-же, какъ и виноградъ, чтобы удобнѣе покрывать зимою. Время провелъ хорошо. Поутру работалъ, а послѣ обѣда гулялъ и любезничалъ съ хорошенькими хозяйками, сильно, впрочемъ, покрытыми аристократическою мишурою. Однажды заѣхали ко мнѣ Вигура и Чугаевичъ [1]), проѣзжавшіе въ Одессу. Они думали застать меня надъ рукописями, а между тѣмъ нашли среди полнаго разгула: пропасть гостей, въ саду музыка и приготовленіе къ фейерверку. Былъ и театръ; играла какая-то несчастная бродячая труппа. Когда играли „Наталку-Полтавку“, то актеръ, игравшій роль Петруся, явился настоящимъ Гамлетомъ, съ гамлетовскою физіономіею и таковыми-же замашками. Занимательнѣе всего была публика, состоявшая большею частью изъ нечесаной и неумытой дворни. Одна дѣвчонка, сидѣвшая впереди всѣхъ, одѣта была только въ грязную рубашонку и пеструю юбку. Были и жиды, но сидѣли особо, молча и не выражая ничего на своихъ лукавыхъ физіономіяхъ. Западныя идеи о равенствѣ не проникли еще въ это захолустье; аристокра-

[1]) Ив. Вигура—въ то время профессоръ кіевск. университета по кафедрѣ государственнаго права. Чугаевичъ—тогда учитель гимназіи въ Одессѣ, впослѣдствіи профессоръ аналитической химіи въ кіевск. университетѣ.

тизмъ свирѣпствуетъ; вѣчно слышишь о знакомствѣ съ графами да князьями; барышни мечтаютъ выйти замужъ за полковника, какъ о высшемъ блаженствѣ, чтобъ за ними ухаживали офицеры и играла-бы вѣчно полковая музыка; названіе *поповича* считается хуже мужика и сапожника.

Въ православной церкви, бывшей прежде католическою, видѣлъ подвалъ или катакомбу, устроенную для погребенія Потоцкихъ. Въ маленькомъ свинцовомъ гробѣ лежитъ дитя лѣтъ десяти, набальзамированное; смотрѣть гадко. Дитя похоже на размалеванную деревянную куклу, поскобленную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ножомъ. Въ стѣнахъ катакомбы подѣланы глубокія ниши, куда ставятъ гробы и замазываютъ отверстія. Батюшка, показывавшій катакомбу, не твердо стоялъ на ногахъ.

Вообще Тульчинъ сдѣлался пріютомъ для всѣхъ проѣзжающихъ порядочныхъ людей. Они здѣсь останавливаются, пьютъ чай, имѣютъ обѣдъ и ужинъ, ночуютъ и ѣдутъ далѣе, иногда перекинувъ въ карты. Въ кабинетѣ графини, бывшей мамзель Швейковской, лежитъ на столѣ альбомъ, въ которомъ рукою графини написаны французскіе стихи, увѣряющіе супруга въ неизмѣнной и вѣчной вѣрности: „ты, говоритъ, привязалъ меня цѣпью къ своей кровати, но не бойся: если цѣпь и разорвется, то я не пойду отъ тебя“. Таковъ смыслъ несбывшихся французскихъ стиховъ [1]). Въ кабинетѣ графа, между бумагами найденъ [2])..., бывшій въ дѣлѣ, окровавленный и разорванный. На немъ означенъ годъ, число и мѣсяцъ, вѣроятно, весьма пріятнаго препровожденія времени.

Желая избавиться отъ скучныхъ прощаній и провожаній, я объявилъ хозяйкамъ о своемъ отъѣздѣ въ 12 часовъ ночи; однакожъ онѣ заставили повара хлопотать ночью и наготовили мнѣ на дорогу паштетъ, цыплятъ, булокъ, прибавивъ и двѣ бутылки портеру. Во всю дорогу, отъ Тульчина до Могилева, я думалъ о m-lle O.; даже

---

[1]) Они касаются семейной исторіи Мечислава (Михаила) Потоцкаго, по жалобѣ жены сосланнаго Николаемъ I въ Саратовъ на жительство.

[2]) Въ подлинникѣ здѣсь стоитъ слово, котораго мы никакъ не могли разобрать. Всѣ, кому мы показывали рукопись, читали это слово: *гондоль*, но мы не стоимъ за это чтеніе и рѣшительно отказываемся объяснить значеніе этого загадочнаго слова. — *О. Л.*

когда пріѣхалъ въ Могилевъ и остановился въ корчмѣ, то не обратилъ вниманія на хозяйку, молодую жидовку. Уже на другой день я замѣтилъ, что она очень апетитна, и послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, приглашалъ ее ѣхать со мною въ Каменецъ.

Въ Могилевѣ я написалъ въ книгѣ пріѣзжающихъ: статскій совѣтникъ изъ Кіева, по порученію генералъ-губернатора. Тотчасъ явился городничій и другая полиція въ полной мундирной формѣ. Я принималъ ихъ и тѣмъ уподобился Хлестакову. Въ довершеніе сходства, городничій меня приглашалъ къ себѣ на квартиру. Кажется, они сильно струсили, такъ какъ нѣтъ человѣка безъ грѣха. Городъ по своему устройству оригиналенъ и пахнетъ востокомъ. Живутъ въ немъ: жиды, армяне, греки, цыгане, поляки и малороссы. Смѣсь эта сильно отражается на физіономіяхъ. Тутъ я встрѣтилъ одного изъ нашихъ университетскихъ воспитанниковъ—Шастова, который служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при подольскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Чай пилъ у городничаго и потребовалъ бессарабскаго вина. Скверное вино, болѣе похоже на квасъ, чѣмъ на вино.

Старшій засѣдатель и городничій объявили мнѣ, что въ м. Верховкѣ никакихъ Боновскихъ, у которыхъ-бы находился архивъ съ актовыми книгами, не имѣется. Въ Баръ я не могъ также поѣхать, потому что онъ не подлежитъ вѣдѣнію могилевскаго исправника, а имѣетъ свое особое начальство, къ которому я не имѣлъ никакого предписанія отъ генералъ-губернатора.

Изъ Могилева, переѣхавъ Днѣстръ, отправился на Хотинъ. При переѣздѣ присутствовалъ частный приставъ, титуловавшій меня генераломъ и превосходительствомъ. По переѣздѣ за Днѣстръ на первой станціи видѣлъ кузнеца съ хохлацкою физіономіею и съ цыганскою рѣчью. Отецъ отдалъ его мальчикомъ въ цыганы, съ которыми онъ кочевалъ 15 лѣтъ и оцыганился.

Кстати о цыганахъ. Въ 30-ти верстахъ отъ Тульчина живетъ колонія цыганъ „плащоватыхъ“, простирающаяся до нѣсколькихъ сотъ душъ. Они ходятъ полу- или совсѣмъ нагіе, не имѣютъ хатъ, а живутъ въ землянкахъ. Зимой также одѣваются легко, какъ и лѣтомъ; только, отправляясь въ дорогу, берутъ охапку соломы, и когда слишкомъ припекаетъ морозъ, то зажигаютъ солому и грѣ-

ютъ ноги и другія оконечности. Живутъ милостынею и мошенничествомъ.

За Днѣстромъ проѣхалъ клочекъ Бессарабіи; природа не та, не тѣ и люди. То степи, то каменныя скалы. Лица жителей черномазыя, продолговатыя, съ черными глазами и черными длинными волосами. Народъ пригодный для живописи. Въ одной деревнѣ попробовалъ мамалыги. Корчага съ большой хлѣбъ лежала на лавкѣ; двѣ дѣвчонки отдѣляли куски ложками, клали въ миску съ молокомъ и ѣли съ большимъ аппетитомъ. Мнѣ мамалыга въ этомъ видѣ показалась не лучше сѣна. За двѣ станціи до Хотина видѣлъ отверстіе въ скалѣ, по лѣвую сторону дороги. Ямщикъ говорилъ, что тамъ находятся пещеры, высѣченныя въ камнѣ, что въ отверстіе можно въѣхать четверкой и что будто тамъ есть какія-то начертанія.

Хотинъ городъ пустой и притомъ расположенъ весьма неудобно. Улицы и площадь огромной ширины, такъ что отъ одного конца города до другаго нужно пройти огромное пространство; при этомъ жидовскіе домики кажутся еще мельче. Замѣчательна только древняя крѣпость, но ее разсмотрѣть не было времени. Здѣсь мы переправились черезъ рѣку и поѣхали въ Каменецъ.

Каменецъ городъ весьма живописный какъ по мѣстоположенію, такъ и по крѣпостнымъ постройкамъ, воздвигнутымъ турками. Непріятное только производитъ впечатлѣніе рѣка, которая въ полноводіе катитъ свои мутныя глинистыя воды, а въ межень такъ мелка, что ее переѣзжаютъ дрожками. Видѣлся съ бывшими воспитанниками университета; вышли всѣ люди порядочные: Крушинскій—товарищемъ палаты уголовнаго суда, Корнѣенко-Демянскій—учителемъ законовѣдѣнія, Кальскій—кажется засѣдателемъ, Гейслеръ—инспекторомъ гимназіи и Гогоцкій[1])—кажется канцелярскимъ служителемъ. Видѣлъ въ церкви одну изъ воспитанницъ института, Бесѣдовскую, которая сдѣлалась еще дурнѣе и, говорятъ, глупѣе, чѣмъ была въ институтѣ. Воспитанники университета дали мнѣ обѣдъ въ клубѣ, при чемъ на долю каждаго досталось по бутылкѣ шампанскаго. Въ церкви и на гуляньи я замѣтилъ, что Каменецъ не отличался красотою женскаго пола.

---

[1]) Николай Сильвестровичъ былъ потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія а послѣ директоромъ гимназіи въ г. Холмѣ, люб. губ.—*Ред.*

Изъ Каменца отправился въ Проскуровъ,—дрянной городишко. Исправникъ сказалъ, что въ Ярмолинцахъ, въ 20-ти верстахъ отъ Проскурова, открылся погребъ, въ которомъ замѣчены бутылки съ какою-то жидкостью, вѣроятно виномъ. Отъ Каменца до Проскурова много пещеръ въ скалахъ. Изъ Проскурова въ м. Сатановъ ѣхалъ проселочною дорогою, сначала на помѣщичьихъ лошадяхъ, а потомъ на обывательскихъ. Здѣсь нашелъ воспитанника нашего медицинскаго факультета Шута или Шота, который обнаружилъ непритворную радость при свиданіи со мною. Угощенъ былъ тремя ужинами: одинъ я заказалъ въ корчмѣ, другой прислалъ пробощъ, а третій доставленъ докторомъ Шутомъ. За то на другой день нечего было ѣсть въ дорогѣ, такъ что въ обѣденное время я принужденъ былъ довольствоваться гадкою колбасою и рѣдькою, купленными въ скверпѣйшемъ мѣстечкѣ Куполѣ.

Въ Сатановѣ послѣ пожара уцѣлѣли слѣдующія книги:

1) Книга, напечатанная въ 1581 году, заключающая Speculum Saxonicum на польскомъ языкѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и право магдебургское. Въ концѣ книги приложены нѣкоторыя рукописныя прибавленія. Заглавія и нѣкоторыхъ другихъ листовъ въ книгѣ не достаетъ.

2) Актовая записная книга мѣстечка Сатанова съ 1709 по 1733 годъ съ приложеніями въ концѣ. Всѣхъ листовъ въ книгѣ 495.

3) Такая-же записная книга съ 1728 по 1733 годъ. Начала недостаетъ. Всѣхъ листовъ 189.

4) Рукописная книга подъ названіемъ Receptarz города Сатанова, или исчисленіе податей и сборовъ за 1728 и 1746 годы. Всего 188 листовъ. № книги 230.

Всѣ эти книги вручены мною проскуровскому исправнику для отсылки къ г. генералъ-губернатору. Кромѣ этихъ книгъ я не нашелъ никакихъ рукописей, которыя были-бы важны въ какомъ-нибудь отношеніи. Прежній владѣлецъ Александръ Потоцкій перевезъ все въ Царство Польское.

По дорогѣ отъ Сатанова до Стараго-Константинова, въ одномъ селеніи зашелъ въ церковь. Было *царське свято,* именно день рожденія Государя. Въ церкви не было ни души. Батюшка сказалъ, что отправилъ обѣдню и молебенъ съ дьячкомъ, безъ свидѣтелей; за отсутствіемъ пономаря, самъ зажигалъ свѣчи, а дьячекъ пѣлъ.

За-то въ корчмѣ я замѣтилъ значительное многолюдство, и нѣкоторые изъ крестьянъ, между ними и два братчика, были довольно нарѣзавшись, за что я назвалъ ихъ дурнями. Братство при церкви состоитъ только изъ старосты и двухъ братчиковъ. Они обязаны заботиться о порядкѣ и благолѣпіи церковномъ. Тотъ-же священникъ сказывалъ мнѣ, что въ селѣ Глядкахъ, недалеко отъ мѣстечка Куполя, живетъ священникъ Орловскій, у котораго находится замѣчательное собраніе старопечатныхъ книгъ и древнихъ рукописей, и что за это собраніе нѣкоторые помѣщики давали 900 рублей, но священникъ не согласился уступить. Хотѣлъ было заѣхать, но помѣшала отвратительная дорога.

Въ Славутѣ засталъ погребеніе княгини, матери теперешняго князя Евстафія Сангушка. Гробъ былъ поставленъ на высокомъ катафалкѣ; надъ нимъ висѣла княжеская корона. Костелъ обтянутъ былъ чернымъ сукномъ, на которомъ виднѣлись гербы фамилій, находившихся въ родствѣ съ Сангушками. Освѣщеніе было великолѣпное. Изъ церкви входъ въ довольно пространную катакомбу, гдѣ находились уже два гроба, третій долженъ былъ присоединиться по отправленіи панихиды. Поповъ было много; между ними рельефно выказывались два капуцина съ длинными бородами, придававшими имъ патріархальный видъ. Князь пригласилъ меня на обѣдъ и прислалъ за мною карету. Когда княжеская карета, съ какимъ-то важнымъ пляхтичемъ на козлахъ, подъѣхала къ корчмѣ, то сбѣжалась толпа жидковъ со всего мѣстечка и смотрѣла, какъ я сѣлъ и поѣхалъ. Въ залѣ, гдѣ мы обѣдали, выставлена картина въ большомъ размѣрѣ, на которой изображенъ Романъ Сангушко, побѣждающій москвитянъ. Князь созвалъ крестьянъ на похороны княгини, по четыре человѣка съ каждаго села, и далъ имъ обѣдъ. Послѣ обѣда долго возился съ ними и на дорогу далъ каждому, кажется, по 3 коп. серебромъ. Многіе изъ крестьянъ были недовольны, что ихъ звали такъ далеко киселя хлебать, и я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ, пообѣдавъ въ княжескомъ палацѣ, отводили душу въ кабакахъ, куда и перешли деньги, данныя имъ княземъ на дорогу. Князь раздавалъ также милостыню нищимъ. Князь совершенно глухъ и какъ-то странень въ обращеніи. Вѣроятно, глухота притупляетъ его умственныя способности. Говорятъ, что скупость начинаетъ овладѣвать имъ.

Въ Славутѣ, въ библіотекѣ Сангушка, есть не болѣе 20 рукописей, не имѣющихъ никакой исторической важности. На счетъ архива въ Заславѣ, Сангушко сказалъ, что онъ рукописи раздроблять считаетъ не удобнымъ и что самъ предполагаетъ издать все, что важно въ историческомъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ и приказаніе къ завѣдывающему архивомъ Шулинскому: „Vous aurez la bonté de gardez comme instruction dans cette circonstance, que j'ai l'intention depuis longtemps de publier les documens de nos archives faisant un ensemble, et que j'ai même fait des démarches à cet effet. Je ne puis pas consequement livrer aucune piéce par ce que diminuer leur nombre c'est amoindrir leur richesse et leur valeur"... и проч. Письмо собственноручное 27 іюля 1852 года.

Въ Заславѣ житье прескверное. Жилъ въ сыромъ трактирѣ и имѣлъ самый плохой обѣдъ.

Въ мѣстечкѣ Ратно ковельскаго уѣзда никакихъ бумагъ, имѣющихъ историческое значеніе, не отыскалось. Книги актовыя, веденныя мѣщанами м. Ратно, пользовавшимися правомъ магдебургскимъ, оставшіяся отъ пожара, уже отправлены генералъ-губернатору.

Далѣе въ дневникѣ слѣдуетъ историко-статистическое описаніе ковельскаго уѣзда и замѣтки о произведенныхъ Иванишевымъ археологическихъ розысканіяхъ въ церкви с. Вербки (того-же уѣзда), гдѣ онъ открылъ гробницу князя Курбскаго; но всѣ эти свѣдѣнія въ болѣе полномъ и обработанномъ видѣ помѣщены въ прибавленіяхъ къ составленной имъ книгѣ: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни" (т. II, 317—342).

О. Л.

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

(Продолженіе)*).

Помѣщаемая въ настоящей книжкѣ часть переписки Румянцева по дѣлу украинскаго возстанія 1768 г. состоитъ изъ 15-ти документовъ,—исключительно отъ него выходившихъ донесеній, писемъ, сообщеній и ордеровъ или приказовъ, и касаясь самаго важнаго періода возстанія,—когда, по разбитіи главныхъ гайдамацкихъ силъ, вошедшіе между собою въ сношенія екатерининскіе вельможи принялись уяснять для себя событіе, съ которымъ они имѣли дѣло, и причины его вызвавшія, представляетъ потому наибольшій интересъ. Она главнымъ образомъ и вращается около этого вопроса и лишь отчасти касается хода возстанія и сообщаетъ о немъ нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, свѣдѣнія.

Румянцевъ, начавшій, какъ мы уже видѣли, дѣйствовать наугадъ, не имѣя представленія ни о причинахъ и цѣляхъ возстанія, ни о взглядахъ на оное своего правительства, ни тѣмъ болѣе какого-либо полномочія вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства, получилъ однако Высочайшую аппрабацію всѣмъ принятымъ имъ мѣрамъ—по усмиренію возстанія. По обыкновенному порядку международныхъ отношеній въ подобныхъ случаяхъ, онъ могъ лишь придвинуть русскія войска къ польской границѣ, дабы возстаніе въ столь близкомъ сосѣдствѣ не отразилось какъ-нибудь на спокойствіи ввѣреннаго ему края; но Польша, и только она одна, какъ выражался самъ Румянцевъ, могла все спасти, теперь-же она распалась, такъ сказать, на-двое, и огромная часть шляхты возстала противъ своего короля, котораго посадила на престолъ и поддерживала Екатерина. Уже одно возстаніе конфедератовъ грозило кліенту ея серьезною опасностію; начавшееся въ Украйнѣ народное возстаніе увеличивало смуту; то и другое колебало строй и порядокъ въ Польшѣ, поддерживаемые Россіею. Поэтому, какъ ни странно само по себѣ это обращеніе оружія русскаго противъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ, возставшихъ противъ явныхъ враговъ Россіи—конфедератовъ, противъ

*) См. сент. книжку „Кіев. Старины".

несноснаго ига польско-жидовскаго, въ защиту вѣры отцовъ, но оно входило въ политическіе разсчеты Панина и Екатерины, и Румянцевъ попалъ, такъ сказать, въ ихъ тонъ и заслужилъ одобреніе. Извѣщенный объ этомъ Панинымъ, онъ съ ловкостію истиннаго царедворца относитъ честь успѣха его дѣйствій къ самому Панину, воспѣваетъ его, яко-бы, мудрость, съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что возстаніе сломлено и съ увѣренностью говоритъ, что Кошъ запорожскій, котораго участіе въ семъ дѣлѣ подозрѣвалось, даже не знаетъ о вышедшихъ изъ него партіяхъ для поддержки и руководства возставшихъ и только слышалъ о происходящихъ въ Украйнѣ волненіяхъ (№ XII). Повторяя почти тоже во всеподданнѣйшемъ донесеніи Екатеринѣ, посланномъ чрезъ день, 30 іюля (№ XIII), онъ всю надежду въ усмиреніи возстанія возлагаетъ на дѣйствіе манифеста Екатерины отъ 9 іюля [1]), которымъ она призывала возставшихъ положить оружіе, угрожая непокорнымъ суровыми карами, — спѣшитъ распубликованіемъ этого манифеста и, входя въ смыслъ онаго, заявляетъ, что относительно крестьянъ онъ рѣшился показывать лишь видъ оружія, а обращать оное только противъ дѣйствительныхъ грабителей. Съ такимъ приказомъ (№ XVI) онъ дѣйствительно обратился къ полковникамъ Протасьеву и Вульфу, хотя уже позже, спустя три недѣли. Усмотрѣвъ въ полученной аппробаціи полномочіе на дальнѣйшія дѣйствія по усмиренію возстанія, притомъ ему какъ-бы исключительно предоставляемое, Румянцевъ выражаетъ крайнее неудовольствіе по поводу какого-то препятствія, сдѣланнаго командированному имъ полковнику Протасьеву генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ, который, полонивши, какъ извѣстно, главныя гайдамацкія силы, думалъ, кажется, самъ воспользоваться и честію и плодами нетрудной побѣды, и предписываетъ своему подчиненному строго держаться данныхъ ему инструкцій, тогда какъ Кречетниковъ въ свою очередь считаетъ себя естественнымъ распорядителемъ этого дѣла, ссылаясь на отдаленность Румянцева отъ театра возстанія (№ XV). Положеніе дѣла было дѣйствительно неопредѣленное и при болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ усмиреніе горсти беззащитнаго народа, обнаружившееся разногласіе русскихъ генераловъ могло-бы повести къ большимъ затрудненіямъ, но оно устранено было начавшимися еще прежде между ними сношеніями по предписанію коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Такъ и на этотъ разъ Воейковъ, къ которому отправлены всѣ партіи переловленныхъ гайдамакъ, обращается съ запросомъ къ Румянцеву, куда-бы, по его мнѣнію, ихъ дѣвать. Затрудненіе было дѣйствительно большое и стоило запроса, хотя онъ и не разрѣшенъ по существу. Дѣло въ томъ, что всѣ гайдамаки, за исключеніемъ запорожцевъ, были иностранные подданные, захвачены въ чужомъ государствѣ, какъ виновные противъ него только, и не русскимъ властямъ было ихъ судить и казнить; но съ Польшею и ея подданными давно уже не церемонились, и Румянцевъ, хотя находилъ «не неприличнымъ» отправить всѣхъ пойманныхъ

[1]) Текстъ онаго см. въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“, стр. 308.

къ главному начальнику польскихъ войскъ въ Украйнѣ и Подоліи, Браницкому, но За всѣмъ тѣмъ совѣтовалъ Воейкову удержать ихъ у себя, употребляя на работы городскія и крѣпостныя, пока не получится разрѣшеніе о нихъ оттуда, откуда распоряжались и всѣми дѣлами Польши (№ XIV). Въ свою очередь, Румянцевъ, освѣдомившись, что Воейковъ предписалъ полковнику Протасьеву, перешедшему уже, по письму Репнина, подъ начальство Прозоровскаго, отправлять пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветскую провинцію, т. е. въ сосѣдство къ Запорожью, предостерегаетъ Воейкова отъ этой мѣры, могущей, по его мнѣнію, повлечь за собою новыя безпокойства и опасность, т. е. волненіе въ самомъ Запорожьѣ, и совѣтуетъ ему тѣхъ изъ гайдамакъ, которые окажутся русскими подданными, отправлять въ Глуховъ для приговора надъ ними въ генеральномъ судѣ, а польскихъ подданныхъ, куда будетъ приказано свыше (№ XXI).

Между тѣмъ возстаніе продолжалось: на мѣсто разбитыхъ гайдамацкихъ партій являлись новыя. Одна изъ такихъ оказалась даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Переяславомъ, близъ Канева, подъ предводительствомъ атамана Майбороды. Посланный Румянцевымъ отрядъ, подъ начальствомъ секунд-маіора Вурма, загналъ ее къ Мошнамъ и, истребивши здѣсь, оставшихся въ живыхъ 26 человѣкъ съ атаманомъ Майбородою представилъ въ Переяславъ; но это не значило положить конецъ возстанію. Румянцевъ умножалъ число дѣйствовавшихъ отрядовъ,—въ свою очередь умножались то тамъ, то здѣсь и партіи гайдамакъ. Съ другой стороны надежда на дѣйствіе манифеста Екатерины оказалась почти напрасною. Можно полагать, что въ селахъ украинскихъ, гдѣ распространялся манифестъ, было въ это время лишь незначительное число жителей, огромное-же большинство ихъ скрывалось въ лѣсахъ, или пристало къ гайдамакамъ. Тѣ изъ несчастныхъ страдальцевъ, которые, положась на увѣренія русскихъ властей и довѣрясь словамъ своей природной царицы, возвратились къ своимъ помѣщикамъ, подверглись отъ нихъ жесточайшимъ истязаніямъ и даже лишенію жизни, другіе, видя, что не лучшая участь постигаетъ и тѣхъ, которые противятся русскому оружію, въ унынін и отчаяніи не знали, на что рѣшиться и наконецъ наиболѣе смѣлые и рѣшительные открыто заявили, что не могутъ считать разбойниками тѣхъ, которые избавили ихъ отъ неминуемой гибели (со стороны, конечно, конфедератовъ). Никто и не думалъ преслѣдовать и выдавать гайдамакъ, какъ разсчитывали при изданіи манифеста, многіе, напротивъ, то не отставали отъ нихъ, то вновь къ нимъ приставали. Румянцевъ, прибывшій теперь (въ августѣ) въ Переяславъ для лѣтнихъ смотровъ собраннымъ туда войскамъ, прежде исполненія нѣкоторыхъ указаній въ полученномъ имъ Высочайшемъ рескриптѣ, рѣшился, какъ самъ пишетъ, ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. Между тѣмъ здѣсь-то онъ и могъ получить нужныя для этого свѣдѣнія. Переяславская консисторія, полковая канцелярія, судъ и другія мѣста завалены были массою всевозможныхъ жалобъ, протестовъ, донесеній, сообщеній, промеморій и т. п. о происходившихъ уже нѣсколько лѣтъ въ Украйнѣ не-

вѣроятныхъ насиліяхъ со стороны уніатовъ и поляковъ «благочестивымъ» священникамъ и народу. Тутъ жили епископъ Гервасій и мотренинскій игуменъ Мелхиседекъ, которые энергически вели борьбу съ притѣснителями отъ самаго начала оной, отстаивая свободу вѣры; тутъ скитались въ огромномъ числѣ изгнанные изъ своихъ приходовъ какъ православные, такъ и уніатскіе священники; тутъ-же витала бѣжавшая отъ разъяреннаго народа польская шляхта, которая, вызвавъ своимъ безумнымъ фанатизмомъ происходившую страшную рѣзню, одна нашла у русскихъ властей не только защиту, но даже квартиры и денежную помощь. Здѣсь сошлись такимъ образомъ обѣ враждовавшія стороны, и свѣдѣнія одной могли быть провѣрены показаніями другой. И что-же? И православные, и уніаты, и поляки (послѣдніе въ формальныхъ просьбахъ на имя Румянцева) единогласно показываютъ, что виною страшнаго возстанія были неслыханныя мучительства за вѣру отъ уніатскаго офиціала Мокрицкаго и его пособниковъ—польскихъ паневъ. Православные на ряду съ польскимъ игомъ ставятъ и жидовское, выражаясь о жидахъ, что они *«самою изъ нихъ выжатою кровію обогащались»*. Румянцевъ и пишетъ въ этомъ смыслѣ Репнину, Панину, Екатеринѣ, стараясь просвѣтить ихъ на счетъ совершающихся въ Украйнѣ ужасовъ, ихъ происхожденія, основы, характера, могущихъ возникнуть отъ нихъ опасныхъ послѣдствій и единственнаго способа къ ихъ устраненію. По его представленію и словамъ «сей не безбѣдственный мятежъ произвели *двѣ крайности:* простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой и противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчіемъ». «Когда сими жестокими угнетеніями страждущія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдиновъ такъ называемымъ гайдамакамъ, составивъ ложные отъ имени ея величества - указы о своемъ туда приходѣ и увѣривши, что они ихъ пограничныхъ жителей навсегда изъ-подъ польскаго владычества освобождаютъ и что всѣ сіи пограничныя мѣста пріемлются подъ россійскую державу». «Многіе изъ сихъ (жителей) вилелись къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя ложныя предложенія», «теперь-же всѣ они предались отчаянію съ опасности мщенія своихъ властей, кои отдавшимся уже въ руки и начали отмщать даже отнятіемъ самой жизни», и «сей одинъ страхъ возрождаетъ истребленныя шайки и можетъ продолжать и долго въ тѣхъ мѣстахъ волненія». Единственный за тѣмъ способъ прекращенія губительнаго возстанія Румянцевъ указывалъ въ томъ, что-бы «облегчить участь сихъ польскихъ подданныхъ и изобрѣсть средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ». Румянцевъ указывалъ на надежность обоихъ сосѣдей—Польши и Турціи, доказывалъ, что по этому одному «полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ обязательство ревности, усердія ихъ къ нашей сторонѣ» и выяснялъ это на отношеніи возставшихъ къ конфедератамъ, предостерегалъ, что если отнять у нихъ свободу «благочестія» и «подвергнуть состоянію тому-же, что

и были, то «тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло», и что онъ не ручается и за тамошнихъ (лѣвобережныхъ) жителей, «чтобъ они на сіи, по ихъ разумѣнію законные подвиги себя не опредѣлили», такъ какъ и «они равно польскимъ жителямъ о гайдамакахъ думаютъ».

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали сводъ выдающихся мѣстъ изъ четырехъ бумагъ Румянцева по одному и тому-же предмету (№ XVII, XVIII, XIX и XXI), чтобъ яснѣе представить его взглядъ на возстаніе 1768 г. Для насъ драгоцѣненъ этотъ взглядъ, какъ голосъ современника, занимавшаго высокое положеніе и находившагося такъ близко къ театру событій, какъ голосъ лица посредствовавшаго между двумя противными сторонами и потому чуждый какого-либо пристрастія. Насъ однако многое поражаетъ въ этомъ взглядѣ. Румянцевъ считаетъ одинаково крайностію ревность украинскаго народа къ вѣрѣ благочестивой, какъ и лютыя безчеловѣчія его враговъ; знатному вельможѣ непонятнымъ кажется, какъ можно изъ разности въ исповѣданіи подвергать себя жесточайшимъ мученіямъ, жертвовать даже жизнію, и онъ называетъ это *простымъ*, т. е. не разумнымъ усердіемъ къ вѣрѣ. Онъ допускаетъ свободу православія для жителей Украйны, но не на основѣ историческихъ правъ ихъ, а только какъ «обязательство ихъ ревности и усердія къ нашей сторонѣ». Онъ разсматриваетъ разыгравшееся на его глазахъ кровавое событіе внѣ всякой связи съ прежнимъ и тогдашнимъ ходомъ событій въ Польшѣ, онъ забываетъ добытыя имъ-же свѣденія, что оно вызвано ближайшимъ образомъ насиліями конфедератовъ, что въ конфедераціи участвуетъ самъ папа и польско-католическое духовенство, что тутъ цѣлая система, что основа ея болѣе глубокая и отдаленная и цѣли ея болѣе широкія. Первостепенный государственный сановникъ не знаетъ судебъ столь родственнаго ему народа, въ девизѣ руководителей и помощниковъ этого народа не видитъ общенароднаго инстинкта, влекущаго его подъ державу россійскую, и этихъ послѣднихъ, подъ именемъ гайдамакъ, истиннаго смысла котораго онъ не отгадывалъ, считаетъ просто разбойниками и злодѣями, которыхъ должно безпощадно истреблять. Какъ помѣщикъ, онъ считаетъ справедливымъ привести взбунтовавшихся крестьянъ въ повиновеніе ихъ господамъ и только для лучшаго въ этомъ успѣха признаетъ необходимымъ привести въ умѣренность власть сихъ послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе Румянцевъ по высказанному имъ взгляду на возстаніе въ Украйнѣ стоитъ гораздо выше другихъ дѣятелей, имѣвшихъ къ нему отношеніе. Кречетниковъ, на долю котораго выпало завладѣть гайдамацкимъ таборомъ подъ Уманью, просто пожелалъ воспользоваться громадною добычею награбленнаго гайдамаками у польской шляхты и жидовъ и принялся переправлять ее обозами за Днѣпръ (№ XX). Воейковъ еще въ 1766 г. опредѣлилъ свои отношенія къ религіознымъ преслѣдованіямъ въ Украйнѣ, вызвавшимъ нынѣшнее возстаніе, когда свой отказъ переяславской консисторіи—заявить въ кіево-губернской канцеляріи королевскія привилегіи на свободное исповѣданіе прав. вѣры—мотивированъ тѣмъ, что «дѣла вѣры суть весьма деликатны». Репнину, который жупровалъ въ Вар-

шавѣ и охотился за польками, было просто не до дѣлъ вѣры и хотя ему болѣе всѣхъ другихъ была извѣстна кровавая картина народныхъ страданій въ Украйнѣ, но онъ смотрѣлъ на все происходившее глазами поляковъ. Подобно Прозоровскому, внимавшему лементамъ бѣжавшей подъ защиту его шляхты, и онъ всю вину возстанія въ Украйнѣ сваливалъ на переяславскаго архіерея Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека (№ XXIII и XXIV). Румянцевъ твердо отстаивалъ невинновность этихъ доблестныхъ защитниковъ православія какъ предъ Репнинымъ и Прозоровскимъ, такъ и предъ Панинымъ (№ XXII), говоря о Гервасіѣ, что всѣ дѣйствія его основаны были на «должности пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля нынѣшняго», а о второмъ свидѣтельствуя, что онъ болѣе года уже находится въ Переяславѣ и даже свѣденій о своемъ монастырѣ не имѣетъ. Но лишь только Панинъ въ письмѣ къ Румянцеву отъ 19 сентября далъ понять, что самъ онъ и императрица имѣютъ иной взглядъ на это дѣло, какъ Румянцевъ спѣшитъ отречься отъ прежнихъ своихъ мнѣній, заявляя, что «они были только гадательныя, а не положительныя» и что «смѣшанная тамъ его идея простиралась только по воззрѣнію на обстоятельства наружныя». Какъ ловкій дипломатъ, онъ выхваляетъ мудрость Панина, выражаетъ готсвность сообразовать свои дѣйствія съ какими-то дополнительными повелѣніями, ему сообщенными, и наблюдать за поступками переяславскаго архіерея, предлагая и вовсе не пропускать къ нему уніатскихъ, т. е. обращающихся изъ уніи, по требованію народа, священниковъ, а прибывшихъ прежде всѣхъ выслать. Въ совѣтѣ Екатерины восторжествовалъ голосъ Репнина, который все дѣло возстанія считалъ плодомъ интриги двухъ лицъ: Гервасія и Мелхиседека и ихъ непомѣрнаго усердія въ поддержаніи и разширеніи православія въ Украйнѣ. О томъ, чего хотѣлъ народъ, къ чему онъ стремился, за что жертвовалъ послѣднимъ достояніемъ и самою жизнію, тогда не спрашивали, но по исконной привычкѣ искали главныхъ зачинщиковъ бунта и — нашли. Народъ-же знать не хотѣлъ уніи; онъ гналъ отъ себя тѣхъ пастырей, которые, подъ тяжестію насилій, измѣнили вѣрѣ отцевъ. Тѣ толпами стремились въ Переяславъ, чтобы заручиться свидѣтельствами своего обращенія, но ихъ рѣшили не пускать туда. Скоро и тѣ, которыхъ сочли главными виновниками кровавой смуты, были удалены. Тѣмъ надѣялись положить скорый конецъ возстанію, думая, конечно, что, за неимѣніемъ православныхъ, народъ примирится и съ уніатскими священниками, а что онъ самъ станетъ уніатскимъ, кому какое до этого дѣло. Остальное должно было довершить «матернее милосердіе» Екатерины, которымъ такъ старались успокоить и обнадежить страждущій украинскій народъ, хотя отъ этого милосердія никому тамъ не было ни тепло, ни холодно, и народъ не могъ не видѣть, что вмѣсто милосердія противъ него направляется лишь оружіе, а его врагамъ и мучителямъ оказывается защита и поддержка. При такихъ условіяхъ возстаніе не скоро могло быть подавлено и хотя кн. Прозоровскій въ сентябрѣ доносилъ Румянцеву, что ни о какихъ гайда-

макахъ уже не слышно, но въ дальнѣйшей перепискѣ мы еще встрѣтимся съ новыми онаго вспышками и новыми особенностями въ его теченіи.

Пока остановились, кажется, на томъ, что возстаніе подавлено и плодомъ такого мнѣнія надо считать приказъ Румянцева переяславской полковой канцеляріи (№ XXVI) отпустить по домамъ всѣхъ разновременно пойманныхъ и при ней содержавшихся польскихъ крестьянъ, участвовавшихъ въ возстаніи. Съ нихъ взята присяга, что они возвратятся къ своимъ помѣщикамъ и будутъ имъ покорны, полковой-же канцеляріи предписано снабдить всѣхъ ихъ «письменными препровожденіями» съ убѣжденіемъ помѣщиковъ оказать раскаявшимся помилованіе. Были-ли въ тоже время отпущены польскіе шляхтичи, сбѣжавшіеся въ Переяславъ подъ защиту русскаго оружія, изъ настоящей переписки не видно, но сдва-ли это можетъ подлежать сомнѣнію. Ихъ предполагалось отпустить еще въ началѣ августа, взявъ съ нихъ «рецессы», или письменныя отреченія отъ конфедераціи; но, вѣроятно, явились случаи побѣга ихъ въ конфедерацію, и ихъ высочайше велѣно задержать до поры въ Переяславѣ. Одинъ случай такого побѣга Румянцевъ указывалъ Панину въ лицѣ трехтемировскаго помѣщика Щенявскаго, который, воспользовавшись, пока ему нужно было, русскою защитою, очутился потомъ въ рядахъ конфедератовъ и игралъ тамъ главную роль. Такъ какъ Щенявскій и до возстанія велъ себя въ отношеніи къ русскимъ пограничнымъ властямъ съ большою продерзостію и нахальствомъ, то Румянцевъ высказывался предъ Панинымъ, что было-бы не лишнимъ взять его имѣніе въ секвестръ для возмѣщенія убытковъ разграбленной трехтемировской таможни, или для отдачи кому-либо изъ благонадежныхъ. Послѣдовало-ли это согласіе Панина, неизвѣстно; но самое предложеніе Румянцева прибавляетъ еще одну черту къ характеристикѣ нашей тогдашней политики въ Польшѣ.

Привела-ли вообще эта политика хотя къ ближайшей цѣли,—скорому усмиренію возстанію, покажетъ дальнѣйшая переписка.

(Продолженіе будетъ).

XII.

Письмо графа П. А. Румянцева къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, объ ослабленіи возстанія въ Украйнѣ послѣ истребленія главныхъ силъ гайдамаковъ и о непричастности къ этому возстанію Сѣчи запорожской.

1778 года, іюля 29.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Толь милостивымъ и себѣ лестнымъ признаніемъ почтенъ будучи отъ вашего сіятельства въ послѣднемъ письмѣ, отношу

слѣдствія сіи къ причинѣ содѣйствующей, то есть руководительству вашему, которое начертываетъ способы и пролагаетъ стези познать мнѣ, какъ сдѣлать угодное въ настоящихъ дѣлахъ. Надѣюсь, милостивый государь, что ни тѣнь самая ласкательства, несроднаго моему чистосердечію и усердію предъ вами, не взойдетъ тутъ вашему сіятельству на мысль, чтобъ истиною не принять моихъ словъ; гдѣ уже успѣли, сами показали, колико вы искуства, проницанія и благонамѣренія во ввѣренной себѣ должности явили. Я только соединяю мой голосъ общему, что имя ваше, по прошлымъ и настоящимъ дѣламъ, всегда велико будетъ между людьми, прославившимися отличнымъ благоразуміемъ въ нашемъ отечествѣ. Себя-же счастливымъ найду, если воспріятіями моими, по вашимъ положеніямъ, продолжать исправно могу на меня возлагаемое.

Польскіе разбои, по истребленіи главной ихъ толпы, меньше уже привлекаютъ дальнѣйшего къ себѣ вниманія; я не сомнѣваюсь, что вложенныя и пагубныя мысли отъ злодѣевъ въ простодушныхъ поселянъ теперь также исчезнутъ. Словомъ, я нынѣ сдѣланною мнѣ откровенностью отъ вашего сіятельства будучи на случай вразумленъ, всегда мѣры удобныя готовъ буду взять на успокоеніе всякихъ пограничныхъ волненій, которыя, я чаю, одно содержаніе туда для публики посланныхъ манифестовъ сильно будетъ утушать.

Я моими ордерами взыскавши отъ Коша запорожскаго отвѣты, одно только то въ оныхъ нахожу, что тамъ не свѣдомы о своихъ козакахъ, грабленіе производившихъ въ Польшѣ. Хотя всю правду объ участіи открыть легко чрезъ пойманныхъ, однакожъ средства сіи остаются теперь для Ѳедора Матвѣевича, къ которому изъ запорожскихъ козаковъ словленные злодѣи отосланы всѣ въ Кіевъ.

О полученіе всевысочайшаго именнаго указа и о первыхъ воспріятіяхъ по оному, прошу вашего сіятельства поднесть ея императорскому величеству мое всеподданнѣйшее доношеніе, а мнѣ позволить назваться съ тою-же совершенною преданностію, которая не кончится, какъ съ жизнію.—Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всенижайшій слуга.—*Слѣдуетъ подпись.*

XIII.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о принятыхъ имъ мѣрахъ къ распространенію между жителями украинскими манифеста ея къ нимъ относительно прекращенія волненій, объ ослабленіи возстанія за разбитіемъ главныхъ гайдамацкихъ партій и поимкою самаго Желѣзняка, о непричастности возстанію запорожскаго Коша, учрежденіи надзора за перебѣжавшими за Днѣпръ поляками и пресѣченіи волненій въ народѣ военными постоями и угрозами.

Іюля 30 дня, 1768 г., № 744.

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

При высочайшемъ вашего императорскаго величества рескриптѣ, отъ 12 числа текущаго мѣсяца, отпущенный съ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, я, получа печатные экземпляры высочайшаго манифеста, изданнаго на случай смятеній, подъятыхъ въ Польшѣ отъ самихъ крестьянъ, намъ единовѣрныхъ, по поводу злоумышленниковъ,—въ тотъ-же самый день, то есть 20 іюля, часть оныхъ отправилъ къ находящемуся въ Польшѣ полковнику Протасьеву, чтобъ оные повсюду имъ распубликованы были, а другую—въ полковую переяславскую канцелярію, предписавъ оной послать нѣсколько исправныхъ старшинъ, для разсѣянія въ пограничныхъ польскихъ мѣстахъ, а паче въ тѣхъ, гдѣ не укротились селяне отъ свирепствъ и грабленій.

Я несомнѣнно уповаю, что плоды сего премудраго воспріятія явны будутъ вскорѣ въ тишинѣ и покоѣ взволновавшихся польскихъ жителей, которые изъ подаваемыхъ имъ всевысочайшихъ и всемилостивѣйшихъ отъ вашего императорскаго величества увѣреній познавъ свои заблужденія, непремѣнно къ лучшему обратятся, тѣмъ паче, что уже разбойническія партіи, по злу ихъ одобрявшія, чрезъ команды, изъ войскъ вашего императорскаго величества отправленныя, всѣ разбиты и переловлены. О происшествіяхъ при томъ мнѣ не остается повторять, когда генералъ-аншефъ и кіевскій генералъ губернаторъ Воейковъ мнѣ сообщаетъ, что отъ него уже, по привезеніи въ Кіевъ, съ другими запорожскихъ козаковъ злодѣями, самаго главнаго разбойнической шайки начальника, называвшегося полковникомъ, Желѣзняка, о томъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донесено.

Возвратившійся посланный отъ меня куріеръ въ Сѣчь запорожскую привезъ отъ кошеваго атамана на мои вопросы, въ ордерѣ ему данномъ, сей отвѣтъ: что они никакихъ командъ въ Польшу не отправляли, а и сами слышатъ, что изъ польскихъ мужиковъ, назвавшихъ себя запорожцами, производятъ грабленія, и онъ атаманъ всѣ предосторожности употребилъ къ пресѣченію свободности въ Польшу прокрадываться своевольнымъ козакамъ. Но теперь допросы пойманныхъ грабителей изъ запорожцевъ подадутъ въ томъ подлинную достовѣрность, хотя примѣчая по обстоятельствамъ нынѣ собраннымъ, является, что собственныя склонности къ мщенію сихъ своевольниковъ препровождали только на извѣстныя дерзновенія, нежели чѣмъ общее согласіе Коша къ тому ихъ руководствовало.

Изъ предписанныхъ предосторожностей касательно выбѣгающихъ подъ высочайшее покровительство вашего императорскаго величества поляковъ, нѣкоторыя уже взяты съ полученія предварительнаго мнѣ сообщенія господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Панина; а прочее, что въ полномъ повелѣніи отъ вашего императорскаго величества мнѣ объ нихъ предписано, я также исполню самъ, слѣдуя на сихъ дняхъ въ Переяславъ для смотру части полковъ моей дивизіи, собранныхъ тамо въ лагерь; гдѣ будучи, удобнѣе еще могу сдѣлать распоряженіе на утушеніе послѣднихъ мятежей въ польскихъ крестьянахъ, коихъ однихъ только теперь укротить осталось, когда не можетъ въ томъ успѣть своею командою полковникъ Протасьевъ, которому далъ я повелѣніе—когда за опубликованіемъ манифеста не отстанутъ сейчасъ отъ своихъ наглостей, въ способъ принужденія къ приведенію ихъ въ послушаніе своихъ властей, располагать свои команды въ жилищахъ ихъ, покудова волнованіе тамъ не укротится, угрожая имъ страхомъ оружія, что и съ ними поступятъ подобно, какъ съ шайками разбойниковъ, ежели тотчасъ не отложатъ своихъ дерзостей, и о послѣдствіяхъ вашему императорскому величеству доносить долженствую.—*Слѣдуетъ подпись.*

XIV.

Сообщеніе гр. П. А. Румянцева кіевскому генералъ-губернатору Θ. М. Воейкову съ отвѣтомъ на запросъ послѣдняго, куда дѣвать захваченныхъ во время возстанія украинскихъ жителей и козаковъ, или какъ съ ними поступать, а равно извѣстіемъ о новыхъ попыткахъ къ продолженію возстанія и принятыхъ имъ, Румянцевымъ, противъ того мѣрахъ.

Августа 3, 1768 г., № 757.

Воспріявши въ честь себѣ вашего высокопревосходительства требованіе мнѣнія моего о содержащихся польскихъ мужикахъ и козакахъ, взятыхъ между гайдамаками, подаю мою мысль въ слѣдующемъ: что хотя не неприлично-бъ было, мнѣ кажется, ихъ также, какъ и прочихъ, отправить къ главному рейментарю графу Браницкому, что и сами ваше высокопревосходительство намѣреваясь учинить, давали мнѣ знать сообщеніемъ своимъ отъ 14 іюля; но когда уже отъ васъ взнесено объ оныхъ подъ высочайшую резолюцію ея императорскаго величества, то до полученія на то формальнаго повелѣнія, не будетъ траты напрасной ни времени, ни иждивенію казенному, если ихъ прикажете употреблять на городовую или къ другимъ работамъ. Впрочемъ яко еще вы, милостивый государь мой, изволите сообщать съ извѣстій къ вамъ объ оставшихся и проявляющихся въ Польшѣ разорителяхъ, то меня господинъ полковникъ Протасьевъ отъ 21 числа истекшаго мѣсяца репортуетъ, что онъ свѣдавши о оныхъ разбойникахъ, въ разныхъ шайкахъ состоящихъ, намѣревающихъ соединить въ одно всѣ свои силы подъ мѣстечкомъ Бѣлою Церковью, пошелъ прямо на истребленіе ихъ туда. Въ посылкѣ-же въ прибавокъ военной команды я, прибывши на сихъ дняхъ въ Переяславъ смотрѣть собравшихся полковъ въ лагерѣ, распоряженіе по обстоятельствамъ сдѣлать не оставлю.

Имѣю честь за симъ съ моимъ вседолжнымъ почтеніемъ быть, и прочее.—*Слѣдуетъ подпись.*

XV.

Приказъ гр. П. А. Румянцева командиру московскаго карабинернаго полка полковнику Протасьеву, которымъ онъ требуетъ въ дѣлѣ усмиренія украинскаго возстанія исполнять только его распоряженія и отклонять вмѣшательство въ это дѣло генералъ-майора Кречетникова.

Августа 4-го 1768 г., № 760.

Своимъ репортомъ, отъ 31 числа истекшаго мѣсяца, вы мнѣ представляете, что господинъ генералъ-маіоръ Кречетниковъ сво-

ими повелѣніями останавливаетъ васъ отъ исполненія предписаннаго отъ меня вамъ. Я сему тѣмъ паче удивляюсь, что вы не посланы въ его команду, но командированы отъ меня, по возмущеніямъ польскихъ жителей пограничныхъ и ради разореній тамо происходящихъ отъ гайдамаковъ, для охраненія цѣлости границъ, въ чемъ должность лежитъ на мнѣ единственно. А что къ тому-же еще онъ, господинъ генералъ-маіоръ, прибавляетъ, что мнѣ тамошнія обстоятельства неизвѣстны, то вы для того тамъ находитесь, чтобъ мнѣ подавать объ оныхъ свѣдѣнія, какъ за аппробаціею отъ ея императорскаго величества всѣхъ отъ меня воспріятыхъ мѣръ, на случай смятеній пограничныхъ польскихъ, государственная иностранныхъ дѣлъ коллегія мнѣ предложила, что и самому господину генералъ-маіору Кречетникову предписано отъ оной имѣть о сихъ дѣлахъ со мною сношеніе.

О семъ вы имѣете сообщить ему-ли господину генералъ-маіору Кречетникову, или кто командующимъ будетъ, и дѣйствовать дальше по моему ордеру, что касается до преслѣдованія разбойническихъ шаекъ и возмущающихъ поселянъ. Но гдѣ польза службы и интересъ ея императорскаго величества потребуетъ, чтобъ и отъ тамо командующихъ исполнить вамъ предписаніе, вы тому повиноваться должны непремѣнно. — *Слѣдуетъ подпись.*

XVI.

Приказъ гр. П. А. Румянцева находящимся въ Украйнѣ съ своими полками полковникамъ Пропасьеву и Вульфу отклонять отъ возстанія украинское населеніе мѣрами увѣщанія и обнадеживаніемъ защиты, силу-же оружія употреблять лишь противъ непокорныхъ.

Августа 20-го 1768 г. №№: 777 и 778.

Я будучи извѣстенъ, что польскіе мужики въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы находитесь, изъ отчаянія больше, которому предаются отъ страха мщенія раздраженныхъ своихъ господъ, продолжаютъ свое согласіе съ гайдамаками, думая ихъ быть своими избавителями. Вы, на основаніи манифеста имъ публикованнаго, вразумите ихъ всякимъ увѣщаніемъ и обнадежете, что они отъ всякихъ воображаемыхъ бѣдствъ, яко единовѣрные, будутъ сохранены милосердіемъ ея императорскаго величества, ежели тотчасъ, повинуясь повелѣніямъ высочайшимъ, отложатъ мятежъ и сами вспомоще-

ствовать станутъ истребленію вводящихъ оный. Силу-же прямую оружія обращайте на явныхъ токмо мятежниковъ разорителей. — *Слѣдуетъ подпись.*

XVII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому при варшавскомъ дворѣ послу, князю Н. В. Репнину, съ изложеніемъ дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ народное возстаніе въ Украйнѣ, указаніемъ на необходимость, въ видахъ усмиренія онаго, умѣрить жестокое мщеніе со стороны польскихъ помѣщиковъ и проч.

Августа 24 го 1768 г.

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

По поводу перваго письма вашего сіятельства, которое получить имѣлъ честь въ сей день, я пріемлю случай сказать вамъ, что по настоящимъ польскимъ дѣламъ, въ исполненіе высочайшихъ ея величества повелѣній отъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи мнѣ данныхъ, надлежало мнѣ найтить способы какъ съ другими командующими въ Польшѣ съ нашей стороны генералами, такъ и съ вашимъ сіятельствомъ, ко взаимному сношенію. Не могъ однакожъ я лучше въ томъ успѣть, какъ пользуясь тѣмъ путемъ, который ваше сіятельство теперь мнѣ сами открываете; и потому не оставилъ тотчасъ предложить полковнику Протасьеву, чтобъ онъ съ карабинернымъ московскимъ полкомъ, такъ какъ ваше сіятельство требуете, остался въ повелѣніяхъ генералъ-маіора князя Прозоровскаго.

При семъ обязанномъ я себя считаю изъявить мои примѣчанія о причинахъ воздвигнувшихъ сей небезвѣдственный мятежъ, кои, можетъ быть, вамъ болѣе моего уже знакомы. Простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой, противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчіемъ, безъ сомнѣнія суть двѣ крайности, возмутившія къ мятежу польскихъ крестьянъ. Елико надлежитъ до перваго обстоятельства, то все то изъявляющія удручепія не могутъ вамъ быть несвѣдомы изъ протеста, чрезъ игумена матронинска монастыря, поданнаго сего году въ Варшаву отъ всего православнаго общества пограничныхъ старостъ и губерній; а послѣднее оправдываетъ само шляхетство, выбѣгшее сюда подъ покровительство, формально въ своихъ поданныхъ мнѣ просьбахъ сознавая, что настоящія въ

отечествѣ ихъ бѣдствія родили суровые поступки противу исповѣдующихъ законъ греческой церкви оффиціала украинскаго уніатскаго Мокрицкаго. Когда сими жестокими угнетѣніями страждующія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдиновъ такъ называемымъ гайдамакамъ на всѣ извѣстныя дерзости. Возжечь сей пламень нашли они найлучшую удобность, составивъ ложные отъ имени ея величества указы о своемъ туда приходѣ, и увѣривши, что они сихъ пограничныхъ жителей навсегда съ подъ польскаго владычества освобождаютъ.

Я все сіе для того пишу, чтобъ показать: хотя злыя дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые вплелись къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя ложныя предложенія, которыми уловили ихъ на счетъ нашего покровительства. Теперь всѣ они предались отчаянію съ опасности воображаемыхъ мученій отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсѣянія манифестовъ, изданныхъ на случай смятеній сихъ, посылаемы отъ меня были за границу, возвратившись объявляютъ, что во многихъ мѣстахъ съ благодарностію и повиновеніемъ жители оной приняли, однакожъ, познавъ свой обманъ, показали уныніе въ своихъ сердцахъ, потому что не чаятъ уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакова себѣ помилованія, яко отдавшимся уже въ руки, и начали они отмщать даже отнятіемъ самой жизни.

Сей одинъ страхъ, не безъ основанія внѣдрившись въ ихъ сердца, возрождаетъ вновь истребленныя заграничныя шайки, и можетъ продолжать и долго, хотя слабыя, однакоже неспокойныя, въ тѣхъ мѣстахъ волненія. Сокращеніе сего представивъ зрѣлому вашего сіятельства проницанію, которое во многихъ дѣлахъ свѣтъ познало, пишу только, что мнѣ ближайшимъ кажется. Смѣю объявить способъ, что ежели облегчить сихъ польскихъ подданныхъ участь ваше сіятельство въ тамошней сторонѣ изобресть изволите средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ, но привесть послѣднихъ власть въ умѣренность, то уповать можно, что оные, притомъ провождаемы будучи увѣщеваніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ ея императорскаго величества, яко единовѣрнымъ, милосердіемъ, возвратятся въ свои домы къ спокойной жизни. Я о семъ писалъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію и къ его сіятель-

ству графу Никитѣ Ивановичу Панину, съ которымъ всегдашнюю о семъ веду корреспонденцію, удостоившись получить отъ ея императорскаго величества высочайшую апробацію всѣмъ моимъ распоряженіямъ, воспріятымъ при нынѣшнихъ пограничныхъ неспокойствіяхъ.

Польскіе шляхтичи просили меня многіе, чтобъ для защищенія отъ разграбленія ихъ имѣній послать въ оныя на ихъ коштъ команды. Я положилъ было, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ (оставить?) полкъ московскій, и по сей причинѣ писалъ къ князю Прозоровскому, чтобъ если надобность найдетъ подвинуть сей полкъ въ даль отъ границъ, то бы меня заранѣе о томъ предувѣдомилъ, чтобъ для безопасности пограничной другимъ командамъ на его мѣсто вступить. Впрочемъ, принеся мою покорную просьбу, я ожидать буду, что ваше сіятельство по оной не оставите меня снабжать предувѣдомленіями въ настоящихъ дѣлахъ и подавать мнѣ найлучшія средства, по своему благоразумію, къ предохраненію высочайшихъ ея императорскаго величества интересовъ. А я навсегда имѣю честь съ истиннымъ слыть и пр.

P.S. Королевской пограничной трехтемировской камеры писарь Гоздава-Вилуцкій, выбѣгшій сюда, просилъ на снабденіе свое и служителей королевскихъ, съ нимъ вышедшихъ, сто рублей на счетъ королевской, показуя при разграбленіи помянутой камеры извѣстнымъ бунтовщикомъ Щенявскимъ, лишившимся всѣхъ пожитковъ. Я толикое число денегъ изъ приличія приказалъ ему выдать, и вашего сіятельства прошу, освѣдомясь гдѣ надлежитъ, меня увѣдомить: вѣренъ-ли счетъ возвращенія быть можетъ, ежели и другіе, яко онъ самъ, здѣсь живущіе станутъ и болѣе требовать таковыхъ денежныхъ ссудъ?—*Слѣдуетъ подпись.*

Переяславъ, № 783.

XVIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графу Н. И. Панину, съ извѣщеніемъ о задержаніи имъ въ Переяславѣ перебѣжавшихъ туда поляковъ, о причинахъ возстанія въ Украйнѣ, необходимости прекращенія жестокаго мщенія украинскимъ крестьянамъ со стороны ихъ помѣщиковъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украйну по просьбамъ тамошней шляхты, косвенномъ участіи запорожскаго Коша въ происходящемъ возстаніи и проч.

Августа 26 дня 1768 г.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Приложа о исполненіи высочайшаго ея императорскаго величества имяннаго указа, въ извѣстной вашему сіятельству ма-

терію, всеподданнѣйшую реляцію мою для поднесенія въ собственныя руки, начинаю послѣдованіе о пограничныхъ дѣлахъ всепокорнѣйшимъ благодареніемъ, что ваше сіятельство преподаете мнѣ способы, изъ милостивой откровенности своей, къ произведенію возложенныхъ на меня повелѣній. Они посредствовали мнѣ удостоиться за то и высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія, которое пріобрѣтаю паче въ послѣднемъ рескриптѣ. Я теперь нахожусь въ лагерѣ подъ г. Переславомъ, и какъ мнѣ хотѣлось самому ближе вникнуть въ польскія дѣла, то потому до сего времени все повелѣнное первымъ рескриптомъ еще не было выполнено надъ выбѣгшими въ сей городъ подъ протекцію поляками, кромѣ что оные обезоруженные жили подъ присмотромъ.

За проѣздомъ моимъ, когда они приведены чрезъ священника католическаго къ присягѣ и спрошены подъ оною: будучи въ Польшѣ не присягали-ль они конфедераціи барской, или другой, противъ варшавскаго сейму? и одни изъ нихъ признались, что въ повиновеніи означенному барскому заговору присягали съ принужденія конфедератовъ, наѣзжавшихъ на ихъ домы съ командою, а другіе совѣмъ показали себя въ томъ неучаствовавшими, въ сіе самое время отъ 3-го августа полученъ рескриптъ, въ которомъ по 3-му пункту иные уже объ нихъ мѣры предписаны, и для того я, не требуя отъ нихъ прежде повелѣнныхъ рецессовъ, приказалъ какъ тѣхъ, кои хотя кромѣ принужденной присяги никакимъ больше противнымъ дѣйствіямъ въ согласіи съ конфедератами не винились, такъ и необъявившихъ себя преступниками къ конфедераціи, по настоящему времени, изъ предосторожности и сомнительства, задержать ихъ неспускно въ семъ городѣ, объявивъ въ причину сего задержанія обстоятельства въ рескриптѣ значущіеся, и взявъ отъ нихъ всѣхъ обовязательства о скромномъ пребываніи, по присланной ко мнѣ формѣ на польскомъ языкѣ отъ Ѳедора Матвѣевича Воейкова.

При сихъ обстоятельствахъ, сколько явны мнѣ зрѣлыя вашего сіятельства проницанія, такъ обязаннымъ себя нахожу представить здѣсь о тѣхъ, кои и мое вниманіе на себя привлекаютъ. По объявленіямъ выбѣгающихъ сюда поповъ уніатовъ къ обращенію въ православіе, и прочимъ обстоятельствамъ, нѣтъ больше сомнѣнія, чтобъ весь сей небезбѣдственный мятежъ не подъятъ былъ изъ простаго усердія къ вѣрѣ православной, которой противоборства свои римское духовенство распространяло съ лю-

тымъ безчеловѣчіемъ надъ простолюдинами и съ поруганіемъ нестерпимымъ попамъ благочестивымъ. Каковы неистовыя удрученія мирскимъ и духовнымъ описаны обстоятельно въ протестѣ сообщенномъ отъ синода иностранной коллегіи, которые чрезъ архіерея переяславскаго все православное общество пограничныхъ староствъ и губерній сего году переслали въ Варшаву, гдѣ оный и внесенъ въ книги. А и сами изъ пребывающихъ тутъ подъ покровительствомъ шляхетства формально въ подаваемыхъ мнѣ просьбахъ сознаютъ, что настоящія въ отечествѣ ихъ бѣдствія родили суровые поступки, противъ исповѣдающихъ законъ греческой церкви, оффиціала унитскаго Мокрицкаго; прибавивъ къ сему еще и то, что ложный слухъ, пронесенный запорожцами, и составленные отъ имени ея императорскаго величества указы, чѣмъ простолюдиновъ легко было ослѣпить умы, что сіи всѣ пограничныя мѣста пріемлются подъ россійскую державу и навсегда съ подъ владѣнія польскаго освобождаются.

И такъ хотя злыя дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые присовокупились къ мятежникамъ въ лучшемъ памѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя предложенія, которыми уловили ихъ на счетъ нашего покровительства; теперь всѣ они предались отчаянію съ опасности воображаемыхъ мученій отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсѣянія манифестовъ посылаемы были отъ меня за границу, возвратясь объявили, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители приняли содержаніе оныхъ со всякою благодарностію и послушаніемъ, но къ тому не преминули жаловаться, сколько они послѣ сего страшатся крайнихъ бѣдствій себѣ, въ руки отдавшись своимъ владѣльцамъ, которые то уже и показали, предавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ смерти.

Вникнувъ въ примѣры прошедшихъ временъ, ваше сіятельство сами найдете, что условія, заключенныя съ сею сосѣднею державою, не всегда оставались непоколебимы; потому мое, безъ предложенія, мнѣніе по сему преподать осмѣливаюсь: чтобъ не изгнать изъ сердецъ искренней преклонности къ нашей сторонѣ, которую соблюдать изъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, во всякое время не безполезно изобрѣсть средства, чтобъ облегчая сихъ польскихъ подданныхъ участь, не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія господъ, но послѣднихъ сократить къ тому въ умѣренность власть; вы же, ваше сіятельство, изобильныя найдете, уповаю, сами къ сему средства.

Я, по старанію о тишинѣ пограничной, умножаю посылку за границу командъ, слыша въ близости продолжающіяся еще неспокойства по поводу найпаче отчаянныхъ тамошнихъ жителей; однакожъ, истребляя гайдамакъ, для самыхъ жителей показую только видъ оружія, повелѣвая больше командирамъ увѣщевать и обнадеживать ихъ высочайшимъ императорскимъ милосердіемъ, яко къ единовѣрнымъ, чтобъ они отошли въ свои селенія и жили покойно.

Здѣсь пребывающее шляхетство подали мнѣ просьбы, чтобъ для охраненія ихъ имѣній послать въ оныя команды на ихъ коштъ. Подъ симъ претекстомъ я отправлю въ показанныя ими мѣста команды, которыя тамъ содержаны будутъ къ истребленію послѣднихъ разбойническихъ отдѣленій и къ приведенію въ тишину мятущихся; сіе учинить тѣмъ болѣе нужно, что московскій карабинерный полкъ, которому, по письму ко мнѣ съ Варшавы князя Николая Васильевича Репнина, повелѣлъ я уже обращаться по повелѣніямъ командующаго корпусомъ генерала-маіора Прозоровскаго, можетъ въ даль въ Польшу подвинутъ быть отъ границъ нашихъ.

Я еще беру смѣлость, изъ довѣренности ко мнѣ вашего сіятельства, идеально токмо начертать одно разсужденіе, оставивъ зрѣлому вашему проницанію обратить виды онаго по лучшему искусству. Староста трехтемировскій Щенявской, отъ давнихъ временъ злодѣй нашимъ граничнымъ жителямъ, его отвага не въ томъ только была, что безвинно непрестанныя дѣлалъ грабленія, но въ одно время захватилъ двухъ драгунъ съ форпоста съ капраломъ, и усиловуясь завладѣть однимъ островомъ, нашей сторонѣ надлежащимъ, поставилъ въ страхъ на ономъ висѣлицы. Я сіе вспоминаю потому, что даны уже были объ немъ съ нашей стороны повелѣнія, чтобъ его подхватить. Онъ теперь въ конфедераціи и главнымъ руководителемъ, а староство его трехтемировское самое ближнее къ нашимъ границамъ, и въ ономъ неспокойства крестьянъ продолжаются; не могутъ-ли сіи обстоятельства быть достаточнымъ поводомъ, чтобъ сіи показанныя Щенявскаго деревни взять подъ секвестръ? Польза изъ оныхъ ежели бы признана не была потребною сторонѣ нашей, то предлогъ есть выискивать во удовольствіе разграбленныхъ съ повелѣнія его Щенявскаго королевской трехтемировской камеры, или отдать оныя одному изъ благонамѣренныхъ.

Говоря о запорожскихъ козакахъ, долженъ объявить вашему сіятельству мои примѣчанія, что не одна алчба, сродная симъ людямъ къ хищенію, побудила ихъ на своевольства, но въ Сѣчи пронесенная вообще молва, что грабительствовать теперь въ Польшѣ есть благословенное дѣло. Можно думать безъ ошибки, что не безъ участія въ семъ были главные ихъ старшины, ибо пойманные признаются, что строгости никакой не хранилось въ удержаніи ихъ выбѣговъ въ Польшу, и увѣрено, что сія польская страна достанется подъ начальство гетманское и кошеваго.

Я въ прочемъ имѣю честь ввѣрить себя вашему сіятельству въ непремѣнную милость, съ моею совершенною преданностію и усерднѣйшимъ высокопочитаніемъ назваться.—*Слѣдуетъ подпись.*

№ 793. Изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XIX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о задержаніи имъ перебѣжавшихъ въ Переяславъ польскихъ пановъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украйну для подавленія непрекращающагося тамъ возстанія, слабомъ дѣйствіи на тамошнее населеніе манифеста (9 іюля), разбитіи отряда атамана Майбороды близъ м. Мошенъ и проч.

26 августа 1768 г.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Приводя въ исполненіе высочайшія вашего императорскаго величества мнѣ данныя повелѣнія о полякахъ, выбѣгающихъ подъ протекцію, когда, при моей бытности теперь въ лагерѣ подъ городомъ Переяславомъ, открыли подъ присягою одни изъ нихъ преступленія свои въ присягѣ одной только, кромѣ всякихъ злыхъ содѣйствій, къ конфедераціи, по принужденію якобы имъ въ томъ чинимомъ, а другіе не признались во участіи никакому противному заговору, и приступлено было, чтобъ у первыхъ взять подлежащіе рецессы,—то въ сіе самое время получилъ я другой высочайшій рескриптъ вашего императорскаго величества, отъ 5-го августа изъ иностранной коллегіи пущенный ко мнѣ, въ которомъ предписаны другія уже мѣры къ поступленію съ ними. Почему и повелѣлъ я ихъ всѣхъ въ семъ городѣ неспускно держать съ большимъ противъ прежняго присмотромъ, взявъ отъ каждаго обязательства о пребываніи во всякомъ благочиніи въ

замѣну дозволяемаго имъ покровительства, по присланной формѣ на польскомъ языкѣ отъ господина генерала губернатора Воейкова, и объявивъ имъ, въ причину сего задержанія, обстоятельства, изображенныя въ семъ высочайшемъ рескриптѣ.

Сокращая въ близости границъ волненія польскихъ жителей, которыя до днесь еще не успокоены, и не истреблены совершенно остатки разбойническихъ шаекъ вновь возрождающихся по поводу и участію самихъ же тамошнихъ жителей, коихъ одно отчаяніе, по воображенію страха отъ мщенія своихъ господъ, подвигаютъ на всякую крайность, прибавляю я часто посылки за границу военныхъ командъ, предписуя начальникамъ больше взбунтовавшихся жителей обращать увѣщеваніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ вашего императорскаго величества милосердіемъ, ежели они возвратятся въ свои домы къ спокойной жизни, а прямую силу оружія обращать паче на злыхъ разорителей.

По распубликованіи высочайшаго вашего императорскаго величества манифеста, изданнаго на случай сихъ смятеній въ Польшѣ, возвратившіеся нарочные объявляютъ, что въ однихъ мѣстахъ со всеподданнѣйшею благодарностію и повиновеніемъ жители оный приняли, въ другихъ показали уныніе въ своихъ сердцахъ, потому что не чаютъ уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакого себѣ помилованія, а нѣкоторые прямо объявили, что они не могутъ тѣхъ признавать разбойниками, которые отъ предстоявшей имъ отъ поляковъ за православную вѣру смерти ихъ охранили, слѣдственно и отъ поисковъ надъ оными отказуются. Сихъ упорствующихъ противъ кратчайшихъ и имъ спасительныхъ средствъ, конечно, страхъ оружія посланныхъ туда командъ принудитъ отложить всякую жестокость и неповиновеніе.

Я недавно услышавъ, что близъ Канева дѣлаетъ разоренія вновь собравшаяся шайка разбойническая подъ предводительствомъ атамана Майбороды, отправилъ для поимки оной секундъ-маіора Вурма съ однимъ эскадрономъ карабинернаго ростовскаго полку и другія стами козаковъ, который ихъ преслѣдуя настигъ въ мѣстечкѣ Мошнахъ, гдѣ они заперлись въ замкѣ; когда начали сопротивляться командѣ (ихъ прежде увѣщевали къ сдачѣ) и подстрѣлили одного карабинера, который отъ тѣхъ ранъ и умре, то помянутый секундъ-маіоръ, ихъ атаковавъ, взялъ 26 человѣкъ съ помянутымъ атаманомъ Майбородою живыхъ, а 6 оста-

вилъ убитыхъ, протчіе-же, бросившись къ побѣгу въ рѣку, въ оной утопились. Сихъ разбойниковъ представилъ онъ ко мнѣ въ Переяславъ, изъ которыхъ по допросамъ показавшіе себя запорожцами отданы будутъ въ надлежащій судъ, а съ польскими жителяли, въ сей-же шайкѣ нашедшимись, какъ поступать—прошу въ реляцію себѣ высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія.

И при донесеніи всеподданнѣйшемъ о вышеписанномъ, представляю именный списокъ [1]) всѣмъ шляхтичамъ содержащимся въ городѣ Переяславѣ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

26 августа 1768 года, изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XX.

Секретное донесеніе гр. П. А. Румянцева имп. Екатеринѣ II о неотысканіи имъ переправляемыхъ генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ чрезъ Днѣпръ обозовъ (съ отнятою отъ гайдамакъ добычею), съ предположеніемъ, что таковые могутъ слѣдовать чрезъ форпосты вѣдомства генералъ-губернатора Воейкова.

26 августа 1768 г., изъ Переяслава.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государиня императрица и самодержица всероссійская, государиня всемилостивѣйшая!

Въ исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, посланные отъ меня надежные люди во всѣ мѣста вѣдомства моего пограничныя, чрезъ которыя изъ Польши проѣзды бываютъ, для отысканія свѣдѣнія о проходѣ обозовъ генерала Кречетникова, возвратясь теперь объявили, что они какъ по запискамъ смотрителей форпостныхъ, такъ и подъ секретомъ постороннимъ развѣдываніями, ни въ которомъ мѣстѣ не нашли, чтобъ пропущены были какія его посылки. Донося о томъ всеподданнѣйше, уповаю, что всѣ такія корысти, къ предосужденію толь близкому общей славѣ и чести военныхъ начальниковъ пріобрѣтенныя, ежели еще не провезены, то слѣдовать будутъ чрезъ форпосты, состоящіе подъ вѣденіемъ господина генералъ-губернатора кіевскаго Воейкова.—*Слѣдуетъ подпись.*

---

[1]) Упоминаемаго здѣсь списка въ сборникѣ М. А. Максимовича не оказалось.

XXI.

Выписка, сдѣланная М. А. Максимовичемъ изъ письма гр. П. А. Румянцева къ Ѳ. М. Воейкову, которымъ Румянцевъ отклоняетъ Воейкова отъ начатой имъ посылки пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветградскую провинцію, а совѣтуетъ отправлять таковыхъ въ Глуховъ для суда.

Графъ П. А. Румянцевъ въ сообщеніи своемъ къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, отъ 26 августа 1768 г., между прочимъ пишетъ:

„Я не хотѣлъ повѣрить рапорту теперь полученному отъ полковника Протасьева, что онъ отправляетъ пойманныхъ гайдамакъ, по ордеру вашего высокопревосходительства, по способности, въ елисаветградскую провинцію. Я будучи преданъ вашему высокопревосходительству всякимъ чистосердечіемъ и откровенностію, нахожу потребнымъ сказать, что въ тѣ мѣста отправленіемъ сихъ гайдамакъ само собою умножатъ причины неспокойства и опасностей. Лучше будетъ, ежели вы прикажете всѣхъ малороссійскаго вѣдомства отъ мѣста до мѣста отправлять въ Глуховъ, къ поступленію съ ними паки по надлежащему, какъ и я то всегда чиню, а польскихъ мужиковъ туда дѣвать, гдѣ повелѣніе опредѣлитъ, если уже оное имѣете на свои представленія". — *Слѣдуетъ подпись*

XXII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ, опровергая дошедшее до него обвиненіе кн. Репнинымъ переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека въ произшедшемъ въ Украйнѣ возстаніи, излагаетъ свой общій взглядъ на это дѣло и выясняетъ необходимость, въ интересахъ русской политики, поддерживать въ Украйнѣ православіе, указывая на симпатіи къ возставшимъ какъ Запорожья, такъ и лѣвобережной Украйны, и проч.

Сентября (8?) дня 1768 года, Глуховъ.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

При отъѣздѣ обратномъ отсюда военной коллегіи курьера, имѣю честь вашему сіятельству объявить, что я какъ въ разсужденіи Порты Оттоманской болѣе уже не слышу извѣстій, сверхъ

сообщенныхъ отъ меня вамъ съ нарочнымъ курьеромъ, такъ и командующій теперь корпусомъ генералъ маіоръ князь Прозоровскій и находящійся въ Польшѣ полковникъ Протасьевъ репортами своими увѣдомляютъ, что на настоящее время утихло довольно волненіе тамошнихъ жителей. Помянутый генералъ-маіоръ приложилъ мнѣ экстрактъ изъ повелѣнія ему даннаго отъ нашего посла князя Репнина, гдѣ онъ, судя поступки архіерея переяславскаго и игумена мотронинскаго монастыря Мельхиседека, признаетъ ихъ давшими поводъ и участвующими въ настоящихъ смятеніяхъ польскихъ. Я уже вашему сіятельству, отъ 26 числа прошедшаго мѣсяца, имѣлъ честь объяснить, что сей старецъ поведенія свои противъ прибѣгающихъ къ нему уніатскихъ поповъ основывалъ на должности своего пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія, и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля нынѣшняго о взаимной свободѣ въ перемѣнѣ состоянія такъ православнаго на уніатское, яко и послѣдняго на первое, приводя въ оправданіе свое, что его предмѣстники въ самый Радомыслъ, мѣсто каѳедральное бискуповъ уніатскихъ, посвящали въ Переяславѣ поповъ; но не извинительно одно только, что къ тому приступилъ онъ безъ формальнаго повелѣнія себѣ. Но какъ всѣмъ вещамъ въ отдаленности можно виды придѣлать иные, совсѣмъ отъ существенныхъ разные, то паче же при настоящемъ случаѣ употребить могли поляки, преобразивъ всякія извѣстія въ пользу своей стороны, яица тѣмъ способомъ удержать въ сей странѣ людей, къ крайнему ихъ неудовольству обращающихся къ вѣрѣ, прежде ими исповѣданной и отъ которой они отведены однимъ насильствомъ и принужденіемъ властей, то потому предразсужденіе ведетъ мысль, что и нашъ посолъ иногда не столь удобно обозрѣть можетъ настоящія дѣйствія, какъ въ отдаленности отъ его пребыванія происходящія.

По разумѣнію сего я мои примѣчанія представилъ вашему сіятельству въ помянутомъ письмѣ, сколько мнѣ сіи дѣла, какъ близко на нихъ взирающему, кажутся въ настоящемъ положеніи и слѣдствіяхъ своихъ; такъ и теперь, довѣренностію вашею пользуясь, въ прибавокъ прежнему сказать осмѣливаюсь: поелику обоихъ нашихъ здѣсь сосѣдей союзъ установленный не есть толь твердъ и неподвиженъ, чтобъ всегда намъ обнадѣяться возможно на непоколебимость онаго, разумѣя ихъ свойства удобопреклонныя во всѣ стороны, то изъ сихъ причинъ во всякое время полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ

обязательство ревности и усердія ихъ къ нашей сторонѣ. Примѣръ сему показуетъ и настоящій случай: когда конфедераты, собираясь на самомъ противъ насъ берегу рѣки Днѣпра, ко умноженію своихъ силъ забрали было къ себѣ всѣхъ польскихъ козаковъ, чтобъ съ оными ополчиться противъ нашихъ войскъ, то коль скоро сіи козаки и другіе жители вооруженные противниками свѣдали, что ихъ ведутъ поборствовать по вѣрѣ римской, вдругъ не только отложились отъ послушанія своимъ вождямъ, но и прямо на самихъ ихъ по сему случаю возстали; инако-же всѣ сіи дѣйствія и силы должны были они на наши войска или на жителей пограничныхъ устремить, которыя вопреки обратили на вредъ самихъ заводителей, не хотя быть ихъ единовѣрными и единомышленниками. Извѣстный губернаторъ Сасинъ, подъ арестомъ содержащійся, уполномоченъ былъ нарочно отъ господина своего, бунтовщика Щенявскаго, чтобъ собрать всѣхъ пограничныхъ козаковъ и противо насъ поставить; токмо сіи жители, свѣдавши, для чего сіе дѣлается, притѣснили самаго конфедерата столько, что онъ, съ опасности лишиться жизни, выбѣжалъ въ наши границы.

Проницаніе вашего сіятельства, конечно, не минетъ сей пунктъ сообразить со всѣми окрестностями оному противустоящими. Я уже до сего вамъ объявилъ, что опубликованный манифестъ хотя произвелъ въ жителяхъ желаемое дѣйствіе, но гайдамаковъ не престаютъ они признавать за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго, въ разсужденіи принужденія вѣры, а жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самою изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся. Та и другая тягость, удручавшая ихъ несказанно, отмщевалась рукою ихъ полякамъ и жидамъ при настоящемъ случаѣ. Въ такомъ сихъ жителей положеніи, когда въ сердцахъ ихъ распространилась и усилилась горячность къ благочестію, ежели отнять ихъ въ томъ свободу, и удаливъ надежду, которую они полагаютъ въ покровительствѣ высочайшемъ ея императорскаго величества, подвергнуть ихъ состоянію тому-же, что и были, то я ваше сіятельство предварительно предувѣряю о слѣдствіяхъ непріятныхъ, неминуемо изъ того возродящихся, что тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло, ибо запорожскіе и польскіе козаки союзомъ самаго родства и преклонности такъ между собою сопряжены, что братъ одинъ въ томъ селеніи, другой въ другомъ жительствуютъ и по произволенію перемѣняютъ свое пребываніе.

Я не ручаюсь и за всѣхъ здѣшнихъ жителей, чтобъ нѣкоторые изъ толпы на сіи, по ихъ разумѣнію, законные подвиги въ томъ случаѣ себя не опредѣлили; я примѣтилъ тайную уже молву, будучи въ Переяславѣ, въ живущихъ близъ границы, что они равно польскимъ жителямъ думаютъ о гайдамакахъ.

Но не возмните, ваше сіятельство, чтобъ я моими объясненіями преподавалъ вамъ совѣты или оные писалъ бы къ какому либо наставленію: нѣтъ милостивый государь, мнѣ достаточно извѣстно и ваше благоразуміе, и изобиліе въ способахъ предохранительныхъ интересовъ ея величества и пользы государства; а я только мои примѣчанія о дѣлахъ себѣ приближенныхъ, столько отъ должности моей, какъ и въ воздаяніе особливо дознаваемой отъ васъ къ себѣ откровенности и милости, приношу, будучи всегда съ должнымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства.

P. S. Я, противъ моего расположенія, и лѣтніе дни принужденъ былъ препроводить въ Переяславѣ, покудова могъ уже видѣть, что всѣ ватаги разбойниковъ вблизи границъ истреблены. Теперь я нахожусь въ Глуховѣ, куда меня на нѣкоторое время призвали по моей должности другія дѣла; я на сихъ дняхъ выѣду въ Полтаву для осмотру полковъ другой разъ въ лагерѣ собранныхъ, гдѣ будучи въ приближеніи, еще удобнѣе и лучше могу развѣдать обстоятельства нашихъ и въ ту сторону сосѣдей.— *Слѣдуетъ подпись.*

XXIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ командующему русскими войсками въ Новороссіи, кн. А. А. Прозоровскому, съ предоставленіемъ въ его распоряженіе дѣйствовавшаго противъ гайдамакъ московскаго карабинернаго полка, какъ уже не нужнаго, для этой цѣли, и изложеніемъ оправданія переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека Значка-Яворскаго, по обвиненію ихъ въ возбужденіи возстанія въ Украйнѣ.

Сентября 8-го (1768 г.)

Милостивый государь, князь Александръ Александровичъ!

Рапортъ вашего сіятельства, отъ 31 августа, съ приложеннымъ экстрактомъ, я имѣлъ честь получить исправно, и на оное въ отвѣтъ симъ служу. По препорученіи въ команду вашу мос-

ковскаго карабинернаго полка, ваше сіятельство имѣете полную власть располагать онымъ по надобности случаевъ и точному своему благоразсмотрѣнію, ибо въ разсужденіи гайдамакъ, о коихъ изъ рапорта вашего видно, что ихъ въ Польшѣ уже не слышно, нѣтъ нужды оному болѣе обращаться тамо, какъ и мнѣ командировать туда другаго полку, а вмѣсто того приказалъ я господину генералъ-порутчику фонъ-Дальке: еслибы появились вновь каковы либо партіи гайдамакъ, по первѣйшимъ извѣстіямъ посылать на ту сторону Днѣпра, для истребленія оныхъ, команды, по примѣру тому, какъ въ бытность мою здѣсь то чинено было съ успѣхомъ.

Чтожъ принадлежитъ до здѣшняго епископа и мотронинскаго игумена поступковъ, и въ самомъ началѣ по пріѣздѣ моемъ въ Переяславъ усмотря великое множество здѣсь уніатскихъ поповъ, о томъ епископу сказалъ мое удивленіе, но въ отвѣтъ отъ него получилъ слѣдующее: 1) что между положеніями обоихъ церквей не позбранено уніатамъ по надобностямъ приходить къ православному, а православнымъ попамъ къ уніатскому архіереямъ, 2) что по притерпѣніи многими изъ православныхъ поповъ отъ конфедераціи великихъ въ вѣрѣ утесненій и мучительствъ, принуждены оные были иные сдѣлаться уніатами, а иные искали убѣжище у него, и 3) что по вступленіи гайдамакъ въ Польшу, кои, согласясь съ мужиками, мщеніе свое, какъ показываютъ, за прежнія отъ поляковъ мучительства производили столь далеко, что невинные младенцы щадимы не были, обратившіеся въ унію священники не имѣли другова средства къ своему спасенію, какъ только, подражая перво вышедшимъ, искать себѣ защищенія у его-же; а по миновеніи отъ конфедераціи и гайдимаковъ безпокойствъ, большая часть оныхъ обратно отправились. Но игуменъ мотронинской объявляетъ, какъ онъ еще въ прошедшемъ 1767 году, въ маѣ мѣсяцѣ, выѣхалъ изъ монастыря своего, находясь всегда внѣ онаго, не только о обращеніяхъ гайдамаковъ, но и монастырѣ своемъ никакова извѣстія не имѣетъ.

Впрочемъ особливымъ для себя имѣю удовольствіемъ пожелать вашему сіятельству, при семъ случаѣ, въ порученномъ вамъ дѣлѣ благополучныхъ успѣховъ.— *Слѣдуетъ подпись.*

Отправлено 8 сентября изъ Переяслава.

XXIV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу въ Варшавѣ, кн. Н. В. Репнину, съ изъясненіемъ необходимости примиренія украинскихъ пановъ съ возставшими ихъ крестьянами, изложеніемъ взгляда его на переяславскаго епископа Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека по отношенію ихъ къ возстанію и выраженіемъ сочувствія къ Репнину въ его трудномъ относительно этого дѣла положеніи.

23 сентября (1768 г.)

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

При благодареніи за послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ $^{9}/_{20}$ сентября, я новаго ничего изъ здѣшнихъ мѣстъ сообщить вамъ не нахожу, какъ повторить прежнія мои изъясненія, коль нужна благость помѣщиковъ польскихъ къ своимъ взбунтовавшимся крестьянамъ, чтобъ привесть ихъ въ прежнее повиновеніе, къ которому они уже преклоняются, и колеблются однимъ только страхомъ мщенія.

О поступкахъ архіерея переяславскаго я нимало не свѣдомъ, тѣмъ меньше ручаться могу за игумена мотронинскаго, хотя первый всегда мнѣ кажется такимъ черноризцемъ, который въ глубокой своей уже старости *) посвятилъ себя строгому благоговѣнію, и совсемъ не является удобнымъ къ сплетенію той интриги, въ которой его подозрѣваютъ. Многихъ-же къ нему уніатскихъ приходящихъ поповъ я самъ въ Переяславѣ видѣлъ, которые сказуютъ, что прежде въ унію ихъ привело принужденіе тамошнихъ властей, а теперь отъ оныя къ благочестію обращаетъ неминуемая гибель, которою угрожаетъ простой народъ возмутившійся.

Я самъ, кромѣ вашего объявленія, былъ въ томъ увѣренъ, что положеніе дѣлъ вами отправляемыхъ сколь приноситъ для васъ славы, то не меньше плотите вы за то трудами и неумѣренною заботою. Въ обстоятельствахъ сихъ я представляю вамъ, любезнѣйшій мой другъ, что не будетъ такого препятствія и самой невозможности, которую бы вы своимъ талантомъ не въ состояніи были преодолѣть. Я думаю, противъ недоброхотовъ есть много и доброжелателей, которые свои силы соединяютъ вашимъ на возстановленіе благосостоянія общаго.

---

*) Ему было въ это время 84 года.—Ред.

Я обнадежившись вашимъ благосклоннымъ обѣщаніемъ о частыхъ меня увѣдомленіяхъ въ происхожденіи вашихъ дѣлъ, имѣю честь пребывать съ должнымъ почтеніемъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

XXV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ выражаетъ себя въ высказанномъ имъ прежде взглядѣ на украинское возстаніе, какъ не согласномъ съ общими политическими видами имп. Екатерины II и самаго Панина, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія о враждебномъ настроеніи къ намъ Турціи и ея намѣреніяхъ.

27 сентября (1768 г.).

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Если вспоможеніе во всякой вещи дѣлаетъ насъ обязанными, то какъ больше должны мы благодарностію таковымъ людямъ, которые въ дѣлахъ нашихъ руководствуютъ насъ полезными наставленіями. Такъ, милостивый государь, я сталъ долженъ вашему сіятельству непрестаннымъ чувствованіемъ великаго вашего ко мнѣ благоволенія, которое доказуетъ въ письмѣ своемъ отъ 19-го сего мѣсяца, вразумляя меня изображеніями, однимъ—въ видѣ министра, другимъ—въ качествѣ друга. Тутъ ваше сіятельство, въ особѣ государственныхъ дѣлъ правителя, показали мнѣ верховность своего просвѣщенія содѣяніями, относящимися къ наибольшимъ между великими, столько-же и превосходства въ дружеской для меня откровенности, снисходительности и усердія. Я сіи начертанія сохраню какъ поученія мудрости, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что я, онымъ слѣдуя, безпечнымъ останусь отъ всякаго преткновенія.

Посему изъясню я вашему сіятельству, что мои примѣчанія, на которыя мнѣ отвѣтствуете, касательно до религіи и состоянія взволновавшихся польскихъ крестьянъ, были только гадательныя, а не положительныя; смѣшанная тамъ моя идея простиралась токмо по воззрѣнію на обстоятельства наружныя такъ пограничныхъ жителей польскихъ, яко и изъ предосторожности противъ сосѣда другаго, который явно уже обнажается теперь въ своихъ намѣреніяхъ.

Съ курьеромъ, вчера отправленнымъ, наполнилъ я мои къ вамъ депеши, предусматривая по положенію и движеніямъ турец-

кихъ войскъ. Ихъ непремѣнное намѣреніе, вступя въ Польшу, воспятить нашимъ тамъ подвигамъ. Между повелѣніями, долженствующими непосредственно уже ограничить сей случай, я вашему сіятельству найбольше нужнымъ повторить честь имѣю то, что отъ 5-го числа писалъ о приведеніи всѣхъ здѣшнихъ военныхъ силъ подъ единоначаліе. Съ моей стороны, сколько позволяли здѣшніе способы, я предосторожность на неожидаемыя происшествія уже употребилъ и располагать буду; но всякій начальникъ лучше тутъ подѣйствуетъ, когда не могутъ встрѣтиться расположеніямъ его другаго мысли и несогласія.

Я немедленно начну исполнять прибавленныя мнѣ теперь повелѣнія о польскомъ шляхетствѣ и крестьянахъ, и столько-же наблюденіе имѣть и за поступками архіерея переяславскаго, если бы его не воздержало одно уже повелѣніе ваше, которому сообщеніе противное съ уніатскими попами вовсе пресѣкться можетъ, ежели ваше сіятельство изволите согласиться, чтобъ ихъ ни единаго чрезъ границу въ Переяславъ не пропускать, такъ какъ и пришедшихъ назадъ выслать.

Теперь всѣ правила, поелику они въ системѣ толь полезной, коль описаны мнѣ вашимъ сіятельствомъ интересующія намѣренія ея императорскаго величества, я съ благодареніемъ отъ васъ узнавши, всѣ послѣдованія въ сихъ дѣлахъ нужныхъ соглашать оныя стараться буду. Воспоминая то въ честь себѣ, что ваше сіятельство бывши въ томъ мнѣ руководителемъ, ставете вы принимать посему всѣ дѣйствія мои, какъ плодъ вашихъ наставленій, позволяя тѣмъ самимъ непрестанно называться съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію. — *Сльдуетъ подпись.*

XXVI.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева переяславской полковой канцеляріи отпустить пойманныхъ вмѣстѣ съ гайдамаками украинскихъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ съ формальными видами, взявъ съ первыхъ присягу въ покорности, располагая послѣднихъ къ прощенію, и проч.

Сентября 27 го (1768 г.) № 940.

Ордеръ полковой переяславской канцеляріи.

Всѣхъ преданныхъ къ содержанію при оной полковой канцеляріи польскихъ жителей, взятыхъ вмѣстѣ съ гайдамаками по возмущеніямъ, отъ нихъ въ Польшѣ происходившимъ, та канце-

лярія имѣетъ нынѣ освободивъ отправить въ ихъ домы, но со взятіемъ однако-жъ напередъ отъ нихъ присяги, что они, чувствуя сію милость, прямо въ оные возвратятся и будутъ тамъ жить въ тишинѣ и повиновеніи властямъ своимъ; а чтобъ ихъ при семъ отпускѣ охранить отъ истязаній помѣщиковъ, кои-бы иногда и надъ раскаявшимися прежнее возмущеніе мстить захотѣли, то полковая канцелярія, на сей случай, дать имъ имѣетъ урядовое отъ себя письменное препровожденіе къ ихъ помѣщикамъ, склоняя послѣднихъ въ оном къ прощенію въ преступленіи, отъ буйства и слѣпоты происшедшемъ, въ которомъ отпущаемые признательно раскаиваются и дали клятвенныя предъ Богомъ по себѣ обязательства о всякой отселѣ покорности; инакоже, своею мстительностію противиться они будутъ собственному своему интересу, тѣмъ паче, что на отпускъ помянутыхъ сихъ людей не инако, какъ въ сей надеждѣ, приступлено. Къ симъ присоединить и напредъ по моему ордеру присланнаго жителя польскаго мѣстечка Медвѣдовки, Саву Шпаченка, пойманнаго обще съ козакомъ сотни каневской Василіемъ Кущенкомъ, который къ осужденію отосланъ въ судъ генеральный.—*Слѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

РѢЧЬ

„О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ“ МАЛОРОССІИ.

Помѣщаемая рѣчь получена нами отъ А. М. Лазаревскаго, а ему досталась отъ умершаго уже нѣсколько лѣтъ назадъ предводителя дворянства конотопскаго уѣзда П. Гр. Кандыбы († 1868 г.), у котораго хранилась, какъ любопытная рѣдкость, съ такимъ заглавіемъ: «копія древней малороссійской рукописи, написанной въ царствованіе императрицы Елисаветы, при гетманѣ графѣ Разумовскомъ». Копія эта, судя по почерку,—30 или 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и самъ Кандыба не зналъ, кажется, ея происхожденія.

Время оригинала приблизительно опредѣляется заглавіемъ рукописи и ея содержаніемъ; но кѣмъ, гдѣ и по какому именно случаю сказана самая рѣчь, рѣшить трудно. Съ достовѣрностію полагать можно, что она произнесена гдѣ-то въ Черниговщинѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ первые годы гетманства Разумовскаго. Очень вѣроятно, что это призрачное и случайное возстановленіе гетманскаго достоинства и возведеніе въ этотъ санъ бывшаго придворнаго пѣвчаго воодушевило его соотчичей надеждами на возвращеніе старыхъ порядковъ, когда знатной старшинѣ козацкой жилось еще льготнѣе, чѣмъ теперь подъ протекціею и наблюденіемъ россійскихъ правителей, предъ которыми надо было изгибаться и умѣть изворачиваться, чтобы располагать богатыми «маетностями», и они, рѣшившись воспользоваться близостію гетмана къ императрицѣ, собрались гдѣ-то для разсужденій о поправленіи состоянія любезнаго своего отечества — лѣвобережной Украйны, носившей названіе Малороссіи. Ни въ самой рѣчи, ни въ какихъ-либо современныхъ документахъ нѣтъ указаній на официальный характеръ собранія. Самъ ораторъ какъ будто случайно попадаетъ въ собраніе, хотя рѣчь его видимо подготовлена и весьма старательно. Въ ней довольно мѣстнаго патріотическаго зуда, еще болѣе краснорѣчія, но немного истиннаго знанія нуждъ родины и еще менѣе яснаго представленія о способахъ къ поправленію ея состоянія. Не легко человѣку, а тѣмъ болѣе цѣлому народу свыкаться съ новыми порядками, еще менѣе совершенными, и нечего удивляться въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторой ламентаціи и радужнымъ обращеніямъ къ прошлому; но ни самъ ораторъ, ни, по всей вѣ-

ролятности, и его слушатели не могли стать выше своихъ мѣстныхъ и даже сословныхъ воззрѣній. Шляхетская свобода, или льготы высшихъ классовъ, и прикрѣпленіе низшихъ,—таковы идеалы того времени и вмѣстѣ неизвѣстнаго автора. Мы не будемъ касаться частностей рѣчи; скажемъ лишь вообще, что это тѣ-же вожделѣнія, которыя воодушевляли малороссійское дворянство и спустя десятка полтора лѣтъ, при выборѣ депутатовъ въ кончившуюся ничѣмъ Екатерининскую коммисію 1767 г. и составленіи для нихъ наказовъ, но здѣсь картина тогдашнихъ порядковъ общѣе и разсужденія практическаго характера системнѣе, или цѣльнѣе. Во всякомъ случаѣ рѣчь имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе и, какъ памятнику такого рода, мы и даемъ ей мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Въ частности относительно личности автора мы можемъ допустить предположеніе, что это былъ одинъ изъ двухъ выдававшихся ораторовъ того времени: или М. В. Скоропадскій, бывшій генеральный подскарбій, ставшій жертвою интригъ Теплова, или не занимавшій никакого уряду, рьяный патріотъ, Политика. Кто-бы ни былъ впрочемъ авторъ рѣчи, онъ хорошо былъ ознакомленъ съ правилами высшей реторики, какъ даетъ это чувствовать сама рѣчь.

Имѣя счастіе быть участникомъ благороднаго вашего собранія, въ которое вы, какъ мнѣ небезъизвѣстно, сошлись, чтобы разсуждать о поправленіи состоянія любезнаго отечества нашего, въ сомнѣніи нахожусь, лучше ли мнѣ отъ любви и усердія къ отечеству все то говорить, что слабой мой велитъ разсудокъ, или лучше обо всемъ молчать отъ жалости. Предки наши—славный оной народъ россійскій, послѣ несчастливаго разоренія татарами, будучи, какъ по доброму согласію, такъ по большей части завоеваніями, присоединены къ республикѣ польской, не меньше благоразуміемъ, какъ и мужествомъ своимъ дошли до того, что принятъ былъ на всѣ права, вольности и преимущества, которыми еще и нынѣ помянутая республика предъ цѣлымъ свѣтомъ хвалится. Въ семъ благополучномъ состояніи умѣлъ онъ себя содержать до тѣхъ временъ, пока зависть и насиліе не стали искать способовъ, какъ его всего того лишить; но и тутъ сохранялъ онъ себя тѣмъ-же благоразуміемъ и храбростію, защищая иногда себя своими правами и привилегіями, а иногда сила силою отвращая, пока, напослѣдокъ, будучи доведенъ до крайности, свергъ съ себя иго поляковъ и пришелъ въ подданство прежнихъ своихъ государей, всемилостивѣйшихъ россійскихъ монарховъ. Сколь радостно, столь милостиво приняли въ свою протекцію малороссійскій народъ сіи новыя владѣтели и не токмо всѣ

тѣ вольности и права, которыя мы имѣли подъ Польшею подтвердили, но новыми и лучшими насъ наградить и пожаловать обѣщали. Но кто бы подумалъ, что съ самаго того времени, когда мы чрезъ сіе подданство думали сыскать наше благополучіе, наше спокойство и безопасность, началось наше злосчастіе и нарушеніе нашего покоя и благосостоянія? Кому же сіе приписать должно? Не внутреннимъ-ли нашимъ непорядкамъ и замѣшательствамъ, не властолюбію-ль приватныхъ людей? не пренебреженію-ли общаго добра и исканію своего собственнаго? Не злому-ли употребленію законовъ?—Не упоминая о другихъ безчисленныхъ безпорядкахъ, возьмите только въ разсудокъ и здравымъ умомъ разсмотрите исторію предковъ нашихъ и ихъ состояніе снесите съ нынѣшнимъ: гдѣ нынѣ славные оные люди, которые разумомъ и перомъ своимъ защищали вольности отечества нашего и благоразумно онымъ правили? Гдѣ нынѣ славные овые воины, которыхъ трепетали многіе европейскіе и азіатскіе народы, которыхъ дрожали Таврика и Константинополь, которыми въ пепелъ превращены многіе непріятельскіе города, которыми напослѣдокъ потрясена Польша, славное тогда въ свѣтѣ и сильное государство? Я смѣло скажу, что ихъ немного у насъ осталось и, что всего жалостнѣе, перевелися они въ недавнія лѣта, и почти въ памяти отцовъ нашихъ и нашей. Но для меня и словъ не достанетъ, если я захочу пространно изъяснить упадокъ отечества нашего и исчислять всѣ наши несчастія. И такъ, лучше мнѣ обратить рѣчь мою къ вамъ, благородное собраніе, и просить васъ чрезъ любовь отечества, чрезъ собственную вашу и потомковъ вашихъ честь и пользу, соберите всѣ силы ума вашего, подкрѣпите оные патріотическимъ усердіемъ и, отложивъ всѣ пристрастія и партикулярныя пользы, подумайте объ возстановленіи прежнихъ отечества вашего порядковъ и благосостоянія; а если вы мнѣ позволите вольный между вами имѣть голосъ, если прикажете объявить вамъ мое мнѣніе, то я вамъ предложу оное вкратцѣ и такъ, какъ велитъ мнѣ моя честь, совѣсть и польза отечества, которое я люблю больше моей жизни.

Отъ хорошаго учрежденія гражданскихъ и воинскихъ дѣлъ зависитъ все благополучіе государствъ. Гражданскіе у насъ дѣла совсѣмъ не на такомъ основаніи, какимъ оныя были во время бытности нашей подъ республикою польской и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, гродскіе, подкоморскіе и протчіе. Къ содержанію правосудія и

порядка учрежденные мѣста и чины, былъ надъ оными трибуналъ, были у насъ сеймы или генеральные рады, на которыхъ мы всѣ общіе и важнѣйшіе наши дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло отъ того, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возросла и почти все себѣ присвоила воинская сила. И такъ надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которыя управляютъ гражданскими дѣлами на всемъ такомъ основаніи, какъ повелѣваютъ права наши, въ подтвержденіе которыхъ имѣемъ мы привилегію блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе о учрежденіи подкоморыхъ, которое намъ вѣрнымъ служитъ залогомъ, что Ея Императорское Величество и протчіе нужные къ управленію гражданскіе чины учредить укажетъ. Направленіе гражданское тогда хорошо, когда хороши законы. Мы такіе имѣемъ законы, которые только наилучшія имѣть можетъ вольный и благородный въ свѣтѣ народъ; но первое несчастіе наше состоитъ въ томъ, что имѣемъ оныя на чужестранномъ языкѣ и что не имѣемъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ; они состоятъ не въ одной книгѣ Статута, какъ, можетъ быть, многіе думаютъ, но во многихъ книгахъ конституцій или установленій сеймовыхъ, на которыхъ законодателями были и предки наши и въ которыхъ больше заключаются наши привилегіи, преимущества и вольности, нежели въ Статутѣ, а сверхъ того въ помощь вышеупомянутыхъ правъ употребляемъ мы, по древнему обыкновенію, саксонское и холмское право. Подумайте-же, въ такомъ великомъ числѣ книгъ и законовъ, не можно-ли запутаться и самымъ искуснымъ и ученымъ людямъ, не можно-ли сыскать противустоящихъ и двоякій видъ имѣющихъ установленій, а сіе къ какой обидѣ и разоренію общества служитъ, вы сами довольно знаете. Другое наше несчастіе состоитъ въ томъ, что имѣемъ мы весьма мало людей, знавшихъ точный разумъ, силу и употребленіе нашихъ законовъ. Да и почему намъ знать то можно, когда мы не учимся и учиться гдѣ не имѣемъ законодательству наукъ. Итакъ я бы думалъ, что все благополучіе отъ того зависитъ, чтобъ мы всѣ наши права и привилегіи имѣли въ одной книгѣ, чтобъ законы наши были исправно переведены на нашъ языкъ, расположены порядочно и на всякій случай ясныя и точныя

имѣли положенія. На сіе можно намъ употребить разумныхъ и прямо законы знающихъ людей. Но не думайте, чтобы чрезъ сіе хотѣлъ я какого-либо нашихъ правъ нарушенія или отмѣны,— нѣтъ, я хочу порядка; мы ихъ всѣхъ можемъ имѣть въ своей силѣ и точности, только лучше и порядочнѣе, нежели нынѣ, а если захочемъ въ нихъ сдѣлать какую отмѣну по нынѣшнимъ временамъ, нравамъ и обстоятельствамъ нашимъ, слѣдуя въ томъ примѣру просвѣщенныхъ народовъ, то и то будетъ зависить отъ нашего соизволенія и отъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи. Я знаю, что законы для людей, а не люди для законовъ дѣлаются, и сего довольно о дѣлахъ гражданскихъ.

Воинство наше, то есть козаки, которыми мы въ прежніе времена толь великую пріобрѣли славу, имѣло особливые свои вольности, выгоды и пользы, а сверхъ того, хотя небольшое, получало жалованье, нынѣ не токмо того не имѣетъ, но, служа изъ своего собственнаго имѣнія, должно сверхъ того питать нѣсколько регулярныхъ полковъ, что въ такое привело истощеніе, что смѣло можно сказать, что нѣтъ десятой доли, которые во всей исправности могли-бы на службу выйти, а отъ сего презрѣніе имѣютъ отъ другихъ воинскихъ людей и уже за негодныхъ къ войнѣ и къ храбрымъ поступкамъ почитаются тѣ люди, которые недавно были сильны, храбры и страшны. Чѣмъ же имъ помочь должно? Надлежитъ прежде охранить ихъ имѣніе отъ всякихъ нападковъ и разореній, возобновить ихъ вольность, просить, чтобы сложены были съ нихъ подати, положить извѣстное небольшое число козаковъ и дать имъ хотя малое жалованье, а остальныхъ козаковъ въ подмогу, и раздѣлить ихъ такъ, чтобы зажиточнѣйшіе служили конную, а убогіе пѣшую службу, какъ-то было при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и прочихъ его пріемникахъ. Симъ способомъ, кажется мнѣ, можете привесть ихъ въ прежнее состояніе и возобновить древнюю ихъ храбрость и славу.

Имѣнія и земли наши, которыя по правамъ и привилегіямъ нашимъ ни въ чію, кромѣ въ собственную нашу, пользу служить не должны, отошли отъ насъ то къ слободскимъ полкамъ и подъ линію, то отданы иностранцамъ и нашедникамъ, а раскольщики сами собою на земляхъ нашихъ поселившись, думаютъ, что то ихъ наслѣдіе. Не должно-ли намъ о семъ, упавъ предъ престоломъ монаршимъ, просить помилованія и возвращенія всѣхъ оныхъ имѣній и земель? Сіе-жъ самое должно разумѣть и о награжденіи деревнями и чинами иностранцевъ. Всѣ государства подкрѣпляются, по-

лучаютъ богатство и приращеніе свое чрезъ коммерцію. Кто-жъ съ жалостію не видитъ, что какъ преизобильно Богъ благословилъ Малую Россію всякими нужными къ содержанію человѣческому произращеніями и вещми, такъ въ пребѣдномъ состояніи находится ея комерція? А сіе отъ чего произошло?—Отъ запрещенія свободного вывозу нашихъ продуктовъ, отъ положенія чрезвычайныхъ противу прежняго пошлинъ, отъ презрѣнія тѣхъ людей и ихъ привилегій, которые коммерцію отправляютъ. Кому-жъ все сіе поправлять, какъ не вамъ, благородное собраніе?

Духовный чинъ нашъ также многія потерялъ свои права и преимущества. Естьли мы хочемъ, чтобы всякій чинъ въ Малой Россіи при своихъ правахъ сохраненъ былъ, то должно намъ вступиться и за чинъ духовный и просить о сохраненіи ихъ при прежнихъ ихъ привилегіяхъ, а они напротивъ того должны намъ помогать своими имѣніями въ полезныхъ отечества нашего учрежденіяхъ.

Но сколь много всѣ малороссійскаго народа чины потеряли своихъ вольностей! Отъ чего мужики наши пріобрѣли самоволія? Они свободно изъ мѣста на мѣсто бродятъ, они безъвозбранно вписываются въ козаки, они бѣжатъ въ Польшу, выходятъ на великороссійскія земли, а отъ сего у насъ умаляется земледѣліе, неисправно плотятся общенародныя подати, и протчіе безчисленные происходятъ непорядки, а помѣщики между тѣмъ отъ часу въ большую приходятъ бѣдность и разореніе. Я думаю, что и безъ моего увѣщанія согласитесь, чтобы просить о запрещеніи имъ свободного перехода.

Не должно-же позабыть и о претерпѣнныхъ убыткахъ во время турецкой войны и просить милостиваго за оные награжденія.

Ученіе какъ къ просвѣщенію разума, такъ и къ содержанію всякихъ добрыхъ порядковъ въ государствахъ больше всего способствуетъ; найлучшіе государи, полководцы, градоначальники были философы; надлежитъ намъ стараться и о распространеніи наукъ въ нашемъ отечествѣ, а распространить ихъ не можемъ, не учредивъ хорошихъ училищъ и не давъ должного на оныя содержанія.

Я бъ еще и больше хотѣлъ предлагать вамъ о нуждахъ отечества нашего, но опасаюсь, чтобы не наскучить и не вывесть васъ изъ терпѣнія. На ваше благоразуміе, на ваше усердіе надѣюсь, что мои недостаточныя предложенія исправите и свои благоразумнѣйшія прибавите, и во исполненіе приведете; словомъ

сказать: не упустите ничего того, что только къ сохраненію правъ, привилегій, преимуществъ и вольностей вашихъ служить. При премудрой, милостивой, просвѣщенной и великодушной монархинѣ, которую мы нынѣ имѣемъ, нѣтъ никакого невозможнаго дѣла, котораго-бы мы испросить не могли, если только справедливо просить будемъ, ибо ни о чемъ она больше не мыслитъ, ни къ чему больше не устремляетъ своего монаршего сердца, какъ къ явнолюбію, къ правосудію и къ благосостоянію своихъ подданныхъ. Итакъ намъ, благородное собраніе, ничего больше не остается, какъ, собравъ всѣ нужды и просьбы наши, просить ясневельможного нашего графа гетмана, чтобы онъ присовокупилъ свое усердіе къ нашему и сильнымъ своимъ у ея императорскаго величества предстательствомъ исходатайствовалъ намъ милость и помощь; на его благоразуміе, на его великодушіе, на его усердіе къ отечеству должно намъ несомнѣнную положить надежду, что онъ, презирая всякіи труды и собственную пользу, приложитъ найревностнѣйшее стараніе о приведеніи въ прежнее состояніе бѣдствующее, презрѣнное и всякой помощи лишенное отечество наше, и тѣмъ, вмѣстѣ съ нами, получитъ сіяніе и славу предковъ нашихъ, а у потомковъ заслужитъ благодарность. Только я чѣмъ началъ, тѣмъ и кончу, что въ общемъ благѣ должно отложено быть всякое пристрастіе и собственная польза.

Два документа о состояніи малороссійскаго козачества въ половинѣ XVIII ст.

Въ помѣщенной предъ симъ рѣчи неизвѣстный авторъ, изображая печальное положеніе Малороссіи ко всѣмъ сторонамъ ея жизни въ половинѣ прошлаго столѣтія, сѣтуетъ, между прочимъ, и на упадокъ козачества, не опредѣляя однако частными чертами этого упадка, но указывая лишь на тяжесть его службы и экономическаго положенія. Приводимые документы представляютъ официальное свидѣтельство объ этомъ упадкѣ, съ точки зрѣнія военной, идущее съ другой стороны и относящееся къ тому-же почти времени. Это два предложенія малороссійской коллегіи тогдашняго правителя Малороссіи, или лѣвобережной Украйны, и главнаго начальника малороссійскихъ козаковъ и Коша запорожскаго, гр. П. А. Румянцева. Его, не знакомаго съ исторіею и порядками страны, равно особенностями козачей службы, воспитаннаго на началахъ особой дисциплины и привыкшаго командовать регулярными войсками, поражаетъ—въ одномъ случаѣ полное отсутствіе воинскаго строя и знанія военныхъ артикуловъ въ нестроевыхъ ротахъ, видимо уже до него переформированныхъ и назначенныхъ для карауловъ при малороссійской коллегіи и ея подраздѣленіяхъ, въ другомъ—отказъ козаковъ сипявской сотни черниговскаго полка подчиниться объявленному теперь набору способнѣйшихъ изъ козачьихъ семействъ на постоянную воинскую службу. Вполнѣ убѣжденный въ вѣрности своихъ воззрѣній, основанныхъ на привычныхъ ему порядкахъ, Румянцевъ, не углубляясь далеко, твердо настаиваетъ на безусловномъ ихъ примѣненіи, а непокорныхъ подвергаетъ строгому наказанію, употребляя въ дѣло даже классическое мѣстное наказаніе «кіями».

Въ обоихъ случаяхъ, на которые указываютъ помѣщаемые документы, мы видимъ борьбу новыхъ порядковъ съ старыми, общерусскихъ, заведенныхъ Петромъ I и усиленныхъ послѣ семилѣтней войны, въ которой, какъ извѣстно, принималъ Румянцевъ и личное участіе, и мѣстными малороссійскими, унаслѣдованными отъ временъ давнихъ. Тутъ однако происходитъ тоже любопытное *qui pro quo*, какое мы видѣли въ отношеніяхъ Румянцева къ Западной Украйнѣ, при началѣ въ ней

возстанія 1768 г. Румянцевъ усматриваетъ и строго преслѣдуетъ въ козакахъ упадокъ военнаго строя и дисциплины и уклоненіе отъ воинской службы. То и другое явленіе мы дѣйствительно видимъ въ тогдашнемъ козачествѣ, но они были послѣдствіемъ причинъ и условій, которыхъ не въ силахъ было ни измѣнить, ни преодолѣть само козачество, но которыя, при тщательномъ изученіи особенностей страны и ея исторіи, могъ-бы примѣтить и устранить всесильный ея правитель. Кто болѣе козаковъ любилъ жизнь и славу военную, кто болѣе ихъ славился воинственнымъ духомъ и самымъ строгимъ строемъ и подчиненностію, но не какъ послѣдствіемъ изученія «пунктиковъ» военнаго устава, а какъ отраженіемъ высшаго, объединявшаго ихъ духа и привычки всей жизни, посвященной военному дѣлу? Въ строгости военнаго строя и порядка, не говоря о храбрости, не отказывали имъ и самые враги ихъ—поляки во время страшныхъ козацкихъ войнъ. Вся исторія малороссійскаго народа свидѣтельствовала, что это былъ одинъ изъ самыхъ воинственныхъ народовъ. Козачество было идеаломъ жизни, козакъ—народнымъ героемъ; выше долга военнаго, цѣлей войны, самой войны не было для него ничего, для нихъ онъ жертвовалъ, какъ показываетъ весь циклъ народныхъ пѣсень, всѣми своими привязанностями и самыми возвышенными чувствами — отца, сына, мужа, жениха. Но—война родитъ и держитъ духъ воинственный, какъ любовь къ родинѣ, охрана ея цѣлости, защита ея отъ опасностей извнѣ влекутъ къ войнѣ. Ближайшее служеніе интересамъ отчизны, особливо, когда они становятся личными всѣхъ и каждаго интересами, какъ было прежде въ непрерывной борьбѣ съ угнетеніями отъ поляковъ и нападеніями татаръ, вызывало неудержимое влеченіе къ войнѣ и создавало идеалъ народнаго защитника въ лицѣ козака. Съ другой стороны постоянная походная жизнь отъ дней юности до заката ихъ, войны, сраженія и стычки, какъ явленія обыденной жизни, лучше всякихъ артикуловъ учили козака строю и порядку военно-походной жизни, закаляя его духъ и тѣло, развивая въ немъ самодѣятельность, придавая ему выносливость, выправку и видъ военный. Понятно, что когда война была насущною, такъ сказать, потребностію народной жизни, ясно всѣми сознаваемою и чувствуемою, не мыслима была какая либо обязательность воинской службы и не нужно было къ ней привлекать или обязывать какимъ-бы то ни было способомъ; каждая община, каждая семья знала, кому идти на войну и никогда сабля козачья не лежала заржавленною. Въ эпоху козацкихъ войнъ мы видимъ всенародное въ нихъ участіе и за тѣмъ поголовное стремленіе записаться въ «регистровые» и особыя усилія правительства ограничить ихъ число. Званіе козака давало извѣстныя права, въ томъ числѣ и право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли, но за тѣмъ и служба козачая была службою за землю, и тутъ-то соглашались интересы службы съ нуждами веденія хозяйства, поддержанія семьи. Кромѣ обстоятельствъ чрезвычайныхъ, несъ службу одинъ изъ семьи,—болѣе способный, охочій или свободный, кто вызывался самъ, или кого избирала семья и много-много ближайшая община (деревня или сотня).

Но уже давно измѣнились многія условія жизни и службы козачей. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ раздвинулись предѣлы отечества и козачество, удерживаемое еще на особыхъ правахъ и несліоченное съ прочими частями государства, не могло разширить своего патріотическаго кругозора и на мѣсто прежнихъ, уходившихъ въ область прошлаго, задачъ и идеаловъ жизни создать новые. Наступившіе новые порядки не давали ему никакой опредѣленной, жизненной почвы; они давно оторвали его отъ родной его стихіи и храбрыхъ «рыцарей» по природному влеченію превратили въ солдатъ по обязательству и, что еще хуже, въ простыхъ караульныхъ и землекоповъ. Отъ времени полтавской битвы козаки почти уже не видѣли поля сраженія и обречены были на тяжкую и унизительную работу рытья каналовъ, насыпки валовъ и устройства ретраншаментовъ, щанцевъ и другихъ укрѣпленій на сѣверѣ, югѣ и отдаленномъ востокѣ. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы они тысячами и десятками тысячъ не были отправляемы на эти работы въ то или другое мѣсто. Сѣверныя тундры, берега Ладоги и Онеги, устья Невы были въ особенности для нихъ губительны и едва десятый процентъ ихъ возвращался домой. Гдѣ тутъ было удержаться духу воинственному, гдѣ навыкнуть воинскому строю и порядку? Съ другой стороны и жизнь дома, на мѣстѣ, становилась годъ отъ году тяжелѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I-й началъ ставить на высшіе уряды по своей волѣ, а не по исконному въ козачествѣ выбору, притомъ чужеземцевъ, а не рѣдко и проходимцевъ, и отдавать имъ полки козачіе въ награду неизвѣстныхъ козачеству заслугъ, старшина козачая стала смотрѣть на уряды, какъ на средство къ наживѣ, и обнаруживать въ своемъ управленіи тотъ-же деспотизмъ, какой сама несла. Теперь держались на урядахъ не доблестями военными, для которыхъ не было уже и мѣста, не заботливостію о своихъ подчиненныхъ, но исканіемъ протекцій, прислуживаніемъ сильнымъ и близкимъ къ двору лицамъ, на козаковъ-же смотрѣли съ пренебреженіемъ, обращая ихъ на свои послуги и оттягивая всѣми неправдами ихъ земли и угодья. Среди такой безладицы, среди всеобщей почти погони за наживою и нераздучныхъ съ нею интригъ, искательства и тяжбъ какъ не упасть было духу и строю воинскому и самой охотѣ къ воинской службѣ? Козаки дѣйствительно отвиливали и уклонялись отъ нея, переходили въ городъ, занимались промыслами, торговали водкой. Но преданія о лучшихъ временахъ, болѣе льготной и болѣе манившей къ себѣ службѣ еще живы были въ народѣ, а обычай свободнаго вступленія въ службу и замѣны въ оной одного члена семьи другимъ и, при отсутствіи членовъ способныхъ, даже наемщикомъ, былъ еще въ полной силѣ, хотя легко допустить, что въ виду тягости и непривлекательности козачей службы, козачьи семьи отдавали ей то, что для нихъ самихъ наименѣе было пригодно. Эти традиціи ясно сказались въ обоихъ протестахъ, съ которыми встрѣтился теперь Румянцевъ, но онъ не захотѣлъ понять ихъ и согласить нужды народа съ требованіями военнаго искусства и распорядился съ необученными и непокорными по своему,—какъ распорядился, читатель усмотритъ изъ самыхъ документовъ.

I.

Малороссійской коллегіи.

Я отъ времени въ другое, къ немалому предосужденію службы, видеть и терпеть принужденъ находящихся при малороссійской коллегіи солдацкихъ ротъ многія неустройства и безпорятки, что хотя оне имя регулярнихъ на себе носятъ ратей ея императорскаго величества, денежное жалованье получаютъ, вовсе жъ и вида того не имѣютъ, но самого подлого и ничто вѣдущаго крестьянина. Въ доказательство жъ служитъ, что предъ недавнимъ временемъ бывшіе при коллегіи на карауле отданнихъ имъ подъ караулъ полку его величества, короля полскаго, трехъ человекъ беглыхъ драгунъ изъ самои караулни, и всехъ въ одно время, упустили и чрезъ то для всей арміи безславие нанесли, въ разсужденіи, что въ Полше о арестантахъ сихъ, яко они отдани были подъ караулъ, никакова военнова порятка не знаетъ, сведения не имеетъ; наконецъ-же сперва три изъ сихъ солдатъ, а вчерашнего числа болшая часть первой роты техъ солдатъ, ушедши зъ домовъ, безъ позволенія у меня, явясь, хотели спрашивать, какую оне службу впредь исправлять будутъ, объявляя, что оне въ регулярной вовсе быть не хотятъ, а желаютъ такъ, какъ ихъ дѣды служили волно, однакожъ ни одинъ изъ нихъ подлинно не знаетъ, какая въ то время служба была, но въ коллегіи малороссійской не безъизвѣстно, что и предки ихъ никогда козацкой службы не отправляли и ниже въ походахъ где и когда бывали, но единственно для карауловъ при бывшей здѣсь генеральной канцеляріи гетмановъ и на уряде техъ генераловъ, и содержани были на самомъ маломъ жалованье, и служили пешие, а сіи, имея жалованье болшое, мундиръ и аммуницію изъ казны ея императорскаго величества, и большою частию люди охочіе, однако-жъ, какъ выше сказано, службы исправлять не хотятъ, а для того даннымъ отъ меня господину брегадиру и оной коллегіи члену, князю Мещерскому ордеромъ велѣно объявленние обе солдацкие роты разобрать и тѣхъ, а особо кои мне свое не желаніе служить объявили и за то отъ меня подъ караулъ отдани, и изъ нихъ, нашедъ зачинщиковъ, нещадно при собраніи протчихъ винних оныхъ солдатовъ, плетьми высѣчь и отдать въ здешней острогъ на годъ для употребленія на всякіи случающіися по городу работы, а протчимъ въ томъ-же участникамъ по тому жъ учиня плетьми наказаніе и отобравъ всѣ вещи, изъ солдацкого званія исключить и отпустить въ домъ ихъ безъ всѣхъ видовъ, а

оберъ и ундеръ-офицеровъ приличившихся въ томъ же или попустившихъ на то, какъ незнающихъ никакова военнова порятка, въ разсужденіи что еслибъ они были свѣдущи, то конечно и подчиненіи ихъ до такой подлости и дерзновеній неслыханныхъ доведени и допущени не были, отъ службы и должности отрѣшить, а за тѣмъ изъ оставшихъ, по усмотрѣнію сво господина брегадира къ службѣ способнихъ офицеровъ и редовихъ сочинить одну роту въ числѣ полевого мушкетерского полку роты и именовать ее фузелерною, при коллегіи опредѣленною, ротою и расположить здѣсь, въ Глуховѣ, по квартирамъ, такъ чтобъ дѣлили на четыре смѣны для содержанія карауловъ при коллегіи, архивѣ, генеральномъ судѣ, скарбовой и щетной коммисіямъ, повсюды доставало ежедневно и обще съ разводомъ, а въ прочіи мѣста отнюдь никуда, въ разсужденіи, что по аппробованнымъ отъ ея императорскаго величества штатамъ коллегій и канцелярій членамъ, кои не при воинской командѣ дѣйствительно служатъ, караулу давать не опредѣлено, престарѣлыхъ-же, слабыхъ и желающихъ въ отставку отпустить въ домы ихъ съ пашпортами и свидетелствомъ, что они служили добропорядочно, всѣ мундирные-жъ, аммуничные и оружейные вещи потомужъ пересмотрѣть и самые лутчие при ротѣ на людей, а за тѣмъ излишніе и негодные въ цейхгаузъ отдать, о чемъ малороссійская коллегія имѣетъ вѣдать.

Генералъ Румянцевъ.

5 декабря 1765 г.
Глуховъ.

II.

Малороссійской коллегіи.

Полковникъ чернѣговскій Милорадовичъ представляетъ мнѣ, по репорту въ полковую канцелярію отъ асаула полкового Ивана Сахновского, который опредѣленъ, въ силу указа малороссійской коллегіи, выбрать въ томъ полку навсегда къ войсковой службѣ козаковъ, что когда онъ, окончивши въ прочихъ сотняхъ чернѣговского полку подлежащій выборъ, прибылъ для того-же въ сотню синявскую; то многіе тоея сотни козаки, отъ неистовства въ пьянствѣ будучи, повелѣнія таковаго о службѣ, чрезъ показаннаго полкового старшину имъ объявленнаго, не приняли, и подписки отъ себя не дали, которою, по инструкціи сему старшинѣ отъ полковой чернѣговской канцеляріи данной, велѣно ихъ обя-

зывать, чтобъ выбранные изъ нихъ къ службѣ завсегда-бы сами, не перемѣнялись другими, служили, а братья-бы и свойственники вспомогали ихъ въ хозяйствѣ. При семъ случаѣ нельзя похвалить и того, что полковая канцелярія отъ себя прибавила, дабы сихъ выбранныхъ козаковъ еще обовязывать подписками, что должно имъ такъ служить, какъ они выбраны. Подписками обовязывать нужда бываетъ иногда въ земскихъ дѣлахъ, или по изданнымъ въ народъ о чемъ либо публикаціямъ, въ достовѣріе, что оные къ исполненію всѣмъ объявлены; но такимъ образомъ поступать и въ дѣлахъ военныхъ вовсе несходно съ военнымъ обрядомъ, гдѣ взыскуется то найпаче, чтобъ начальника всякое повелительное слово всѣ подчиненные ставили себѣ за ненарушимой долгъ исполнять, кромѣ другихъ обязательствъ. Безъ такого послушанія ослабѣли регулы военныя, произведшія столько найвящшихъ успѣховъ строгимъ соблюденіемъ повелѣній начильства, по неотложному повиновенію тому подвластныхъ. Всякому однакожъ невѣждѣ все то нововводимымъ кажется, чего онъ не знаетъ или по крайней мѣрѣ вѣдать не хочетъ. Порядокъ лучшій, изъстари уставленный и возобновляемой токмо въ нынѣшнемъ переборѣ къ службѣ козаковъ, такимъ образомъ пріемлютъ означенной синявской сотни козаки, по буйству и невѣденію о собственномъ состояніи, за новое введеніе; яко во всѣхъ статьяхъ гетманскихъ, начавъ отъ времени гетмана Хмелницкого, число козаковъ особливо для службы назначено было именемъ реестровыхъ, какъ по статьи—Богдана 2-й, Юрія 6-й Хмелницкихъ положено быть 60,000, о сихъ реестровыхъ козакахъ во 2-й упоминаетъ Бруховецкій, Многогрѣшного въ 4-й назначено 30,000, а Самойловича въ 16-й 20,000, Мазепы въ 3-й 30,000, а напослѣдокъ, по имянному блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоановны (17)35 году, указу учреждено въ Малой Россіи 20,000 выборныхъ козаковъ, оставшіясь же опредѣлены къ вспомоществованію симъ. Сіи реестровые или выборные козаки, какъ по статьямъ значитъ, долженствовали быть всегда на службѣ. Прибавлено въ статьяхъ Самойловича и Мазепы, чтобъ въ недостаткѣ въ полкахъ назначенного числа козаковъ, записывать въ реестровое число оныхъ изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей токмо, а изъ мужиковъ запрещено, чемъ доказывается, что одни только персоны, а не цѣлые домы служили. Такъ и нынѣ, на основаніи сихъ установленій, повелѣно выбрать изъ способнѣйшихъ къ службѣ между козаками, которые-бы разумѣя должность

на себѣ лежащую, навыкнули прямому оныя употребленію, инакоже естьли по дворамъ наряжать къ службѣ, не выбравъ въ тому одного, то чемъ можетъ вся семья отговориться, чтобъ не быть всѣмъ вдругъ высланнымъ по нарядамъ, поелику они козачьего званія, и кого напротивъ изъ такого дому выслать останется, который-бы выборной статьи былъ, но въ немъ жила-бъ вдова или малолѣтныя дѣти? Однако-жъ не разсуждая на сіе, внесены въ ревизію въ число выборныхъ козаковъ овдовѣлые и престарѣлые жены; по дѣйствію корыстолюбія иногда начальниковъ, и что записавшій свой домъ въ статью выборную, и сложивши чрезъ то всѣ должности съ себя на подпомощниковъ, освобождается во все время отъ всякихъ дачъ, не отправляя при томъ и той службы, для которой выбранъ. Всякъ представить себѣ можетъ, воображая сіи основанія и еще другіе, здѣсь не упоминаемые, что оные потребили въ козакахъ видъ военнаго человѣка, такъ, что не остается надѣяться увидѣть ихъ когда либо лучшими, ежели не взять мѣръ могущихъ поправить настоящія непорядки. Къ чему инако нельзя приступить, какъ первіе чрезъ выборъ способныхъ козаковъ къ службѣ, которые-бы не могли уже примѣромъ нынѣшнимъ смѣняемы быть другими своими домашними или наймитами, которые по невинности часто терпятъ то, что должно несть-бы ихъ поставившему. Посему малороссійская коллегія дать указъ имѣетъ тотъ часъ полковнику чернѣговскому Милорадовичу, чтобъ онъ, съѣхавъ самъ въ сотню синявскую, всѣхъ показанныхъ, по репорту асаула Сахновскаго взятыхъ и не забранныхъ еще подъ караулъ козаковъ, дерзнувшихъ, какъ выше значитъ, показать непослушаніе командѣ, которые изъ нихъ отъ пьянства и безумія то учинили, тѣхъ при собраніи всея сотни высѣчь жестоко, и велѣть, естли способны, быть имъ выборными козаками такъ, какъ написаны Сахновскимъ, а которые отъ упорства и дерзости показали таково непослушаніе, тѣхъ высѣчь кіями, и яко огуряющихся и нехотящихъ служить, по силѣ 2 статьи гетмана Бруховецкого (гдѣ установлено: „которыи-бы козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить огурялся, тогда таковъ отъ поставленныхъ статтей отпадать и къ градскимъ должностямъ причтенъ быть имѣетъ“), написать въ мужики подъ вѣдомство скарбовой малороссійской канцеляріи, и дабы козаковъ, при случаѣ повелѣній чинимыхъ имъ о службѣ, не обязывали въ исполненіи подписками, а приказывали имъ только, что дѣлать, какъ они должны и безъ того командирамъ во всемъ быть по-

слушными, равно-же и о томъ, что и съ протчими въ подобныхъ ослушаніяхъ командѣ поступлено непремѣнно будетъ, дать указы всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ чрезъ сотня о томъ къ знанію всѣмъ козакамъ опубликовано.

Генералъ Румянцевъ.

Апрѣля 11 дня 1763 года
въ Глуховѣ.

Библіографія.

Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.

Задача, исполнить которую предпринялъ г. Мордовцевъ, написать бытовую и историческую повѣсть изъ жизни козачества начала XVII столѣтія, составляетъ, какъ полагаемъ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ для беллетриста. Не смотря на усиленную въ послѣднее время разработку историческаго матеріала, бытовая сторона жизни козачества въ ту отдаленную эпоху его существованія едва установлена въ главныхъ чертахъ и далеко не разработана въ частностяхъ; весь понынѣ обнародованный матеріалъ не только не даетъ возможности раскрыть всѣ подробности, необходимыя для цѣльной бытовой картины, но оставляетъ неяснымъ, въ полумракѣ, многія весьма крупныя и существенныя черты. Сама личность Петра Конашевича Сагайдачнаго, около которой группируется разсказъ повѣсти, представляется намъ неяснымъ силуэтомъ, главные контуры котораго мы едва можемъ установить по дошедшимъ до насъ историческимъ свѣдѣніямъ; подробности біографіи этаго знаменитаго козацкаго гетмана, весьма справедливо привлекшаго вниманіе даровитаго беллетриста, остаются пока неизвѣстными. Всѣ эти трудности не устрашили г. Мордовцева и онъ выполнилъ свою задачу съ большимъ талантомъ, хотя, за скудостью историческаго матеріала, былъ поставленъ весьма часто въ необходимость брать краски для своихъ картинъ изъ народныхъ думъ и преданій, или, еще чаще, восполнять пробѣлы довольно смѣлыми гипотезами, или усиліями личнаго творчества. Намъ приходится особенно сѣтовать, читая повѣсть г. Мордовцева, на недостатокъ историческаго матеріала, такъ какъ тѣ страницы повѣсти,

составляя которыя авторъ стоялъ на прочной исторической почвѣ, поражаютъ насъ живостью, свѣжестью колорита, драматизмомъ и истинно художественнымъ изображеніемъ. Таковыми кажутся намъ эпизоды, заключающіе описаніе пороговъ и переправы вдоль нихъ козацкихъ чаекъ, описаніе морского козацкаго похода и бури на Черномъ морѣ, описаніе выбора кошевого и особенно описаніе невольничьяго рынка въ Кафѣ и взятія этого города козаками. Авторъ въ описаніяхъ этихъ весьма удачно воспользовался историческими данными и сухія свѣдѣнія лѣтописей и документовъ превратилъ въ исполненныя жизни и художественно пересказанныя картины. Но, къ несчастью, авторъ не нашелъ для всѣхъ изображаемыхъ имъ эпизодовъ подлиннаго историческаго матеріала и долженъ былъ пробѣгнуть къ другимъ источникамъ; съ этою цѣлью г. Мордовцевъ выбралъ нѣсколько народныхъ эпическихъ произведеній, болѣе обильныхъ фактическими подробностями и развилъ на ихъ основаніи бытовыя картины. Мы находимъ такимъ образомъ въ книгѣ г. Мордовцева главы, сюжетами которыхъ служатъ думы: о Ганжѣ Андыберѣ, Самуйлѣ Кошкѣ, Алексѣѣ Поповичѣ и Федорѣ Безродномъ. Пріемъ этотъ, по нашему мнѣнію, весьма удаченъ и сообщаетъ повѣсти колоритъ народнаго современнаго взгляда и народнаго міросозерцанія; полагаемъ только, что думою о Ганжѣ Андыберѣ авторъ воспользовался для своей цѣли не вполнѣ умѣстно и совершенно напрасно отождествилъ Ганжу Андыбера съ Сагайдачнымъ, а „Настю Горовую“ съ женою этого гетмана. Главный мотивъ думы о Ганжѣ Андыберѣ—это борьба бездомной и безземельной козацкой „голоты“, опиравшейся на поддержку Запорожья, съ козацкою старшиною, „дуками“, захватившими въ собственность всѣ „займанщины, луки и луги“, стремившимися къ образованію козацкой аристократіи, своего рода шляхетства, и смотрѣвшими съ гордостью и пренебреженіемъ на „голоту“. Явленія эти имѣли мѣсто только во второй половинѣ XVII столѣтія, послѣ переворота, совершившагося при Богданѣ Хмельницкомъ, когда изъ среды козачества выдѣляется дѣйствительно кружекъ старшины, захватившей поземельную собственность и стремившейся къ образованію привилегированнаго сословія. Перенесеніе этихъ общественныхъ отношеній въ первую четверть XVII столѣтія намъ кажется анахронизмомъ, не столько важнымъ въ хронологическомъ отношеніи, сколько нарушающимъ правду исторической бытовой картины; козацкіе „дуки“, всплывшіе при Самойловичѣ и Мазепѣ, не существовали во время Сагайдачнаго,

когда все козацкое сословіе представляло лишь преслѣдуемую и гонимую „чернь“, спасавшуюся бѣгствомъ на Запорожье; выборная старшина козацкая не могла тогда еще помышлять о захватѣ территоріальной собственности, а напрягала всѣ силы въ борьбѣ съ общимъ врагомъ всего козачества—„дуками“ польскими.

Впрочемъ указанный анахронизмъ, къ сожалѣнію, далеко не единственный въ сочиненіи г. Мордовцева. Конечно, отъ исторической повѣсти мы не вправѣ требовать такой точности, какая требуется отъ строго историческаго изслѣдованія; несомнѣнно беллетристъ имѣетъ право въ значительной степени жертвовать требованіямъ художественнаго творчества мелочами строгой исторической дѣйствительности; онъ можетъ не стѣсняться до извѣстной степени хронологическими данными, можетъ разсказывать сцены и событія не констатированныя исторіею, но возможныя въ данное время и при данной обстановкѣ, можетъ восполнять и изображать въ законченныхъ образахъ едва начертанные исторіею характеры историческихъ дѣятелей и представителей народныхъ типовъ и т. д. Но эта licentia poetica не безгранична и подлежитъ въ свою очередь извѣстнымъ требованіямъ критики, конечно болѣе широкимъ, чѣмъ требованія, предъявляемыя историческому изслѣдованію. Мы полагаемъ, что отступленія отъ строгой исторической истины не должны въ исторической повѣсти допускаться безъ причины, тамъ, гдѣ условія художественнаго творчества этого не требуютъ, что отступленія эти не должны превышать предѣловъ возможнаго въ данной мѣстности и въ данное время, т. е. что разсказъ исторической повѣсти, не имѣетъ права вводить обстоятельства, не принадлежащія описываемой мѣстности и средѣ и описываемой эпохѣ. Не соблюдая этихъ требованій, историческая повѣсть перестаетъ быть историческою, переходитъ въ область фантазіи и, сверхъ того, привлекая читателей художественностью своей формы, способствуетъ установленію въ публикѣ превратныхъ представленій о данной исторической эпохѣ и способствуетъ затемнѣнію историческаго народнаго самопознанія, вмѣсто того, чтобы восполнить его путемъ артистическаго творчества.

Въ повѣсти г. Мордовцева такихъ отступленій, болѣе или менѣе крупныхъ, весьма много, и мы должны замѣтить, что въ значительномъ большинствѣ они зависятъ не столько отъ недостаточности историческаго матеріала, сколько отъ небрежнаго его изученія, весьма замѣтной поспѣшности работы и желанія

усилить лишними эффектными сценами и безъ того въ высокой степени интересный разсказъ. Постараемся указать нѣкоторыя изъ этихъ, болѣе или менѣе крупныхъ отступленій, замѣченныхъ нами невольно при чтеніи повѣсти „Сагайдачный", не смотря на то, что въ цѣломъ повѣсть значительно подкупала наше вниманіе художественными достоинствами.

Прежде всего бросается въ глаза небрежное отношеніе автора къ географическимъ даннымъ описываемаго имъ края. Въ 7-ой главѣ повѣсти (стр. 67—79) изображается бѣгство четырехъ козаковъ изъ Острога въ Запорожье и затѣмъ погоня за ними придворной полиціи князя острожскаго. Бѣжавъ ночью изъ Острога, козаки утромъ въѣзжаютъ уже въ безграничную степь, „которая тянулась вплоть до запорожскихъ вольностей", и въ тотъ же день перерѣзываютъ „Чорный шлях". Между тѣмъ въ дѣйствительности Острогъ вовсе не былъ пограничнымъ замкомъ, стоявшимъ на границѣ степи; онъ находился почти въ центрѣ густо населенной Волыни, ближайшее разстояніе отъ него къ западной части „Чернаго шляха"—болѣе 100 верстъ; но и за „Чернымъ шляхомъ" находилась вовсе не пустынная степь—тамъ лежали населенныя, хотя менѣе густо, чѣмъ Волынь, воеводства подольское и брацлавское, тянувшіяся болѣе, чѣмъ на 300 верстъ, по прямой линіи отъ границъ Волыни до рѣкъ Синюхи и Кодымы, за которыми только начинались „запорожскія вольности". Какъ ни привлекательны у г. Мордовцева картины степи, мы полагаемъ, что онъ нашелъ-бы мѣсто изобразить ихъ, не дѣлая напрасной географической перестановки, а за то могъ-бы извлечь не одну интересную сцену, описавъ путешествіе своихъ странниковъ по заселеннымъ русскими крестьянами и мѣщанами Волыни и Брацлавщинѣ и обративъ вниманіе на отношеніе къ бѣглецамъ какъ этого населенія, такъ и властвовавшихъ надъ нимъ шляхтичей. Не менѣе страннымъ кажется намъ и та сцена въ повѣсти (стр. 221—222), гдѣ описывается охота у князя Вишневецкаго въ Лубнахъ: въ то время, когда охотники выѣзжаютъ со двора, дѣвица Кисель замѣчаетъ, что „по направленію прямо къ югу, на синевѣ чистаго неба, гдѣ-то далеко за Днѣпромъ, клубились дымныя облака и зловѣще ползли къ сѣверу". Полагать должно, что жители Лубенъ съ удивленіемъ прочтутъ эту картину, зная, что по направленію къ югу ближайшій берегъ Днѣпра (у Крылова) находится за 100 верстъ отъ нихъ по прямой линіи и, конечно, они сильно изумятся дальнозоркости дѣвицы Кисель. Во-

обще географическихъ промаховъ и небрежностей въ повѣсти слишкомъ много. Такъ въ перечнѣ польскихъ областей (стр. 37) названы, будто двѣ отдѣльныя провинціи, Подлясье и Подляхія (это синонимы) и указана странная область—„Инфлянтъ съ Полоцкомъ", т. е. вѣроятно два отдѣльныя воеводства: полоцкое и инфлянтское (польская Ливонія съ главнымъ городомъ Динабургомъ); городъ Самборъ, родина Конашевича, перемѣщенъ изъ прикарпатской Руси на Днѣпръ (стр. 91), хотя потомъ онъ и названъ „горнымъ Самборомъ" (стр. 167); въ окрестности Кизикермена (нынѣшній Бериславъ) описанъ никогда не бывавшій въ той мѣстности дубовый лѣсъ и т. п. Всѣ эти географическія ошибки сдѣланы, конечно, по небрежности, но есть и такія, которыя авторъ ввелъ, по видимому, преднамѣренно для того, чтобы извлечь изъ нихъ вящшій эффектъ; къ такого рода разсказамъ мы относимъ описаніе охоты на тура и постоянныя указанія на присутствіе этого животнаго въ южно-русскихъ степяхъ въ XVII столѣтіи. Мы сомнѣваемся, чтобы туръ (правильнѣе зубръ), звѣрь по преимуществу лѣсной, населялъ когда нибудь эти степи; но если и допустить, что Мономахъ охотился на него не въ сѣверскихъ лѣсахъ, а въ степи, то во всякомъ случаѣ въ XVII вѣкѣ во всей южной Руси о немъ не было и помину. Г. Мордовцевъ повидимому заимствовалъ описаніе тура и охоты на него изъ сочиненія Виженера [1]), но упустилъ изъ виду обстоятельство, на которое самъ Виженеръ указываетъ,—что въ концѣ XVI вѣка туры были очень рѣдки, водились исключительно на границѣ Литвы и Мазовіи, гдѣ уже тогда поручалось мѣстнымъ жителямъ оберегать ихъ въ опредѣленныхъ частяхъ пущи, загороженныхъ на подобіе парковъ. Введеніе тура, въ качествѣ запорожской дичи, очевидно сдѣлано съ цѣлью нарисовать картину охоты въ стилѣ Майнрида, можетъ быть и интересную, но выходящую изъ области исторической повѣсти въ область фантастическаго вояжа. Такой-же майнридовскій характеръ носитъ и сцена степнаго пожара, которымъ будто жители Переволочной отразили набѣгъ татарскій, нагнавъ на татарскій станъ пламя и цѣлыя стада степной дичи, въ томъ числѣ и злополучныхъ туровъ. Дѣйствительно мы встрѣчаемъ данныя о томъ, что татаре прибѣгали къ выжиганію степи, при приближеніи сильной

[1]) La description du royaume de Pologne par Blaise de Vigenère. Paris. 1573.

непріятельской арміи; но это дѣлалось съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы лишить нападавшихъ возможности пользоваться кормомъ для лошадей, но вовсе не имѣлся въ виду самый огонь, какъ средство защиты, такъ какъ слабая растительность южныхъ приморскихъ степей не дозволяла разсчитывать на огненный ураганъ, можетъ быть и случающійся въ американскихъ саваннахъ.

Если обратимся къ историческимъ подробностямъ разсказа, то также не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ погрѣшностей какъ въ общей постановкѣ разсказа, такъ и въ его частностяхъ: такъ рисуя бытъ козачества въ началѣ XVII столѣтія, г. Мордовцевъ исключительно сосредоточиваетъ вниманіе на Запорожьи и игнорируетъ регистровое козачество и его отношеніе какъ къ Запорожью, такъ и къ польскому правительству, между тѣмъ безъ указанія на значеніе и роль этого сословія, населявшаго значительную часть Украйны, всякая историческая картина козачества того времени является неминуемо неполною и незаконченною. Въ самомъ разсказѣ о Запорожьи введены нѣкоторыя, правда второстепенныя, ошибки, по видимому безъ всякой нужды; такъ избраніе Конашевича вождемъ запорожцевъ и походъ его на Кафу отнесены почему-то къ 1614 году, между тѣмъ какъ еще покойный М. А. Максимовичъ констатировалъ точно, что взятіе Кафы случилось въ 1606 г. [1]). Полагаемъ, что еслибы г. Мордовцевъ обратилъ вниманіе на сочиненіе Максимовича, то онъ избѣжалъ-бы этой ошибки, а также не сѣтовалъ-бы на то, что исторія „пропустила Сагайдачнаго“ (стр. 91), такъ какъ онъ нашелъ-бы двѣ обстоятельныя монографіи, въ которыхъ покойный историкъ собралъ весьма тщательно всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся о Сагайдачномъ. Думаемъ также, что въ семъ случаѣ авторъ и не заключилъ-бы разсказа о походѣ на Кафу описаніемъ торжественнаго въѣзда Сагайдачнаго въ Кіевъ и встрѣчи его тамъ польскими властями. Въ то время и запорожцы и Сагайдачный считались ослушниками и бунтовщиками, и пограничнымъ старостамъ приказано было не пропускать ихъ въ осѣдлую Украйну и даже не допускать провоза хлѣба въ Запорожье; за исполненіемъ этихъ распоряженій правительства и наблюдалъ до 1618 года кіевскій воевода Станиславъ Жолкевскій, весьма не дружелюбно относившійся къ козакамъ. Ужъ конечно не онъ-бы раз-

1) Собраніе сочиненій Максимовича т. I, стр. 359.

рѣшилъ торжественный пріемъ въ Кіевѣ гонимаго козацкаго вождя и не онъ вышелъ-бы встрѣтить его съ почетомъ. Появленіе Сагайдачнаго въ Кіевѣ и пріемъ имъ подъ свою власть осѣдлой Украйны относятся къ болѣе позднему времени и составляютъ результатъ московскаго похода козацкаго гетмана, предпринятаго, по просьбѣ польскаго правительства, для спасенія отъ гибели королевича Владислава, въ описываемое-же авторомъ время факты эти представляютъ историческую невозможность.

Еще большую историческую ошибку дѣлаетъ г. Мордовцевъ въ изображеніи польскаго или точнѣе южно-русскаго дворянскаго общества того времени. Черты, долженствующія рисовать это общество, взяты на угадъ изъ различныхъ періодовъ его исторической жизни; но большая часть ихъ относится къ концу XVIII вѣка, начиная съ описанія изящныхъ „паляццо“ съ статуями греческихъ боговъ, каскадами и фонтанами и оканчивая произносимымъ весьма часто „слово гонору“. Въ общемъ самая существенная черта, не согласная съ исторической истиною и придающая фальшивый историческій колоритъ данной эпохѣ, состоитъ въ предположеніи автора, будто въ началѣ XVII вѣка южно-русское дворянство было вполнѣ ополячено, между тѣмъ какъ въ это время полонизація едва начиналась и, усилія езуитовъ, минуя старое поколѣніе, направлены были главнымъ образомъ на школы, гдѣ воспитывались молодые шляхтичи; если и были въ данное время, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, ополяченные шляхтичи, то вся масса шляхетскаго сословія говорила еще и писала на русскомъ языкѣ и оставалась вѣрною православной церкви. Если-бы г. Мордовцевъ пересмотрѣлъ хотя-бы юридическіе документы того времени, подписи церковныхъ братчиковъ въ изданныхъ каталогахъ братствъ, или подписи дворянъ на постановленіяхъ провинціальныхъ сеймиковъ, если-бы онъ остановилъ вниманіе на извѣстномъ ему фактѣ существованія многочисленныхъ южно и западно-русскихъ типографій и братскихъ школъ, то онъ вѣроятно воздержался-бы отъ исторически не вѣрныхъ и напрасныхъ совершенно изреченій: „литературный, ученый и юридическій языкъ хохла XVI и XVII вѣка сталъ чисто польскимъ“ и будто „писаннаго хохлацкаго языка не существовало вовсе“ (стр. 40) и т. п.—Кромѣ этой существенной фальши, мелкихъ ошибокъ и фактическихъ промаховъ въ изображеніи дворянскаго общества такъ много, что почти нѣтъ ни одной подробности отъ нихъ свободной: то въ рядахъ южно русской знати перечисляются дворянскіе роды литовско бѣлорусскіе (Ход-

ковскіе, Пацы, Сапѣги), чисто-польскіе (Замойскіе) и даже новгородскіе (Борецкіе) (стр. 40 и 806); то княгиня Раина Могилянка Вишневецкая, почему-то переименована въ Раину (стр. 48), а княжна Анна Острожская въ Людвисю (т. е. Луизу—стр. 208); то въ одномъ обществѣ участвуютъ, въ качествѣ ровесниковъ, лица разныхъ поколѣній: такъ напримѣръ Іеремія Вишневецкій, которому въ 1614 году могло быть 4—5 лѣтъ, является ровесникомъ своего тестя Ѳомы Замойскаго, который черезъ двѣ страницы названъ уже собственнымъ своимъ сыномъ (сравни Томашъ Замойскій стр. 47 и 50) и т. д. Особенно почему-то не везетъ у г. Мордовцева роду Замойскихъ: Янъ Замойскій, учившійся дѣйствительно въ падуанскомъ университетѣ, сдѣланъ ректоромъ этого университета, Ѳома Замойскій хвалится знатностью своего рода и подаркомъ, полученнымъ его предкомъ отъ королевы Ядвиги, между тѣмъ какъ родъ этотъ сталъ выдаваться изъ среды шляхетской мелюзги только въ концѣ XVI столѣтія и т. д. Но, минуя эти мелочи, намъ кажутся въ бытовой картинѣ гораздо болѣе важными ошибки, вытекающія изъ непониманія терминовъ, рисующихъ юридическое и бытовое устройство общества, а такія ошибки мы встрѣтили нѣсколько разъ въ разсматриваемой повѣсти: такъ, единственное въ Польшѣ войско, существовавшее на средства государства—„кварцяное“ смѣшивается съ панскими надворными хоругвями, терминъ „урожоный“, составлявшій юридически установленный эпитетъ дворянскаго сословія, какъ „славетный“ было эпитетомъ мѣщанина, „працовитый“ крестьянина и т. д., понимается въ смыслѣ не сословномъ, а національномъ, и переводится значеніемъ „прирожденный полякъ“ (стр. 44).

Впрочемъ ошибочное пониманіе терминовъ, хотя въ значительно меньшей долѣ, встрѣчается въ примѣненіи къ подробностямъ козацкаго быта. На протяженіи всей повѣсти авторъ передаетъ многія изреченія козаковъ, а также всѣ названія мѣстныхъ бытовыхъ предметовъ по малорусски. Конечно, пріемъ этотъ значительно усиливаетъ мѣстный, реальный колоритъ повѣсти и помогаетъ автору сохранить цѣльнѣе характеръ изображаемаго общества; но по временамъ въ этомъ отношеніи допущены ошибки, которыя невольно вызываютъ веселую улыбку. Вотъ нѣсколько замѣченныхъ нами примѣровъ: на сценѣ является войсковой писарь съ атрибутами своей должности (стр. 23); у него чернильница за поясомъ и „каламарь“ за ухомъ; вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду за ухомъ писаря помѣстить перо, но вмѣсто него помѣстилъ „ка-

ламарь", т. е. другую чернильницу, и писарь остался безъ пера. Во время взятія Кафы козакъ силачъ тащитъ, въ видѣ добычи, мѣдную пушку (стр. 159): пушка эта называется въ русскомъ разговорѣ „пушкою", въ малорусскомъ же „гаковницею"; но по малорусски пушка—„гармата", а гаковница—это длинное крѣпостное ружье, не требовавшее особенной силы для переноски и всегда дѣлавшееся изъ желѣза, а не отливавшееся изъ мѣди. Козаки видятъ необычное зрѣлище, не вполнѣ для нихъ понятное (стр. 105) и въ изумленіи вскрикиваютъ: „вотъ *внезапія*"!... Мы не знаемъ въ какомъ языкѣ существуетъ это слово; но можемъ поручиться, что его нѣтъ и быть не можетъ въ малорусской рѣчи; догадываемся, что авторъ желалъ сказать употребляемое въ такихъ случаяхъ малороссами слово „оказія", но забылъ его и сочинилъ „внезапію". Ужъ подлинно „внезапія"!...

Указывая всѣ эти недостатки, замѣченные нами при чтеніи „Сагайдачнаго", мы однако признаемъ, что достоинства повѣсти далеко ихъ выкупаютъ. Надѣемся притомъ, что г. Мордовцевъ, продолжая изображать историческій бытъ южной Руси въ своихъ исполненныхъ таланта повѣстяхъ, обратитъ нѣсколько болѣе вниманія не мелочную и скучную отдѣлку историческихъ деталей, необходимую однако для сохраненія вполнѣ того художественнаго впечатлѣнія, которое производятъ его историческія повѣсти.

В. А.

Polácі a Rusíni. Sepsal prof. Josef Perwolf.

(Поляки и Русины, Очеркъ проф. Первольфа).

Статья съ выписаннымъ выше заглавіемъ печаталась въ чешскомъ журналѣ „Osvěta" почти впродолженіи всего 1881 года и вышла потомъ отдѣльной книжкой. Въ виду того, что вопросъ объ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ, благодаря извѣстному львовскому процессу, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, статья эта представляетъ теперь несомнѣнный интересъ, тѣмъ болѣе, что подъ словомъ „русины" авторъ понимаетъ не только русское населеніе Галиціи, какъ это обыкновенно дѣлается, но вообще населеніе всѣхъ русскихъ областей, входившихъ когда-то въ составъ польскаго государства.

Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ первоначальнаго происхожденія племенъ польскаго и русскаго и образованія ими двухъ

государствъ. Различныя, говоритъ онъ, славянскія племена, населяющія страну къ сѣверу отъ Карпатъ, между Вислой и Днѣпромъ, уже издревле извѣстны были подъ двумя главными именами: Ляховъ и Руси. Когда произошло это раздѣленіе, достовѣрно неизвѣстно; надо полагать, что совершилось оно въ доисторическій періодъ, такъ-какъ, встрѣчаясь съ ними въ исторіи, мы уже находимъ дѣленіе на Ляховъ и Русь съ характеристическими признаками обѣихъ народностей. Тѣмъ не менѣе общность ихъ происхожденія несомнѣнно доказывается сходствомъ языка: въ большинствѣ случаевъ одни и тѣ-же слова имѣютъ лишь различное произношеніе; западныя племена (польскія) говорятъ grod, dąb, Sandomierz,—восточныя (русскія): городъ, дубъ, Судоміръ. Мало по-малу различіе между двумя народами становится все больше и больше; причины его авторъ характеризуетъ слѣдующими словами:

„Въ IX и X в. сѣверные славяне, обитавшіе къ сѣверу отъ карпатскихъ горъ, составили два государства: Польшу и Русь; первое произошло отъ соединенія привислянскихъ ляховъ подъ властью польскихъ князей,—въ составъ втораго вошли всѣ восточно-славянскія племена. Польша, послѣ нѣкотораго колебанія, прильнула къ церкви римской и образованности западной, Русь—къ церкви греческой и образованности восточной, византійской. Такое религіозное и культурное раздвоеніе сѣверныхъ славянъ сообщило и ихъ дальнѣйшему развитію противоположное направленіе и имѣло громадное вліяніе на взаимныя отношенія между Польшей и Русью. Если бы ляшскія племена остались вѣрны исповѣданію православному и языку церковно-славянскому, или, наоборотъ, римско-католическая вѣра распространилась и на Русь,—ляшскія и русскія племена соединились-бы въ одно политическое и народное цѣлое, и между Краковомъ и Кіевомъ существовала-бы лишь такая разница, какая существуетъ теперь между Кіевомъ и Владиміромъ. Но католицизмъ и православіе и соединенная съ ними двойственность культуры воздвигли между поляками и русскими стѣну, которая и до сихъ поръ раздѣляетъ оба славянскіе народа“.

Какъ два сосѣднія государства, Польша и Русь не могли не сталкиваться другъ съ другомъ. Польскіе князья вмѣшивались въ дѣла Червоной Руси, Волыни и кіевской земли, временно захватывали ихъ и, наконецъ, завладѣли ими окончательно; русскіе князья, съ своей стороны, вмѣшивались въ польскія отноше-

нія и помогали польскимъ князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ. Ко всему этому присоединилось соперничество между пястовичами и рюриковичами въ стремленіи обѣихъ династій къ захвату русскихъ земель. Возникшія кровавыя войны еще болѣе разожгли политическую, народную и религіозную взаимную ненависть.

Вообще отношенія Польши съ юго-западной Русью были ближе и тѣснѣе, чѣмъ ея отношенія съ Русью сѣверо-восточной, такъ называемой „Москвой". Близость эта поддерживалась браками между пястовичами и рюриковичами; такъ въ XIV вѣкѣ Болеславъ, князь мазовецкій, будучи сыномъ галицко-русской княжны, достигаетъ галицкаго княжескаго престола. Послѣ его смерти король польскій Казиміръ окончательно присоединяетъ къ Польшѣ Галицію, вмѣстѣ съ землями Белзской, Холмской и Подоліей (1340 г.).

Но завоевательныя стремленія поляковъ столкнулись съ притязаніями Литвы на тѣ же русскія области, именно Подолію и Волынь. Послѣ продолжительныхъ и упорныхъ войнъ Литва получаетъ Волынь, а Польша—Подолію. Русскія земли къ сѣверу отъ Карпатъ, по Днѣпру и Бугу (Галиція, Подолія, земли Белзская и Холмская) присоединяются къ Польшѣ („Русь, что что короля слушаетъ"), земли-же по Днѣстру и Двинѣ входятъ въ составъ Литвы („Русь, что Литвы слушаетъ", какъ говорится въ договорѣ между польскимъ королемъ Казиміромъ и Литвой). Всѣ русскія земли, присоединенныя къ Литвѣ, переходятъ послѣ соединенія Литвы съ Польшей, во владѣніе послѣдней, хотя и сохраняютъ еще свою самостоятельность въ дѣлѣ управленія до 1569 года. Только съ того времени начинается широкое вліяніе Польши на литовскую Русь.

Итакъ, говоритъ авторъ, мы видимъ, что до соединенія Литвы съ Польшей однѣ русскія области принадлежатъ Польшѣ, другія—Литвѣ. Но послѣдствія столкновенія народа русскаго съ литовскимъ имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ послѣдствія его близкаго соотношенія съ народомъ польскимъ. Храбрые, но необразованные литовскіе князья и паны подверглись вліянію болѣе многочисленнаго и болѣе образованнаго русскаго народа, позаимствовавъ у него формы правленія, языкъ, религію и образованность. Русскій языкъ сдѣлался въ Литвѣ языкомъ господствующимъ, административнымъ; правители называютъ себя „великими князьями литовскими и русскими".

Иначе было съ Русью польской. Господствующій польскій элементъ, уже сильно подвергшійся вліянію европейской цивилизаціи, не могъ подчиниться уступавшему ему въ численности и образованности русскому народу; здѣсь, напротивъ, началась успѣшная полонизація высшихъ классовъ русскихъ областей. Простой народъ какъ въ польской, такъ и въ литовской Руси, остался вѣренъ своей народности, вѣрѣ, языку, и тѣмъ самымъ сохранилъ Русь отъ окончательнаго присоединенія къ Польшѣ.

Итакъ польскому вліянію подверглись только высшіе классы русскихъ областей, и этотъ то процессъ постепеннаго ихъ перехода въ польскую народность и составляетъ предметъ разсмотрѣнія въ данной статьѣ. Въ 1-й главѣ ея авторъ разсматриваетъ отношенія къ Польшѣ Руси, такъ называемой, коронной, во 2 ой, болѣе пространной,—Руси литовской.

На первой главѣ останавливается авторъ не долго, да и для насъ она не такъ важна. Въ общихъ чертахъ онъ указываетъ на ту первенствующую роль, какую съигралъ католицизмъ и, какъ переходная ступень къ нему, унія въ дѣлѣ полонизаціи русскихъ земель, присоединенныхъ непосредственно къ Польшѣ. Съ преобладаніемъ католицизма начинается преобладаніе польскаго языка, польскихъ нравовъ, обычаевъ. Этому не мало способствуетъ то обстоятельство, что галицко-русскіе бояре, еще до водворенія польскаго владычества, отличались большимъ могуществомъ, напоминая въ этомъ отношеніи польскихъ и венгерскихъ магнатовъ. Привыкнувъ къ первенствующему положенію, они не могли примириться съ той неравноправностью по отношенію къ польскимъ панамъ, поселившимся въ литовской Руси, которая выпадала на ихъ долю, благодаря ихъ православному вѣроисповѣданію; дабы сравняться съ ними въ правахъ, бояре спѣшатъ принимать католичество. Съ ополяченіемъ бояръ, въ русскія земли начинаютъ проникать и польскія учрежденія; русскіе города, подобно польскимъ, получаютъ магдебургскія привилегіи.

„Такимъ образомъ—говоритъ авторъ въ концѣ главы—довершилась полонизація коронной Руси. Древне-русская шляхта мало по малу сливалась и слилась, наконецъ, съ пришлой, польской; русскіе бояре сдѣлались „ляхами“ въ смыслѣ религіозномъ и народномъ. Въ политическомъ отношеніи они были ими уже давно, и то, что говоритъ о себѣ Станиславъ Ожеховскій (польскій писатель 16 вѣка), называя себя по происхожденію русскимъ, по

народности—полякомъ (gente Ruthenus, natione Polonus), могъ теперь сказать о себѣ и говорилъ каждый русскій шляхтичъ польской Руси и Подоліи.

Вторая глава обработана авторомъ очень тщательно и по содержанію своему имѣетъ для насъ несравненно болѣе интереса. Размѣры библіографической замѣтки не позволяютъ намъ познакомить читателя хотя отчасти съ тѣмъ множествомъ интересныхъ фактовъ относительно юго-западной Руси, какіе сообщаетъ авторъ. Такъ какъ сама по себѣ данная статья есть извлеченіе изъ обширнаго сочиненія подъ заглавіемъ „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и столкновенія", и заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, лишь все существенно важное, то составить нѣчто въ родѣ конспекта изъ данной статьи, выбрать изъ существеннаго существеннѣйшее представляется чрезвычайно труднымъ. Какъ источниками, авторъ пользуется актами южной и западной Руси, лѣтописями, древними рукописями, сочиненіями Эрбена, Бѣлевскаго, Горашевича, Шараневича, Шайнохи, Папроцкаго, Антоновича, Стадницкаго, Драгоманова, многочисленными историческими сочиненіями львовской библіотеки Оссолинскихъ и пр.

Прежде чѣмъ перейти къ польскому вліянію на юго-западную Русь, какъ главному предмету и вопросу, если можно такъ выразиться, авторъ останавливается на томъ обрусѣніи Литвы, которое было слѣдствіемъ присоединенія къ ней русскихъ областей. Здѣсь происходитъ явленіе совершенно обратное замѣчаемому въ русскихъ земляхъ, присоединенныхъ непосредственно къ польской коронѣ. Вліяніемъ пользуется не народъ покорившій, а покоренный, какъ уже указано выше. Уже съ незапамятныхъ временъ литовскіе князья начинаютъ принимать православную вѣру. Почти всѣ сыновья Гедимина были православные. Одинъ изъ нихъ Ольгердъ, будучи ревностнымъ послѣдователемъ православія, занимается собираніемъ русскихъ земель въ одно цѣлое, предоставляя собственно Литву и Жмудь брату своему Кейстуту, послѣднему языческому князю литовскому. Многіе Ольгердовичи пользовались большимъ расположеніемъ русскаго народа; такъ напримѣръ, кіевскій князь Владиміръ и его потомки Олельковичи (отъ имени его сына и наслѣдника Александра, иначе Олелька) были очень любимы населеніемъ подчиненныхъ имъ областей.

Далѣе слѣдуютъ указанія на несомнѣнность преобладанія въ Литвѣ не только православной вѣры, но и русскаго языка, русскихъ народныхъ обычаевъ, древне-русскихъ городскихъ и земельныхъ

учрежденій. Согласно этимъ указаніямъ литовскій языкъ употреблялся лишь въ домашней жизни; на сеймахъ-же, въ судебныхъ и административныхъ актахъ, даже въ частной перепискѣ, не говоря уже о перепискѣ дипломатической, литовцы пользуются русскимъ языкомъ. Самъ король Владиславъ Ягелло, не смотря на свою приверженность къ католицизму, легко объясняемую, впрочемъ, желаніемъ пріобрѣсть расположеніе своихъ новыхъ подданныхъ, поляковъ, не говоритъ ни по польски, ни по латыни, а пользуется языкомъ притѣсняемыхъ имъ-же „схизматиковъ".

Такое положеніе русской народности, не смотря на ея политическую (зависимость) несамостоятельность, дало ей возможность окрѣпнуть, а потому и дольше устоять въ борьбѣ съ польскими порядками, заведенными на Руси послѣ ея присоединенія къ Польшѣ. И дѣйствительно еще долго послѣ политической уніи польскаго и литовскаго государства (въ 1386) русскій языкъ и православіе сохраняются не только въ средѣ населенія, но даже и при королевскомъ дворѣ. Самый младшій сынъ короля Владислава Казиміръ былъ православный, внукъ его Сигизмундъ I имѣлъ въ собственной библіотекѣ русскія книги и очень былъ любимъ русскимъ народомъ. Въ доказательство авторъ приводитъ отрывки изъ рѣчи смоленскаго капителяна русина Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ (1569). Противопоставляя Сигизмунда I Сигизмунду-Августу, ревностно принявшемуся за распространеніе польскаго языка, Мелешко говоритъ: „Зыгмунта первого, солодка память его, бо той нѣмцевъ, якъ собакъ, не любилъ, и ляховъ зъ ихъ хитростьми вельме не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ".

До начала XV вѣка сохраняется еще дѣленіе русскихъ земель на княжества, въ противоположность польскимъ повѣтамъ, и хотя древне русскіе удѣльные князья и замѣняются намѣстниками, помощниками этихъ намѣстниковъ являются еще долго тіуны, дьяки и другіе древне-русскіе чиновные люди. Послѣ появленія повѣтовъ, послѣдніе дѣлятся на волости, члены которыхъ подчиняются старѣйшинамъ. Въ управленіи и обычномъ правѣ литовской Руси тоже долго сохранялись остатки старины. Древне-русское общинное начало проявляется въ обычаѣ, по которому жители сосѣднихъ поселеній сходились на *кону* (громаду) для обсужденія споровъ и произведенія суда. Долѣе всего обычай этотъ сохранился у мелкой шляхты на сѣверѣ кіевской земли; тамъ мы находимъ его еще въ XVIII вѣкѣ. Во многихъ городахъ и селахъ

юго-западной Руси встрѣчаются и во времена польскаго владычества такъ называемые *сьябры*, хранители общественнаго имущества.

Но какъ ни сильно было вліяніе русскаго элемента на жизнь соединенной Литвы и Руси, — въ концѣ концовъ онъ не могъ устоять противъ напліва болѣе могущественныхъ польскихъ порядковъ. Будучи народомъ болѣе культурнымъ, поляки не могли не достигнуть преобладанія даже помимо ихъ политическаго могущества, какъ народа господствующаго. Особенно успѣшно шла полонизація привиллегированныхъ классовъ. Русско-литовскіе бояре, въ отличіе отъ бояръ галицкихъ, несли много повинностей какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Принимая католичество, они становились въ ряды литовскихъ вельможъ, освобождались отъ всякихъ повинностей посредствомъ неоднократно издаваемыхъ польскими королями привиллегій въ пользу католическихъ пановъ. Какъ и въ польской Руси переходной ступенью къ католицизму служитъ унія.

Какъ уже указано выше, культурное преимущество много способствовало тому господству польскаго элемента, какого ему удалось достигнуть на Руси. Задавленная страшнымъ татарскимъ погромомъ и его немаловажными послѣдствіями, Русь надолго остановилась въ своемъ духовномъ развитіи. Литературная дѣятельность ея была крайне односторонняя, ограничивалась только церковными, богословскими сочиненіями, да составленіемъ и переписываніемъ лѣтописей. Распространенію этихъ книгъ мѣшало небольшое количество экземпляровъ, такъ-какъ даже долгое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, онѣ оставались писанными. Между тѣмъ Польша подъ вліяніемъ проникавшаго въ нее съ запада умственнаго движенія, явившагося слѣдствіемъ реформаціи, заняла непослѣднее мѣсто въ ряду западно-европейскихъ народовъ. Знаніе и литература, освободившись отъ церковныхъ узъ, достигли цвѣтущаго состоянія. Русь, политически разъединенная, культурно связанная съ отжившей Византіей, не могла участвовать въ духовномъ движеніи латинской Европы, всё болѣе и болѣе разширявшемся. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ русскіе привиллегированные классы подчинились вполнѣ польской культурѣ, забыли родной языкъ и мало по малу утратили свою народность.

Но оплотомъ православной вѣры и русской народности остался простой народъ. Положеніе его, послѣ присоединенія

Руси къ Польшѣ, значительно ухудшилось; „кровью писана исторія этихъ хлоповъ, говоритъ авторъ, кровь такъ и брызжетъ съ ихъ историческихъ памятниковъ, сохранившихся въ думахъ, пѣсняхъ, пословицахъ". „Съ паденіемъ Польши кончается періодъ кровавой русской поэзіи", говорится далѣе. И вотъ являются великіе защитники этихъ хлоповъ: Хмельницкій, Перебійносъ, Гонта, Зализнякъ...

Съ паденіемъ Рѣчи Посполитой совпадаетъ и паденіе ея культурнаго значенія. Безпристрастное и философское отношеніе къ различнымъ общечеловѣческимъ вопросамъ, составлявшее главное украшеніе и отличительный признакъ польской литературы XVI вѣка, исчезаетъ вслѣдствіе вліянія на польскую духовную жизнь папскаго и іезуитскаго авторитета. Слѣдствіемъ этого является крайне одностороннее направленіе польской литературы и культуры и теряется ея значеніе для сосѣднихъ народовъ. Петръ Великій въ своихъ стараніяхъ познакомить Россію съ западно-европейской цивилизаціей, заботится о распространеніи на Руси нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, но не польскихъ книгъ, приглашаетъ ко двору французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, даже южноруссовъ, но не поляковъ.

Казалось-бы, что съ паденіемъ Польши должны были-бы прекратиться взаимныя распри между русинами и поляками. Но, доканчиваетъ авторъ свою статью, „до сихъ поръ не прекратилась взаимная вражда между ляхами и Русью. Славянскій патріотъ со скорбью смотритъ на зіяющую между ними пропасть". „Дай Богъ", говоритъ онъ, „чтобы правду сказалъ Тарасъ Шевченко, что воспѣтыя имъ войны между козаками и поляками кончились".

Е. Н. К—ая.

D-r Antoni I.. Z przeszłości Polesia kiewskiego. Warszawa, 1882.

(Докторъ Антоній І... Къ исторіи кіевскаго Полѣсья. Варшава. 1882).

Писатель, скрывающійся подъ псевдонимомъ д ра Антонія І... принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ и талантливыхъ польскихъ историческихъ писателей нашего времени. Въ теченіи семи лѣтъ д-ръ Антоній издалъ восемь томовъ историческихъ мо-

нографій [1]), представляющихъ особенный интересъ для читателей „Кіевской Старины", такъ какъ, за незначительными исключеніями, всѣ онѣ относятся къ исторіи юго-западной Руси. Вообще, къ несомнѣннымъ достоинствамъ автора принадлежитъ его основательное знакомство съ источниками, поясняющими избранные имъ эпизоды: онъ изучилъ не только польскую историческую литературу и польскія археографическія изданія, но основательно слѣдитъ за такими-же изданіями русскими и внимательно ими пользуется, качество, которое не особенно часто мы встрѣчаемъ у польскихъ историческихъ писателей; сверхъ того, д-ръ Антоній заимствуетъ многія свѣдѣнія и характеристики изъ доступнаго ему обширнаго архивнаго матеріала, хранящагося въ частныхъ фамильныхъ архивахъ или собраннаго въ его личной, на сколько можемъ судить по ссылкамъ, весьма цѣнной коллекціи.

Изложеніе д-ра I... отличается большимъ талантомъ въ группировкѣ и освѣщеніи фактовъ и весьма тщательною разработкою бытовой характеристики времени, къ которому относится тотъ или другой разсказываемый имъ эпизодъ. Отдавая полную справедливость всѣмъ исчисленнымъ качествамъ почтеннаго писателя, мы не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ пріемовъ въ его изложеніи, манерѣ и освѣщеніи, которыя, по нашему мнѣнію, составляютъ менѣе желательныя черты историческаго труда, хотя, можетъ быть, и не должны быть поставлены лично на счетъ автора, а составляютъ скорѣе принадлежность установившейся традиціи въ польской исторической литературѣ, съ которой всякій писатель долженъ болѣе или менѣе считаться въ виду своихъ читателей. Къ числу недостатковъ, замѣченныхъ нами въ первыхъ трудахъ автора, относится, по нашему мнѣнію, стремленіе къ слишкомъ наглядному воспроизведенію событій, при чемъ авторъ, желая придать болѣе живости изображаемымъ картинамъ, дополнялъ личнымъ воображеніемъ черты, вывѣтрившіяся въ документальныхъ источникахъ; въ силу такого пріема многіе изъ

---

1) Кромѣ сочиненія, заглавіе котораго выше прописано, намъ извѣстны еще слѣдующія монографіи этого автора: 1) Историческіе разсказы (Opowiadania historyczne) Львовъ, 1875 г.; 2) Новые историческіе разсказы (Nowe opowiadania historyczne)—2 тома, Львовъ 1878—1881; 3) Три историческіе разсказы (Trzy opowiadania historyczne)—Львовъ, 1880 г. и, наконецъ 4) капитальное сочиненіе: Подольскіе замки на молдавской границѣ (Zamczki podolskie na okresach multańskich)—3 тома. Варшава, 1880 г.

первыхъ очерковъ, составленныхъ д-мъ Антоніемъ, не замѣтно теряли характеръ историческаго изслѣдованія и переходили въ категорію историческаго романа или, по крайней мѣрѣ, близко къ нему подходили. Таковы почти всѣ разсказы, составляющіе первый томъ „Opowiadań historycznych“. Конечно, при такой манерѣ невозможно было частностей изложенія подкрѣпить подстрочными ссылками и авторъ долженъ былъ отъ нихъ совсѣмъ воздержаться. Впрочемъ къ чести автора нужно замѣтить, что онъ самъ немедленно замѣтилъ этотъ недостатокъ и въ дальнѣйшихъ трудахъ отклонялся все болѣе и болѣе отъ беллетристическаго пошиба, сталъ приводить источники, сначала въ видѣ общихъ перечней въ концѣ каждой монографіи, потомъ болѣе подробно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ самомъ текстѣ изслѣдованій. Конечно, отъ этой перемѣны значительно усилилось научное достоинство изслѣдованій д-ра Антонія и послѣднія его работы носятъ характеръ строго историческій, безъ всякихъ прикрасъ беллетристическихъ.

Другое, болѣе серьезное возраженіе, которое мы позволимъ себѣ сдѣлать д-ру Антонію, заключается, какъ намъ кажется, въ недостаткѣ объективизма и въ постоянномъ присутствіи предвзятой мысли, которою освѣщаются событія по мѣрѣ того, какъ авторъ возстановляетъ ихъ изъ архивнаго матеріала; факты не говорятъ сами за себя, а по большей части укладываются, иногда не безъ значительныхъ усилій со стороны автора, въ рамки, a priori придуманныя и приготовленныя. Общій критерій, изъ котораго авторъ исходитъ при сужденіи о польско-русскихъ историческихъ отношеніяхъ въ прошедшей судьбѣ юго-западной Руси, состоитъ въ томъ положеніи, которое сдѣлалось въ послѣднее время общимъ знаменемъ довольно многочисленной группы польскихъ историческихъ писателей, будто въ южной Руси Польша преслѣдовала миссію цивилизаторскую и занята была по преимуществу насажденіемъ умственной и гражданской культуры. Поставивъ въ основѣ взгляда такую мысль, писатели, проникнутые ею, въ томъ числѣ и д-ръ Антоній, всѣ историческія черты быта Польши считаютъ признаками культуры, и обратно всѣ бытовыя черты Руси признаками варварства; такимъ образомъ все то, что въ быту самой Польши составляло тормозы народнаго развитія: религіозный фанатизмъ, дѣятельность іезуитовъ, излишнее развитіе сословности, эксплоатація крестьянъ и т. п., является или признакомъ высшей культуры, или ея необходимымъ аттри-

бутамъ, и обратно тѣ черты жизни южной Руси, которыя мы привыкли уважать въ каждомъ народѣ, какъ задатки будущаго развитія и какъ признаки самостоятельности народнаго духа: любовь къ родинѣ и къ своей національности, инстинкты равноправности гражданской, протесты противъ гнета экономическаго, религіознаго и нравственнаго, расположеніе къ вѣчевому строю и т. д., все это изображается, какъ признакъ грубости, варварства и врожденнаго какого-то отвращенія къ культурѣ. Впрочемъ, какъ намъ ни кажется невѣрною съ научной и обще-человѣческой точки зрѣнія подобная постановка вопроса, мы готовы были-бы спорить съ авторомъ только о ея справедливости, но, изъ уваженія къ искреннему убѣжденію противника, не ставили-бы ему его исходной точки въ укоръ, какъ недостатокъ историческаго научнаго пріема, если-бы онъ ее доказывалъ фактическими данными и строго послѣдовательными логическими выводами изъ этихъ данныхъ. Мы далеки отъ того, чтобы вмѣнять писателю въ вину его убѣжденія, не согласныя съ нашими, и не признавать научныхъ заслугъ противника, если онъ научно отстаиваетъ ту точку зрѣнія, которая намъ кажется ошибочною; но, въ данномъ случаѣ, мы д-ра Антонія, какъ историческаго писателя, имѣемъ право попрекнуть не за его убѣжденія, а за способъ проведенія ихъ, недостойный, какъ намъ кажется, ни его развитія, ни его таланта. Отстаивая общія, вышеуказанныя положенія, авторъ не опирается на факты, не исходитъ изъ широкихъ, общихъ для всего человѣчества, историческихъ законовъ прогресса, а старается исключительно ударять на чувство читателя, для этого онъ въ излишествѣ прибѣгаетъ къ эпитетамъ въ характеристикахъ и къ произвольнымъ положеніямъ, которыя въ качествѣ афоризмовъ онъ кладетъ въ основаніе своихъ разсужденій. Манера эта придаетъ изслѣдованіямъ доктора Антонія характеръ апологіи или адвокатской рѣчи вмѣсто объективнаго изслѣдованія исторической истины и возбуждаетъ въ читателѣ, не раздѣляющемъ апріорныхъ положеній автора, нѣкоторое невольное недовѣріе даже къ тѣмъ частямъ труда, которыя правдоподобны и лишены субъективныхъ прикрасъ. Не ограничиваясь, впрочемъ, этими пріемами, авторъ иногда какъ-бы отстраняетъ нѣкоторую часть разрабатываемаго имъ матеріала, если содержаніе его слишкомъ противорѣчитъ его основной схемѣ и скользитъ слишкомъ уклончиво по поверхности нѣкоторыхъ непріятныхъ фактовъ.

Мы позволили себѣ сдѣлать эти общія замѣчанія потому, что указанные пріемы мы находимъ и въ послѣдней книгѣ, изданной д-ромъ Антоніемъ, заглавіе которой мы выписали выше. Въ составъ этой книги вошли двѣ статьи: 1) „Исторія околичной шляхты въ овруцкомъ повѣтѣ" и 2) „Козачество въ кіевскомъ Полѣсьѣ во второй половинѣ XVII столѣтія". Главнымъ матеріаломъ для составленія обѣихъ статей автору, по его собственнымъ словамъ, послужили 2 тома актовъ, изданныхъ кіевскою археографическою коммисіею [1]). Извлеченіе сдѣлано весьма подробно, содержаніе разсказано живо и сгруппировано умѣло, но, къ несчастью, всѣ характеристики испещены своеобразными эпитетами и афоризмами и нѣсколько группъ актовыхъ свидѣтельствъ (какъ напримѣръ: столкновенія православныхъ околичныхъ шляхтичей съ католиками—буйства жолнеровъ) отодвинуты на второй планъ и едва упомянуты. За то въ первой статьѣ авторъ, въ началѣ, въ видѣ введенія, прибавилъ весьма живой топографическій и экономическій очеркъ кіевскаго Полѣсья, а въ концѣ списокъ овруцкихъ старостъ съ перечнемъ ихъ отношеній къ шляхетскимъ околицамъ. Въ спискѣ этомъ, впрочемъ, мы замѣтили одну довольно крупную неточность: авторъ полагаетъ, что овруцкимъ повѣтомъ съ 1471—по 1531 годъ управляли непосредственно кіевскіе воеводы и самостоятельные старосты стали назначаться только съ 1531 года; мы думаемъ, что это положеніе ошибочно, потому что въ актовыхъ свидѣтельствахъ упоминаются овруцкіе старосты съ конца XV вѣка и если полнаго списка ихъ мы не можемъ составить, по причинѣ скуднаго количества дошедшихъ до насъ актовъ, то имена нѣкоторыхъ назвать можемъ: такъ старостою овруцкимъ (1496—1503) былъ князь Григорій Борисовичъ Глинскій, затѣмъ (1506—1510) Сенько Романовичъ Полозовичъ, а въ 1525 Михайло Холецкій. Въ числѣ-же позднѣйшихъ старостъ пропущены: Лука Сапѣга, носившій этотъ титулъ въ 1621 году, и князь Іеремія Вишневецкій въ 1634 г.

Вторая статья заключаетъ въ себѣ очеркъ тѣхъ неудачныхъ попытокъ возстановленія козачества, которое предпринимало польское правительство въ концѣ XVII столѣтія въ кіевскомъ Полѣсьѣ. По неизвѣстной намъ причинѣ авторъ изъ объемистаго тома актовъ выбралъ отдѣлъ менѣе всего интересный, отъ воспроизведе-

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, часть IV, томъ I и часть III, томъ II.

нія-же возрожденія самостоятельнаго козачества на правой сторонѣ Днѣпра усиліями Палія и его сподвижниковъ онъ воздержался.

Во всякомъ случаѣ мы благодарны д-ру Антонію за то, что онъ знакомитъ свою публику съ матеріаломъ, добытымъ русскою археографическою наукою, и полагаемъ, что взаимное ознакомленіе съ научнымъ матеріаломъ обѣихъ литературъ отразится въ будущемъ съ пользою для развитія въ обѣихъ болѣе прочныхъ историческихъ свѣдѣній и для установленія болѣе объективныхъ историческихъ взглядовъ.

В. А.

Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4-хъ картъ юзападнаго края. К. 1882, in 8°, стр. 324 + 2 таблицы, + 3 большихъ и 1 малая карты.

Мы не выписываемъ всего заглавія, наполняющаго собою обложку этой книги и не совсѣмъ складнаго, какъ это замѣтно и по выписанному его началу. Содержаніе книги далеко не соотвѣтствуетъ ея названію, такъ какъ въ ней въ сущности нѣтъ ни топографическихъ, ни статистическихъ матеріаловъ, а есть только подробный дорожникъ, приноровленный къ потребностямъ военнаго вѣдомства; ему предшествуетъ перечень административныхъ подраздѣленій края, а всему этому предпосланъ жиденькій общій обзоръ, въ которомъ авторъ пытается на 36 страницахъ совмѣстить географическія, естественно-историческія и даже этнографическія свѣдѣнія о нашемъ краѣ, заключающемъ въ себѣ около 150 тысячъ кв. верстъ и около 6½ милліоновъ населенія. Конечно, дорожники вообще, въ томъ числѣ и спеціально-военные, составляютъ предметъ необходимости, а средній уровень образованія нашего офицерскаго корпуса, въ особенности воспитанниковъ юнкерскихъ училищъ, дѣлаетъ вовсе не излишнимъ и присоединеніе къ нимъ краткихъ обзоровъ природы и населенія края. Поэтому, самый планъ изданія г. Тарановскаго не заключаетъ въ себѣ никакой грубой погрѣшности; посмотримъ, каково выполненіе.

Въ коротенькомъ предисловіи авторъ опредѣляетъ цѣль своего изданія гораздо скромнѣе и точнѣе, чѣмъ въ заглавіи,—служить справочной книгой, въ которой бы заключалось хотя краткое описаніе края и, по меньшей мѣрѣ, тѣ общія свѣдѣнія, ко-

торыя чаще всего бываютъ необходимы гражданскимъ и военнымъ учрежденіямъ (канцеляріямъ), а также служащимъ лицамъ, разъѣзжающимъ въ краѣ на обывательскихъ (земскихъ) лошадяхъ". Конечно, ни для канцелярскихъ писцовъ, ни для военныхъ писарей, ни для „лицъ, разъѣзжающихъ на обывательскихъ" знакомство съ литературой изслѣдованій нашего края не только не обязательно, а даже можетъ подчасъ оказаться, съ служебной точки зрѣнія, „излишнимъ". Но составителю изданія, предназначеннаго служить для всѣхъ этихъ лицъ руководствомъ, такое знакомство отнюдь-бы не помѣшало. Между тѣмъ перечень источниковъ, какими пользовался авторъ, показываетъ, что кромѣ двухъ-трехъ работъ генеральнаго штаба, да почтоваго дорожника, самъ онъ пользовался почти исключительно канцелярскими источниками, а литература предмета ему вовсе незнакома. Единственное исключеніе онъ сдѣлалъ для мѣстныхъ газетъ, включивъ въ число своихъ источниковъ корреспонденціи „Кіевлянина" и „Зари".

Первый отдѣлъ книги содержитъ въ себѣ „краткій общій очеркъ края", и на первой-же его страницѣ читаемъ такое неудобопонятное мѣсто: „этотъ край имѣетъ *въ ширину*, по *длиннѣйшему* разстоянію, отъ желѣзнодорожной станціи Малорыто до ж.-д. ст. Борщи *535* верстъ; *въ длину*, по *кратчайшему* разстоянію, отъ с. Авратыни до Кіева *295* верстъ". Линія Малорыто-Борщи идетъ въ направленіи болѣе или менѣе съ сѣвера на югъ, а Авратинъ—Кіевъ съ запада на востокъ, и только по этому, вслѣдствіе смѣшенія авторомъ понятій о длинѣ и ширинѣ площади съ понятіями о долготѣ и широтѣ географической, ширина нашего края оказывается почти вдвое длиннѣе его длины; но почему одна изъ нихъ измѣрена по длиннѣйшему разстоянію, а другая по кратчайшему,—этого и угадать невозможно.

Въ опредѣленіи границъ края допущенъ крупный недосмотръ, такъ какъ въ сѣверо-западный его уголъ отнесенъ, вмѣсто владимірскаго, новоградволынскій уѣздъ. Подраздѣливъ край въ топографическомъ отношеніи на три части: Полѣсье, Волынь съ Подольемъ и Украйну, авторъ приводитъ (стр. 5) завѣдомо невѣрную цифру населенности Полѣсья въ 15 человѣкъ на квадратную версту, тогда какъ изъ его-же свѣдѣній (стр. 320) видно, что даже для пяти вполнѣ полѣсскихъ уѣздовъ Волыни (владим., ковел., луцк., ровен. и овручскій) населеніе составляетъ 754,634 чел. на 35,618 верстъ, т. е. болѣе 21 чел. на версту; очевидно,

первая цифра выведена изъ сильно устарѣвшихъ свѣдѣній, къ какимъ нужно отнести и мнѣніе о „непроходимости“ современныхъ лѣсовъ Полѣсья. Точно такую-же достовѣрность имѣетъ и утвержденіе, будто лѣса въ „Украинѣ“, куда авторъ относитъ кіевскую губ., кромѣ полѣсской ея части, а изъ подольской уѣзды: брацлавскій, гайсинскій, ольгопольскій и восточную половину балтскаго,—„почти вездѣ уничтожены сахарными заводами, а сохранились *только* въ кіевскомъ, *сквирскомъ* и *бердичевскомъ* въ видѣ небольшихъ дачъ и рощъ“; на самомъ дѣлѣ, въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ только и есть, что мелкія рощи, но за то въ другихъ, именно черкасскомъ, звенигородскомъ, чигиринскомъ, южной части каневскаго и сѣверо-восточной тарашанскаго, можно еще найти и настоящій лѣсъ, съ десятками верстъ сплошного протяженія.

Недосмотры, непростительная неточность выраженій и искаженіе собственныхъ именъ преслѣдуютъ автора чуть не на каждой страницѣ. Такъ у него (12) Припять входитъ въ составъ соединяющей *Днѣпръ съ Двиною Березинской* системы!... Днѣпръ подходитъ *правымъ* берегомъ *къ Россіи*, а лѣвымъ къ Австріи (13); та-же рѣка замерзаетъ въ какой-то неизвѣстный промежутокъ времени *между* концемъ ноября и началомъ декабря (15); правый берегъ Западнаго Буга, холмистый до Устилуга, ниже Корытницы *расходится* (?); теченіе Припети раздѣляетъ Полѣсье на минское и кіевское, волынскому-же близъ нея нѣтъ мѣста; по Случи лѣсъ *сплавляется* не только по теченію, но и *противъ теченія;* Медоборскія горы дважды называются Медеборскими, м. Киселинъ—у автора Киселиное, Несухожи—Несухая, Мерва—Мевръ, р. Раставица—Ростовица и т. д.; „разнаго рода звѣри“ на Полѣсьи во множествѣ водятся „въ луговыхъ травахъ“,—вѣроятно, разумѣются кабаны, дикія козы, лоси, медвѣди и т. под. По счету г. Тарановскаго нашъ край отличается замѣчательной особенностью,—въ немъ всѣ годы високосные: ясныхъ дней бываетъ среднимъ числомъ $80,_6$, облачныхъ $52,_7$, а пасмурныхъ, снѣжныхъ, дождливыхъ и туманныхъ $232,_7$,—въ суммѣ 366; помимо послѣдней цифры, возбуждаютъ сомнѣніе и ея слагаемыя, по которымъ климатъ нашего края оказывается въ родѣ лондонскаго; для провѣрки, не имѣя подъ рукой другихъ источниковъ, мы сосчитали по таблицамъ метеорологическихъ наблюденій въ Кіевѣ за 1874 годъ число дней, въ которыхъ облачность показана менѣе половины,—и ихъ оказалось 153, т. е. значительно болѣе, чѣмъ значится у г. Тарановскаго ясныхъ вмѣстѣ съ облачными.

Главные затѣмъ отдѣлы книги, т. е. справочные, имѣютъ, какъ кажется, хоть то достоинство, что списаны не съ печатнаго, не нуждались, поэтому, въ прикрываніи заимствованія и поэтому не подвергались искажающимъ передѣлкамъ и дополненіямъ. Судить о ихъ достоинствѣ, т. е. степени достовѣрности, довольно трудно, не имѣя никакихъ однородныхъ данныхъ для критической провѣрки. Мы и ограничимся только перечнемъ ихъ содержанія. Подъ рубрикой „административное дѣленіе", поименованы города трехъ губерній съ показаніемъ числа жителей по свѣдѣніямъ 1880 года, источникъ которыхъ, къ сожалѣнію, не указанъ; слѣдовало-бы здѣсь же показать и населеніе уѣздовъ. Далѣе слѣдуетъ дѣленіе уѣздовъ на станы, съ показаніемъ становой квартиры каждаго, а потомъ перечень волостей каждаго уѣзда по мировымъ участкамъ, указано при этомъ отношеніе участковаго дѣленія со становымъ. Напечатаніе этихъ свѣдѣній съ обозначеніемъ ихъ на приложенной картѣ во всякомъ случаѣ очень полезно, не для однихъ только канцелярій и „разъѣзжающихъ". Этого вовсе нельзя сказать о перечнѣ административныхъ, судебныхъ и военныхъ учрежденій края, который заключаетъ въ себѣ только названія учрежденій и положенныхъ въ нихъ по штату должностей, даже безъ числа послѣднихъ; если-бы были указаны адресы учрежденій и ихъ личный составъ, такой адресъ-календарь придалъ-бы цѣны справочной книжкѣ, безъ этого-же перечень представляетъ собою совершенно ненужный балластъ.

Третій отдѣлъ, „пути сообщенія по проселочнымъ дорогамъ края", содержитъ перечень земскихъ станцій и разстоянія отъ нихъ до ближайшихъ пунктовъ; свѣдѣнія эти въ печатномъ видѣ —новинка. Изъ нихъ мы узнаемъ впервые, что въ кіевской губерніи существуетъ 191 земская станція, въ подольской 198, въ волынской 227, всего въ краѣ 616. Конечно, дорожникъ не можетъ дать никакихъ отвѣтовъ на вопросы о существующихъ системахъ содержанія этихъ станцій, его стоимости, величинѣ налоговъ собственно на этотъ предметъ и т. д.; но онъ уже неумѣстно скупъ, не обозначивъ даже числа лошадей, которое могло бы дать косвенное нѣкоторое понятіе о размѣрахъ земско-почтовой повинности въ краѣ.

Въ отдѣлахъ о путяхъ шоссейныхъ, почтовыхъ, желѣзныхъ и водныхъ нѣтъ, конечно, ничего новаго, чего-бы не было въ почтовомъ дорожникѣ, въ росписаніяхъ поѣздовъ и пароходнаго движенія; здѣсь же помѣщены правила перевозки пассажировъ и

багажа. Болѣе интереса, по новизнѣ въ печати, представляетъ списокъ рѣчныхъ переправъ въ краѣ.

Седьмой отдѣлъ содержитъ въ себѣ перечень телеграфныхъ станцій съ тарифомъ внутренней корреспонденціи и почтовыхъ учрежденій съ правилами относительно частной корреспонденціи и почтовою таксою.

Въ концѣ книги приложены таблицы пространства населенія, движенія послѣдняго, учебныхъ заведеній и фабрикъ и заводовъ. Изъ картъ—одна общая, другая съ административными дѣленіями и пунктами, третья—съ линіями телеграфовъ и четвертая—желѣзнодорожная.

Безспорно, всѣ перечисленныя свѣдѣнія, собранныя въ одну книгу, дѣлаютъ ее очень полезною и часто необходимою для справокъ. Поэтому, конечно, мѣстный окружной штабъ и рекомендовалъ ее съ такой стороны войскамъ. Если бы г. Тарановскій далъ ей правильное и непретенціозное названіе „общаго дорожника юго-западнаго края“ и совершенно исключилъ изъ нея попытку „общаго очерка“, превышающаго его знанія и литературныя силы,—изданіе это заслуживало-бы похвалы, конечно, въ скромныхъ предѣлахъ удовлетворенія практической потребности.

P.S. Какъ ни плохъ „очеркъ“ г. Тарановскаго, и въ немъ случайно попалось небезъинтересное „зерно“. На стр. 14 о Днѣстрѣ говорится, что тамъ, гдѣ берега долины рѣки обрывисты, дно большею частью иловатое, глинистое, усыпанное мелкими камешками (рынь). Послѣдній терминъ, выражающій мѣстную особенность строенія дна, изъясняетъ вполнѣ лѣтописный текстъ о крещеніи Руси и о низверженіи перунова кумира, который „проидѣ сквозъ пороги, изверже и вѣтръ на *рьнь*, и оттолѣ прослу *Перуня рьнь*, якоже и до сего дне словеть“ (Лаврент. лѣт., въ Полн. Собр., т. I, стр. 50). Ив. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

I.

„ПОРУБЕЖНЫЯ ЛЮБЕЗНОСТИ".

Запорожье во все время своего существованія—какъ самостоятельная община, имѣло кромѣ заграничныхъ „порубежниковъ": татаръ и поляковъ, и ближнихъ единоплеменныхъ сосѣдей: донцовъ, малороссійскихъ козаковъ и русскіе гарнизоны. Сіи послѣдніе, разскинутые по крѣпостцамъ или „ретраншаментамъ", отъ Крылова на Днѣпрѣ до самой Новой Сѣчи, занимаемы были военными отрядами изъ регулярныхъ или гарнизонныхъ полковъ, подъ начальствомъ комендантовъ штабъ-офицерскаго чина. Состоя въ непосредственной командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, они были сторожевыми постами не только противъ ногайскихъ татаръ и польскихъ пограничныхъ „губернаторовъ" [1]), но наблюдали и надъ запорожскимъ войскомъ, которому наше правительство, послѣ измѣны Мазепы и Дорошенка, не вполнѣ довѣряло. Ближайшими къ войску были: старо-сѣченскій, кодацкій, усть-самарскій и ново-сѣченскій ретраншаменты.

Съ донцами Запорожье имѣло постоянныя, а иногда весьма кровавыя столкновенія, преимущественно въ Калміуской Паланкѣ,

[1]) «Губернаторами» назывались управляющіе, большею частію военные, имѣніями «украинскихъ» вельможъ: кн. Яблоновскихъ, Любомирскихъ, гр. Потоцкихъ и др.

за рыбныя ловли на косахъ Азовскаго моря, особенно близъ устьевъ Дона, Ей и Калміуса [1]).

Съ малороссійскимъ начальствомъ и козаками запорожцы спорили за „вольности", т. е. богатыя степи на устьяхъ Орели, Самары и другихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Днѣпръ, гдѣ, безъ позволенія Коша, украинцы заводили себѣ не только хутора и зимовники, но и цѣлыя селенія. Хотя запорожцы старались всѣми силами сохранять дружескія сношенія съ своими заднѣпровскими братьями, но иногда случались столкновенія серьезныя, а чаще трагикомическія, и одно изъ такихъ событій мы выписываемъ буквально изъ спасенныхъ нами обрывковъ архива „послѣдняго Коша запорожскаго".

Въ іюнѣ 1752 года праздновали въ Сѣчи день святыхъ Петра и Павла и, слѣдственно, именины кошеваго атамана *Павла Иванова (Козелецкаго)*. По этому случаю было много гостей и въ числѣ ихъ товарищи депутаціи, присланной для опредѣленія малороссійскихъ запорожскихъ границъ: полтавскій эссаулъ *Яковъ Козельскій* и сотникъ *Василій Зарудный*. И вотъ что случилось въ этотъ двойной церковный и войсковой праздникъ, какъ видно изъ донесенія Коша къ „ясне-вельможному" малороссійскому гетману.

1752 года іюня 30 дня.

„Отъ насъ ниже подписанныя дана сія въ войсковую войска запорожскаго низоваго канцелярію подписка въ томъ, что сего іюня въ 29 день, ради торжества, по отправленіи молебнаго пѣнія, бывшій господинъ Кошовій *Якимъ Игнатовичъ* просилъ какъ атамана Кошеваго съ старшиною, такъ и насъ, въ томъ числѣ и сотника *Василія Зарудная* въ свою квартиру, гдѣ онъ, сотникъ Зарудный, въ квартерѣ господина Игнатовича первѣе хрустальный „креденцъ" [2]) побилъ, сказывая: „велено де вамъ войску самарскія *вольности* (степи) межевать, а и по сія поры не межовано, за что нынѣ „и репримендовать васъ веленожъ". А потому атамана Кошеваго Павла Иванова съ старшиною называлъ „ворами и плутами, „и въ войску де нѣтъ добраго состоянія ни единаго человѣка". По отходѣ же атамана Кошеваго Павла Иванова, войсковаго писаря

---

[1]) Р. Калміусъ, впадающая близъ Маріуполя въ Азовское море, отдѣляетъ и теперь Ново-Россію отъ донской земли.

[2]) Креденцъ—приборъ хрустальныхъ штофиковъ для водокъ.

Димитрія Романовскаго шельмою и дуракомъ называлъ-же, и въ щеку, безъ всякой винности, при всей компаніи вдарилъ; такожь и бывшаго атамана Кошеваго Якима Игнатовича за волосы терзалъ. О чемъ въ войсковую канцелярію о причиненной имъ сотникомъ Зарудным, въ квартерѣ господина Игнатовича, обидѣ письменнаго свидѣтельства въ Кошъ требовано, по которому его сотника отважнымъ, напившись до пьяна, недобропорядочнымъ поступкамъ, гдѣ повелено будетъ, засвидѣтельствовать имѣемъ, на томъ и подписуемся".

Чѣмъ кончилось такое любезное обхожденіе господина сотника за гостепріимство въ обществѣ запорожской старшины, объ этомъ свѣдѣній въ архивѣ не оказалось. Но вотъ другое произшествіе, тоже достойное вниманія, какъ образчикъ внутреннихъ хлопотъ нашего славнаго низоваго войска.

Въ бытность кошеваго Петра Калнишевскаго въ 1768 году въ Петербургѣ, съ депутатами отъ войска, для опредѣленія границъ и рѣшенія споровъ о земляхъ запорожскихъ, отобранныхъ подъ ново-сербское поселеніе, получены были не разъ жалобы коменданта ново-сѣченскаго ретраншамента: онъ жалуется, что козаки истоптали всѣ окопы, переломали рогатки, пускаютъ скотъ во рвы и ходятъ въ укрѣпленія безъ позволенія карауловъ. Въ этомъ ретраншаментѣ [2]), по случаю какого-то праздника, были гости и въ томъ числѣ запорожскій старшина и переводчикъ Андрей Константиновъ, и вотъ что онъ доноситъ кошевому начальству:

„1768 года апрѣля 26 дня былъ я нижеименованный въ ново-сѣченскомъ ретраншаментѣ, на квартирѣ господина прапорщика елецкаго пѣхотнаго полку *Костина*, въ компаніи, въ которой находились господина маіора *Мыкульшина* [1]) жена, капитанъ *Мошонов* съ женою, находячій при томъ-же ретраншаментѣ за адъютанта подпоручикъ бѣлевскаго пѣхотнаго полку *Бѣлозерскій*, да запорожскіе козаки: куреня титоровскаго Якимъ Косый и Савва Губа. Гдѣ будучи капитанъ *Мошоновъ* нѣсколько пьянъ, между прочимъ разговоромъ бранилъ безпричинно его вельможность, господина

[1]) Въ селеніи *Покровскомъ* екатеринославской губерніи и уѣзда, на пепелищѣ бывшей Новой-Сѣчи, видны доселѣ остатки валовъ этого мелкаго укрѣпленія.

[2]) Комендантъ ретраншамента.

Кошеваго Петра Ивановича Калнишевскаго поносительными словами, а именно: въ первыхъ назвалъ „мужикомъ несмысленнымъ“, приговаривалъ многократно: „что де я самъ лучше его, я де плюю на его“; повторяя сію рѣчь стократно, продолжалъ бранить матерщино съ произношеніемъ негодныхъ словъ. При томъ примолвилъ, что де онъ „былъ уже въ моей командѣ и паки де будетъ“. Наконецъ говорилъ онъ, Мошоновъ, что де „вашего Кошеваго въ Петербургѣ хотѣли повѣсить на висѣлицѣ, или въ ссылку сослать, и въ ландугахъ (цѣпяхъ) его скованнаго держали“. И когда ему я и адъютантъ говорили, что это несправедливо ему кто ни на есть пересказалъ и что сего не было: то упомянутый капитанъ утверждая, что такъ точно, какъ онъ сказываетъ, еще произносилъ для чести его вельможности несносные укоризны. А понеже, какъ выше значитъ, при семъ былъ я и выше прописанные свидѣтели, слушавъ съ огорченіемъ въ несносной обидѣ своего командира такія поношенія: для того, повѣренный къ охраненію моего командира чести должности, симъ Кошу войска запорожскаго представляю. А что все вышеписанное справедливо, въ томъ безъ всякаго пристрастія, при случившихся тамо вышеписанныхъ свидѣтеляхъ, утверждаю“.

Войска запорожскаго низоваго переводчикъ *Андрей Константиновъ* [1]).

Такая обида Кошевому и войску взволновала все Запорожье; собралась „рада“ изъ старшины и куренныхъ атамановъ и рѣшила послать 31 мая 1768 года жалобу о горестномъ событіи кіевскому генералъ-губернатору Воейкову. 30 іюня того-же года генералъ Воейковъ отвѣчалъ козакамъ, что онъ не медля „о поношеніи чести такой“ поважной особѣ, какъ кошевой атаманъ, къ непріятнымъ слѣдствіямъ поводомъ быть могущемъ, донесъ графу Румянцеву и просилъ капитана Мошонова предать военному суду и тѣмъ надлежащее удовольствіе обиженному кошевому доставить, дабы другіе, смотря на то, впредь отъ такого подлаго и съ офицерскимъ достоинствомъ неприличнаго поползновенія удерживаться побуждены быть могли“.

Чѣмъ кончилось и это дѣло, въ бумагахъ сѣчеваго архива никакого свѣдѣнія мы не нашли.

---

[1]) *Андрей Константиновъ* былъ войсковымъ переводчикомъ татарскаго и турецкаго языковъ и агентомъ для пограничныхъ сношеній.

А вотъ любезности съ польскаго рубежа. Въ запорожскомъ архивѣ мы нашли цѣлые десятки документовъ 1740-хъ годовъ о спорахъ и даже кровавыхъ столкновеніяхъ между козаками и польскими пограничными „губернаторами", которые ясно доказываютъ источникъ тѣхъ ужасныхъ событій, которыя, двадцать лѣтъ послѣ, произвели уманскую рѣзню. Изъ одной „промеморіи" кошеваго Якима Игнатовича отъ 19 сентября 1749 года, посланной кіевскому начальству, видно, что съ 1733 по 1749 годъ польскіе губернаторы уманскаго, лысянскаго, смѣляпскаго и другихъ „замковъ", особенно-же гг. *Станиславъ Костка-Ортынскій*, *Михаилъ Закревскій* и *Антонъ Табанъ*, повѣсили 230 козаковъ, отнявъ у нихъ лошадей, воловъ, рыбы, оружія и пожитковъ на 27,513 рублей, что по цѣнности денегъ того времени составляло болѣе, чѣмъ нынѣшнихъ сто тысячъ рублей.

Для примѣра приводимъ оффиціальное донесеніе объ одномъ изъ такихъ польскихъ подвиговъ:

„Въ 1748 году донскаго куреня козаковъ, слѣдующихъ изъ днѣстровскаго похода, зазвавши командующій въ Умани прозваніемъ *Табанъ* съ поляками въ дворъ, якобы для удовольствія ихъ харчми или за чѣмъ другимъ, и поотбиравши: ружье, лошадей, одежу и деньги, Мартына *Гончара*, Трофима *Ярового*, Афанасія *Опатого*, Андрея *Дона*, Михаила *Долатого* и другихъ повѣшали".

Предлагаемъ также образчикъ любезной сосѣдской корреспонденціи съ того-же рубежа:

Мосци пане [1]) Кошовій низоваго запорожскаго войска, мой пріятель!

„Письмо отъ В. М. М. Пана ко мнѣ отписанное сего 1752 года, мѣсяца августа остатнихъ чиселъ, получилъ я, въ которомъ В. М. М. изволите отписывать, яко не только моего хлопця именемъ *Остапка*, але и козака именемъ *Саморьднаго* въ вашемъ войску запорожскому, при которомъ оній хлопецъ зостаетъ, не

---

[1]) *Mosci panié* самая неучтивая формула въ письменныхъ сношеніяхъ поляковъ; обыкновенно всѣ пограничные «губернаторы» и даже знатные польскіе вельможи называли кошевыхъ въ своихъ письмахъ «высокопочтенными» или «вельможными». Даже главнокомандующіе гр. Румянцевъ или князь Долгорукій такъ ихъ титуловали.

отпытано. Въ чемъ не знаю, чи я, чили В. М. М. Панъ изволите обманываться; понежъ я не объ Самородному, но объ *Яцку Безродному* до В. М. М. писалъ, ибо оній Безродній, будучи въ Нѣжинѣ прошедшаго 1751 года на ярмарку, о Покровѣ пресвятой Богородицы, съ прочими своими компанистами, самъ онаго хлопця Остапа отъ мене къ себѣ одмовилъ (переманилъ). О чемъ и не зналъ бы я, еслибъ самъ онъ Безродній чрезъ многихъ нашихъ богуславскихъ людей (которые-те люде сами на свои очи онаго хлопця при немъ служащаго бачили),—ко мнѣ многократно не наказывалъ: дабы я, „пославши що-нибудь въ даровизну, онаго Остапка къ себѣ отобралъ". А наконецъ чрезъ Филиппа Голобородченка, который В. М. Пану и листъ оній, отъ мене посланній вручивъ, такъ предъ тимъ наказывалъ: „скажи же панови своему, нехай онъ мені пару жупанівъ перешле, а по Остапка нехай присылае, то я его отдамъ ему". За чимъ повторнымъ листомъ В. М. М. Пана прошу оному Яцку Безродному приказати, дабы онъ минѣ моего хлопця Остапка безъ турбаціи отдалъ. Впротчемъ, если бы В. М. М. Пане изволили вѣдать, въ якомъ оній Остапко заводѣ знаходится, то бы и сами его задерживать не похотѣли, ибо оній Остапко совсѣмъ, то есть, что я на изученіе его вытративъ и что (онъ) у мене въ Нѣжинѣ, на тотъ часъ, какъ его отъ мене Безродній отмовилъ, уворовалъ,—больше коштуетъ (стоитъ), нежели 700 рублевъ. Значитъ, или оную мнѣ утрату изволите пополнить, или онаго моего злочинца (преступника) Остапка прошу выдати, бо вора вездѣ во всѣхъ народахъ пограничныхъ не заступаютъ (не защищаютъ). Ежели же самоизвольно не изволите выдати, то чрезъ листъ отъ ясне вельможнаго е. м. господина гетмана, къ вамъ имѣчій прислатися, съ дальшею турбаціею и большею утратою, принуждены будете отдати.

„Что же В. М. М. Пане изволите въ листѣ своемъ насъ въ запорожскую службу запрашивати,—отписую: еслибъ я былъ воръ, альбо разбойникъ или якій гультай (негодяй) или драпѣжца (грабитель), если бы я похотѣлъ оныхъ рицерствъ степовыхъ по за комышами доказывати и не только худобу (имущества), але и жизни людемъ отбирати, то бы можетъ на службу вашую и дався. А понеже я подъ знакомъ (знаменемъ) коруннымъ и безъ того „товарищемъ" состою [1]), оной вашей службы не же-

[1]) Въ Польшѣ, кромѣ небольшаго числа регулярныхъ войскъ, была пограничная стража, называемая gwardiia narodowa (гвардія народова), состоявшая изъ

лаю. Хотя же, може, и обрѣтается у васъ якій гультай, который полякомъ называется, але онъ не есть полякъ, только ровній вашъ; бо онъ польскимъ языкомъ только срастаетъ, а въ самой силѣ подобный вамъ, а не полякъ: за чимъ не мене, але подобнаго себя охотника въ службу запорожскую запрашивайте, але не мене. Теперь мене-жъ безъ большой турбаціи и утрати успокоить прошу.

„Наконецъ В. М. М. Пане навсегда зостаю приятелемъ зичливымъ.

„Михаилъ Клечковскій".

2 сентября 1752 года.

З замку Богуславского [1]).

Кошъ опредѣлилъ: хлопця отъ „вельможностей" войсковыхъ въ паньскую неволю не отдавать.

Любезность польскаго порубежника, въ отвѣтъ на радушное приглашеніе сдѣлаться низовымъ козакомъ „на защиту христіанства противъ басурманъ",—тѣмъ любопытнѣе или, лучше сказать, смѣшнѣе, что 20 лѣтъ послѣ такіе вельможи, какъ кіевскій генералъ-губернаторъ *Глѣбовъ*, *Кочубей*, графъ *Панинъ*, князь *Прозоровскій*, графъ *Остерманъ*, даже Потемкинъ вступали охотно въ запорожское войско, и имъ выдавались аттестаты отъ избранныхъ ими куреней. Вотъ подлинный такой „аттестатъ", выданный знаменитому академику Эйлеру, посѣщавшему Сѣчь съ ученою цѣлью въ 1770-хъ годахъ.

А Т Т Е С Т А Т Ъ.

„Астрономической экспедиціи главный предводитель, артиллеріи бомбардирскаго полку господинъ поручикъ, *Христофоръ Леонтіевъ Эйлеръ*, въ пріѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь запорожскую, по его прошенію, въ войско запорожское, въ число

хоругвей (знаковъ), то есть отрядовъ дворянъ, служащихъ на свой счетъ, которые назывались товарищами (towarzysze); отряды, набранные королемъ, гетманами и епископами, назывались почетными знаками (znaki powazne) и были «коронные», т. е. польскіе и литовскіе.

[1]) «З замку Богуславского». Богуславъ — г. кіевской губерніи, имѣніе князей Яблоновскихъ, имѣлъ, подобно всѣмъ другимъ украинскимъ городамъ и мѣстечкамъ, небольшое укрѣпленіе вокругъ помѣщичьяго дому, и отъ того назывался «замкомъ».

куреня Кущевскаго товарищей, принятъ и между товарищество того куреня, на всегдашнее изчисленіе въ куренные регестры, съ нижеписаннаго числа записанъ. Для чего ему, г. поручику Эйдеру, когда гдѣ надобность укажетъ объявленія, сей аттестатъ изъ Коша войска запорожскаго низоваго при подписаніи и печати войсковой выданъ. Въ Сѣчи запорожской августа 4 дня 1770 года".

(М. П.) Слѣдуетъ подпись:

„Войска запорожскаго низоваго кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій, съ старшиною и товариществомъ".

А. Скальковскій.

ОТЕЦЪ АПОЛЛОНІЙ СЕНДУЛЬСКІЙ,

СВЯЩЕННИКЪ СЕЛА СИВОКЪ ОСТРОЖСКАГО УѢЗДА.

(Некрологъ) *).

Отецъ Аполлоній Сендульскій былъ въ высшей степени выдающаяся личность. Въ немъ счастливо соединились прекрасный человѣкъ, образцовый священникъ—пастырь, незаурядный дѣятель—администраторъ и выдающійся мѣстный ученый—историкъ.

Лучшая пора жизни отца Аполлонія Сендульскаго совпала съ началомъ 60 годовъ, когда, послѣ послѣдняго польскаго возстанія, у правительства и всего образованнаго русскаго народа вспыхнула любовь къ забытой—было русской части народонаселенія

*) Считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность почтенному Ал. Тарнавскому за сообщеніе намъ его теплаго слова о скромномъ и неизвѣстномъ, но достойномъ самой свѣтлой памяти мѣстномъ дѣятелѣ въ области жизни и исторіи. Сожалѣемъ вмѣстѣ съ нимъ, что это столь интересное и на многія размышленія наводящее сообщеніе слишкомъ долго въ незаслуженномъ небреженіи пролежало въ одной изъ мѣстныхъ редакцій и является потому запоздалымъ. Присоединяемся къ его желанію, чтобы монографіи о. Сендульскаго были изданы и получили общую извѣстность. Каковы-бы ни были ихъ научныя достоинства, но они могутъ дать много новаго матеріала для мѣстной исторіи, а число ихъ велико (до 40), и всѣ онѣ касаются мѣстностей, имѣющихъ несомнѣнное историческое значеніе. Мы имѣя уже случай высказать, что чѣмъ болѣе будетъ раздроблена разработка мѣстной исторіи, тѣмъ болѣе выиграетъ отъ того наша историческая наука.—Р е д.

его вѣрѣ, попираемой иновѣрными пришельцами, и историческимъ мѣстностямъ и памятникамъ, приходившимъ въ большую и большую ветхость, а то и совсѣмъ въ разрушеніе и забвеніе.

Истинно-русская и глубоко православная душа отца Аполлонія не могла не откликнуться на призывъ—поднимать мѣстное народонаселеніе въ религіозно-національномъ и экономическомъ направленіяхъ. Отецъ Аполлоній Сендульскій изо всѣхъ силъ сталъ трудиться, чтобы исполнить долгъ православнаго пастыря и русскаго человѣка. Не смотря на многочисленность семьи (самый употребительный предлогъ для отказа отъ самоотверженной дѣятельности), не смотря на занятія по приходу, выражавшіяся не однимъ требоисправленіемъ, но и проповѣдью, и словесною, а нерѣдко и денежною помощью бѣднякамъ-прихожанамъ; не смотря на занятія по выборнымъ должностямъ, то члена семинарскаго правленія, то члена окружнаго училищнаго съѣзда, то предсѣдателя епархіальнаго съѣзда, не смотря на хлопоты по постройкѣ церкви въ своемъ приходѣ,—отецъ Аполлоній Сендульскій не переставалъ трудиться надъ увеличеніемъ тѣхъ познаній, которыя онъ пріобрѣлъ во время прохожденія семинарскаго курса. Отецъ Аполлоній Сендульскій вообще имѣлъ склонность къ занятію исторіей, а пережитыя краемъ и въ частности имъ самимъ событія—освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшее послѣ 1863 года общее освобожденіе края отъ многовѣковаго гнета — польщизны и католицизма, еще болѣе побудили его отдаться изученію мѣстной исторіи, историческихъ мѣстностей, памятниковъ и пр.

Историческія занятія не легки въ большомъ городѣ, представляющемъ собою крупный мѣстный центръ; а въ селѣ глухомъ, крошечномъ, отдаленномъ даже отъ уѣзднаго города, историческія занятія еще болѣе тяжелы, нерѣдко вовсе невозможны. Отецъ Аполлоній не зналъ однако невозможнаго и твердо, неустанно и послѣдовательно шелъ къ намѣченной цѣли—разработкѣ мѣстной исторіи, въ отношеніи къ существующимъ и исчезнувшимъ мѣстностямъ и памятникамъ православной Волыни. Открыть, выяснить и доказать въ изслѣдуемой мѣстности и памятникѣ остатки православія—вотъ та цѣль, къ достиженію которой стремился отецъ Аполлоній Сендульскій. Для достиженія этой цѣли отецъ Аполлоній не мало потратилъ времени, денегъ, труда и здоровья. За то не мало оста-

вилъ послѣ себя памятниковъ. Начавъ съ исторіи села Сивокъ, своего прихода,—перваго печатнаго труда, появившагося на страницахъ мѣстныхъ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", въ 1868 году, отецъ Аполлоній перешелъ къ изслѣдованію сосѣднихъ мѣстностей, селъ, мѣстечекъ, городовъ и монастырей и неустанно работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Вотъ перечень историческихъ трудовъ отца Аполлонія Сендульскаго: „Мѣстечко Ляховцы острожскаго уѣзда", „Село Тихомль", „Мѣстечко Ямполь", „Мѣстечко Шумскъ", „Мѣстечко Рахмановъ", „Краткія историческія свѣдѣнія о православномъ валевскомъ монастырѣ", нынѣ не существующемъ, „Историческія свѣдѣнія о православныхъ церквахъ и монастыряхъ въ г. Луцкѣ", нынѣ не существующихъ, „Мѣстечко Вишневецъ", „Татаринецкій мужескій монастырь, бывшій вблизи с. Обычи", нынѣ не существующій, „Село Суражъ", „Село Стожокъ", „Городъ Луцкъ", „Городъ Кременецъ", „Село Поляховка", „Село Городище", „Городъ Заславль", „Преподобный Іовъ, игуменъ почаевскій", „Городъ Овручъ", „Городъ Дубно", „Загаецкій монастырь", „Мѣстечко Бѣлокриница", „Мѣстечко Боремль", „Мѣстечко Олыка", „Мѣстечко Четвертня", „Мѣстечко Чарторыйскъ", „Мѣстечко Берестечко", „Городъ Ровно", „Мѣстечко Искорость", „Мѣстечко Пересопница", „Мѣстечко Клевань", „Мѣстечко Корецъ", „Мѣстечко Вышгородокъ", „Городъ Острогъ", „Мѣстечко Полонное", „Мѣстечко Домбровица", „Изъ наблюденій сельскаго священника", „Записка о постройкѣ новой церкви въ селѣ Сивкахъ, острожскаго уѣзда, во имя преподобнаго Ѳеодора, князя острожскаго". Всѣ эти работы напечатаны въ промежутокъ времени между 1868 годомъ и началомъ нынѣшняго 1882 года. „Городъ Острогъ", „Мѣстечко Полонное" печатались уже послѣ смерти ихъ автора. Кромѣ напечатанныхъ историческихъ статей, отецъ Аполлоній помѣщалъ въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" не мало своихъ проповѣдей, отличавшихся краткостью и, употребляя гомилетическое выраженіе, елейностью. Но литературная дѣятельность отца Аполлонія Сендульскаго не ограничивалась перечисленными трудами. Онъ велъ „лѣтопись" своего прихода; въ нее онъ вносилъ все замѣчательное, какъ-то: особенныя событія и случаи, наблюденія надъ жизнію крестьянъ, статистическія свѣдѣнія о приходѣ и метеорологическія наблюденія. Послѣ отца Аполлонія осталась написанная имъ-же самимъ „Авто-

біографія“ и множество рукописнаго матеріала, между прочимъ двѣ приготовленныя къ печати статьи: „Мѣстечко Лабунь“ и „Мѣстечко Степань“, и обширная библіотека, состоящая преимущественно изъ книгъ историческаго содержанія.

Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы всѣ сочиненія отца Аполлонія были напечатаны въ отдѣльномъ изданіи и пущены въ продажу. За это дѣло слѣдовало-бы взяться редакціи „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и, въ случаѣ неимѣнія средства на изданіе, выполнить его при содѣйствіи епархіальной власти и типографіи почаевской лавры. Изданіе всѣхъ сочиненій отца Аполлонія въ видѣ книги было-бы лучшимъ памятникомъ покойному и немалою поддержкою его осиротѣвшей семьѣ.

Трудясь на поприщѣ литературной дѣятельности, отецъ Аполлоній не забывалъ прямыхъ обязанностей священника. Въ отношеніи крестьянъ онъ былъ „добрый пастырь“—помогалъ своимъ прихожанамъ не только словомъ, но и дѣломъ, т. е. деньгами. Не мало семействъ избавлено было отцомъ Аполлоніемъ отъ еврейской кабалы. Но особенную заботу прилагалъ отецъ Аполлоній къ устройству церкви въ своемъ приходѣ. Такъ какъ средства прихода были недостаточны для постройки храма, то от. Аполлоній прибѣгнулъ къ помощи церковно-строительнаго комитета и... вдоволь намучился, пока не одержалъ побѣды надъ комитетомъ. Эта любопытная исторія изложена отцомъ Аполлоніемъ въ „Запискѣ“ и помѣщена въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1879 годъ. Выстроенный отцомъ Аполлоніемъ храмъ освященъ въ честь преподобнаго Ѳеодора, князя острожскаго. Если не считать придѣла въ церкви Кирилло-Меѳодіевскаго острожскаго братства, освященнаго въ честь молитвенника за Острогъ и Волынь, то церковь въ селѣ Сивкахъ есть единственная въ честь преподобнаго Ѳеодора, заступника Волыни.

Не мало потрудился отецъ Аполлоній и для своего роднаго сословія, служа по выборамъ въ должностяхъ: сначала члена правленія семинаріи, для чего ѣздилъ въ Кременецъ за 50 верстъ, потомъ члена окружнаго училищнаго съѣзда, потомъ члена и наконецъ предсѣдателя епархіальнаго съѣзда. Во время исполненія этихъ должностей отецъ Аполлоній переносилъ большія непріятности отъ своихъ-же собратій—духовенства, въ особенности

въ послѣднее время, когда обсуждались вопросы о расширеніи житомірскаго духовнаго женскаго училища и объ открытіи такого-же въ Кременцѣ. Отецъ Аполлоній стоялъ за рѣшеніе этихъ вопросовъ въ утвердительномъ смыслѣ, а духовенство шло противъ, потому что не желало разстаться съ нѣсколькими рублями. Своею прямотою и откровенностію от. Аполлоній отличался и въ частной жизни, отъ того не многіе понимали его самоотверженную дѣятельность и строгое исполненіе обязанностей.

Отецъ Аполлоній умеръ 7 января 1882 года послѣ тяжкой болѣзни, которая, однако, не мѣшала его сильной волѣ исполнять обязанности священника: изнемогая отъ болѣзни, не имѣя силъ и голоса, отецъ Аполлоній служилъ 25 декабря за 13 дней до смерти. Такъ сильна была воля покойнаго и такъ самоотверженно исполнялъ онъ свои обязанности!

Вѣчная память имени скромнаго сельскаго дѣятеля!

Ал. Тарнавскій.

ДВѢ ЗАПИСКИ СВ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

О ПРІЕМѢ И СДАЧѢ ИМЪ ЕЛЕЦКАГО ЧЕРНИГОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Это тѣ именно записки, которыя г. Кулжинскій принялъ за дневникъ св. Димитрія, рисующій внутреннюю жизнь монастыря. Хотя онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что привыкли мы называть дневникомъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано много данныхъ, не лишенныхъ значенія для исторіи того времени и наводящихъ на мысль о самой жизни монастыря,—той жизни, къ которой относятся слова Христа Спасителя: *идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ.* Мы видимъ здѣсь и самаго святителя въ роли главнаго хозяина монастыря, не забывающаго и тлѣнныхъ міра сего: *человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ,* какъ замѣтилъ ап. Іаковъ о пророкѣ Ілiѣ, но... *молитвою молися,* о Богѣ и высшей жизни не забывалъ, среди неизбѣжныхъ заботъ мірскихъ, и стяжалъ себѣ имя великаго святителя, которое благоговѣйно чтитъ вся земля русская. Мы видимъ въ запискахъ, кромѣ монеты въ разныхъ видахъ, много животныхъ и для пищи пригодныхъ; но пусть это не вводитъ кого-либо въ соблазнъ: монастырская братія того вре-

мени не нарушала обычаевъ всегдашняго поста; всѣ эти вепри и поросята, овцы и телята, гуси и подобная дробь разводились не для братскаго стола, но какъ предметъ промысла; одной „горѣлки“ добивалась и на недостатокъ или дурное качество оной жаловалась нерѣдко тогдашняя братія, и на это часто можно натыкаться въ монастырскихъ архивахъ.—Мы находимъ наконецъ въ запискахъ данныя о денежныхъ средствахъ монастыря и ихъ источникахъ, о мѣстахъ, размѣрахъ и особенностяхъ монастырскаго хозяйства, о денежныхъ знакахъ, мѣрахъ хлѣбныхъ и проч. Но и, кромѣ указаннаго нами, читатель найдетъ еще нѣкоторыя любопытныя частности въ самыхъ запискахъ, составляющихъ автографъ святителя.

I. Записка о пріемѣ монастыря.

Року 1697, мѣсяца іюня: принявши архимандрію елецкую черниговскую, зревѣдовалисмо скринку скарбцовую, зличили въ ней талеровъ битыхъ сто, 1,000 золотыхъ чехами, а остатокъ чеховъ велѣлисмо отцу Генадію шафару взяти до шафованя на монастырскіи расходы.

Затѣмъ написаны и зачеркнуты красными чернилами слѣдующія слова: въ той-же скринци особно положено пани Полуботковыхъ грошей червонныхъ гнутыхъ 15, а чехами копа. *Вмѣсто зачеркнутаго написано краснымъ черниломъ:*

NB. Року 1698, ноября 4, умерла старая Полуботчиха и взято тихъ грошей назадъ, тилько дано 5 червонихъ до скринки, а три капрошанамъ.

Того-жъ году (1697) предъ Покровою пресвятой Богородицы, якъ выбираемся въ дорогу до Батурина и Глухова, а братія о належитое себѣ зажитое просили, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же мало есть у него грошей, теды на прошенія ихъ выдалемъ з скринки сей чехами золотыхъ двѣстѣ.

Того-жъ часу отецъ намѣстникъ Ипполитъ, ѣдучи до Нѣжина къ Покровѣ пресвятой Богородицы, на ярмарокъ, же яко отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, что не было иншихъ въ монастыру грошей, теды з сеенжъ скринки взялъ золотыхъ 60.

Якъ вернулемся зъ Глухова въ Филиповъ постъ, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же отнюдъ не маетъ грошей, теды зъ сеей скринки давано на расходы, и вышло золотыхъ 34 и шаговъ три.

Того-жъ году 1697, декабря 22, учинилисмо нового шафара брата Іноκентія діякона, далисмо ему зъ сихъ же грошей до шафованія золотыхъ сто. Бо отъ отца Генадія, якъ здавалъ зъ себе шафарство, не взялемъ грошей большъ, тилько полодинадцата шагачехами, а остатковъ было 7 золотыхъ и шеляговъ щось трохи.

Року 1698, января мѣсяца, взялисмо зъ сихъ-же скарбцовыхъ грошей на соль золотыхъ сто, и купилисмо соли московской гуртомъ за цѣлие сто золотыхъ.

Мѣсяца апрѣля, предъ въѣханемъ нашимъ отсюдже выдали золотыхъ 50 на расходы, бо згола нѣотколь взяти.

NB. А такъ зъ сумы лежачои вышло грошей золотыхъ 544 и шаговъ три.

На потимъ еще въ року 1699, въ зимѣ, закуповуючи вѣтраного, взялисмо зъ скарбцовыхъ грошей золотыхъ сто, а прочее платилисмо грошми пана бунчуковаго, который далъ былъ зъ побожности своей на манастырь полтораста золотыхъ.

II. Записка о сдачѣ монастыря.

Року 1699, сентемврія 17. Отъѣжжаючи зъ монастыря елецкаго, оставляю господарство такое:

Въ Овдѣевци посѣяли жита осмачокъ 7 и четверикъ, а осталося немолоченого жита копъ 100 и семьдесятъ; быдла рогатого семьдесятъ и трое, овечокъ шестьдесятъ и осмеро, телятъ тридцатеро и одно, коней четвонадцатеро, свиней 13, гусей 60, овса копъ сорокъ, ячменю копъ 4, сѣна стоговъ добрыхъ 11.

Въ Горбовѣ посѣяли осмачокъ семь жита, а зосталося копъ 100 и тридцать, овса копъ двадцать, сѣна скиртъ 5.

Въ Серединци посѣяли осмачокъ десять, а зосталося немолоченаго копъ 30, овса копъ тридцать и три, ячменю копъ 21, гороху, що всюди есть, копицъ 170, проса въ монастырю и на Святомъ копъ 25, гречка ще не кошена.

Въ Серединци коней два и кляча, воловъ девять и телица, свиней трое, гусей 12, сѣна двѣ скирти и стоговъ добрихъ осмь, а еще сѣножатей некошеныхъ на толькижъ буде.

Дерева тамже на два млины рѣзанаго и тертицъ пятьдесятъ и палей дубовыхъ двадцать.

Въ монастиру сѣна стирта и два стоги великихъ.

На Святомъ коровъ три, телятъ 4, гусей з двадцать.

Въ Рижикахъ казановъ 4, пять новыхъ дома, свиней 30, въ сажи три вепри, поросятъ з двадцать, гусей двадцать и конь одинъ.

Въ пасѣци подъ Папоровкою пчолъ на зиму оставлено двадцать осмь.

Въ монастиру коней монастирскихъ семеро, а моихъ власныхъ оставляю шестеро. Рыдванъ, коляса пароконная и коляска одноконная, полубъ пароконный и полубѣцъ одноконный, шоръ паръ три зовсѣмъ.

Въ церквѣ аппарата, книги, сребро все ведлугъ давнихъ реестровъ + паламарскихъ + вцѣлости.

Прибыло стихаровъ священническихъ, отъ пани обозной давихъ, два. Ризы пана обознаго злотоглавыи и епитрахиль. Ризы чорныи зъ золотымъ крестомъ.

Въ трапезѣ, въ кухнѣ, весь посудокъ ведлугъ давнихъ трапезнихъ реестровъ в цѣлости.

Прибыла книга до трапезы житій святыхъ декабрь, январь, февраль по небожчику Іннокентію дякону.

Прибыла до церкви книга уставъ.

Въ скарбцу церковномъ грошей въ доброй монетѣ въ червонихъ и талярахъ 1,000 золотихъ и 300, а особливе гетманскихъ чехами золотихъ 300.

Въ Копачевѣ и Надиновци закупилисмо вѣтраного, дали копъ сто, за часть млина его, и за дворъ, и за сѣножати, и за всѣ его добра лежачіи.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Въ с. Сулимовкѣ, переяславскаго уѣзда, въ усадьбѣ Ал. Андр. Войцеховича, хранятся четыре портрета, на которыхъ изображены:

30) *Иванъ Федоровичъ Сулима*, генеральный хорунжій, умершій въ 1721 г., на работахъ ладожскаго канала. Тѣло его было привезено въ родную Сулимовку, какъ говоритъ семейное преданіе, въ выдолбленной и осмоленной сосновой колодѣ, въ которой противъ лица умершаго, выставлено было стекло. Въ этой самой колодѣ хорунжій былъ и погребенъ въ склепу сулимовской церкви.

*) «Кіевская Старина», май, 337 и сентябрь, 557.

31) *Марья Павловна Сулима,* жена предыдущаго, дочь Павла Полуботка. Умерла въ 1729 г.

32) *Семенъ Ивановичъ Сулима*, переяславскій полковникъ 1739+1766, сынъ предыдущихъ. Нарисованъ въ бѣломъ кунтушѣ, съ перначемъ въ рукѣ.

Всѣ три портрета представляютъ собою подлинники, довольно плохо впрочемъ сохранившіеся. Ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ надписей, и указаніе на принадлежность ихъ означеннымъ лицамъ сдѣлано нами со словъ Пр. М. Артемьевой [1]), происходящей изъ рода Сулимъ и хорошо знакомой съ семейными преданіями своего рода.

33) *Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ,* черниговскій полковникъ. Въ первой нашей замѣткѣ о малороссійскихъ портретахъ („Кіевск. Старина", май), указывая на два портрета Полуботковъ, хранящихся у гр. Гр. А. Милорадовича, мы сказали, между прочимъ, что по неимѣнію надписей, нельзя опредѣлить, который изъ двухъ изображаетъ Леонтія (отца), а который Павла (сына). Теперь съ достовѣрностью можно сказать, что портретъ будто бы Павла Полуботка, приложенный ко всѣмъ тремъ изданіямъ Исторіи Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго, изображаетъ не Павла, а должно быть отца его—Леонтія, бывшаго при Самойловичѣ переяславскимъ полковникомъ. Портретъ, находящійся у А. А. Войцеховича, имѣетъ на оборотной сторонѣ надпись, указывающую, что это портретъ—Павла Полуботка. Портретъ этотъ—двойникъ одного изъ Полуботковскихъ портретовъ, хранящихся у гр. Милорадовича, и двойникъ именно того портрета, литографію котораго (довольно плохую, впрочемъ) лѣтъ десять назадъ издалъ владѣлецъ этихъ обоихъ портретовъ, съ догадкою о его принадлежности Павлу Полуботку. Принадлежность

---

[1]) Отъ нея-же, между прочимъ, получили мы свѣдѣніе, что въ томъ же переяславскомъ уѣздѣ, въ с. В. Круполѣ, у Ипк. Ил-ча Бутовича, имѣется какой-то замѣчательный по старинѣ портретъ Мазепы. Интересно было-бы получить объ этомъ портретѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ сколько нибудь достовѣрнаго портрета Мазепы пока въ виду не имѣется. Изъ всѣхъ печатныхъ портретовъ его, наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ гравюра на деревѣ, напечатанная въ «Иллюстраціи» 1847 г., № 5. О подлинникѣ этой гравюры сказано только, что это «древній портретъ». Не тотъ-ли это, что въ академіи художествъ?

Сулимовскаго портрета Павлу Полуботку подтверждается, кромѣ надписи, еще и тѣмъ, что жена Ивана Федоровича Сулимы была, какъ мы уже сказали, дочь Павла Полуботка; она конечно и привезла въ Сулимовку портретъ *своего отца* [1]).

Ал. Лазаревскій.

О ДНѢ СМЕРТИ КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ-КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ОСТРОЖСКАГО.

Въ исторіи есть лица на столько памятныя и дорогія, что не просто любопытно, но иногда и необходимо знать вѣрно не только годъ, но и день ихъ кончины, съ которою, какъ и съ ихъ жизнію, связываются иногда многія событія. Къ числу такихъ лицъ у насъ безспорно принадлежатъ два великіе ревнителя православія и народности русской, князья Константинъ Ивановичъ и въ особенности двухъ-именный сынъ его Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскіе.

Между тѣмъ время кончины этихъ великихъ не только для своего времени, но и для потомства дѣятелей до настоящей поры съ точностію не опредѣлено. Относительно перваго можно несомнѣнно утверждать только то, что онъ скончался между 1 сентября 1529 г. и первыми числами октября 1530 г. [2]). Опредѣленіе дня смерти (18 августа) этого князя, сдѣланное Нарбутомъ, пока не будетъ извѣстенъ источникъ, изъ котораго оно заимствовано, или-же не откроется новыхъ данныхъ для подтвержденія мнѣнія этого историка, нельзя считать несомнѣннымъ.

Что-же касается князя Василія-Константина Острожскаго, то до послѣдняго времени не только день, но даже и годъ его смерти опредѣлялись и опредѣляются различно. Нѣсецкій [3]), а за нимъ и

---

[1]) Собирая свѣдѣнія о старинныхъ малороссійскихъ портретахъ, мы недавно узнали, что будто-бы имѣется довольно значительное собраніе этихъ портретовъ въ с. Очкинѣ, новгородсѣверскаго уѣзда, въ усадьбѣ умершаго въ этомъ году, А. М. Судіенка. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о составѣ этого собранія намъ получить до сихъ поръ не удалось. Не поможетъ-ли кто изъ видѣвшихъ это собраніе?

[2]) Подробнѣе объ этомъ въ Труд. кіев. дух. акад. 1877 г. октябрь, 182—188 стр.

[3]) Herbarz Polsk. t. VII.

нѣкоторые другіе обыкновенно утверждали, что онъ умеръ 21 марта 1606 г. Петровъ нашелъ въ рукописномъ сборникѣ кіево-софійскаго собора двѣ надгробныя надписи обоимъ этимъ князьямъ. Изъ нихъ видно, что кн. Василій-Константинъ скончался въ 1608 г. на 81 году жизни. Въ поминникѣ (писанномъ) дерманскаго монастыря на поляхъ отмѣчено, что этотъ князь „преставися“ отъ Р. Х. 1608 г. февраля 13 дня, въ субботу Ѳеодорову, жилъ 81 г... положенъ въ церкви соборной острожской“ [1]). Это послѣднее опредѣленіе принято нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями [2]). Но приведенная отмѣтка въ синодикѣ Острожскихъ позднѣйшаго происхожденія и придавать ей значеніе несомнѣннаго свидѣтельства нельзя [3]), ибо въ томъ-же синодикѣ на поляхъ есть грубыя ошибки и анахронизмы. Можно съ несомнѣнностію принять только годъ кончины этого князя, такъ какъ это подтверждается другими свидѣтельствами, напр., выше указанными надгробными надписями; что-же касается дня, то, кажется, гораздо вѣроятнѣе опредѣленіе его, сдѣланное Нѣсецкимъ, на основаніи свидѣтельства іезуита Янчинскаго. Этотъ іезуитъ, сообщающій много свѣдѣній о частной жизни этого дѣятеля, считаетъ днемъ его смерти 21 марта. Мы можемъ указать данныя, которыя, по видимому, даютъ этому опредѣленію большую вѣроятность. Въ сборникѣ копій писемъ кн. Острожскихъ (изъ несвижскаго архива князей Радзивиловъ), находящемся въ рукописномъ отдѣленіи спб. публичной библіотеки, есть слѣдующее письмо кн. Ивана (Януша) Константиновича Острожскаго къ князю Хр. Радзивилу [4]).

Oswiecony Xiąze, moj M-cwy Panie powinny!

Złożywszy czas pogrzebowi ciała sławnej pamięci X-cia, J-o M. Pana Ojca i Dobrodzieja mego na dzień 27 kwietnia, w Ostrogu, rozumiałem za słuszną W. X. M. oznajmić, prosząc przytem, abyś

---

[1]) Памятник. кіевск. коммис. IV, отд. I, 108. Родился-же онъ въ 1527 г.

[2]) Макарій, Истор. русск. церк. т. X, 358.

[3]) Очень можетъ быть, что авторъ ея смѣшалъ этого князя съ его прадѣдомъ Василіемъ (Красивымъ) и найдя въ древнихъ синодикахъ надпись о днѣ кончины послѣдняго, соединилъ ее съ извѣстнымъ ему годомъ смерти перваго.

[4]) Этотъ кн. Радзивилъ былъ женатъ на дочери князя Василія-Константина, сестрѣ Ивана Константиновича.

W. X. M. z krewnej powinności swej, pomniąc na uprzejme ku sobie chęci i miłość nieboszczykowską, przybycieś raczył ku temu żałosnemu aktowi na czas pomieniony do Ostroga. Oświadczysz W. X. M., mój M-y Pan, przez to łaskę swą i powinną miłość, która była ku żywemu, tudzież którą mieć raczył przeciwko mnie i domowi memu..... z Ostrogu 1608 r. martii die ulma (ultima) [1]).

Janusz xiąże Ostroskie, kasztelan krakowski.

Приведенное письмо дастъ понять, что фактъ смерти князя Константина Острожскаго былъ извѣстенъ уже его зятю, князю Радзивилу, котораго шуринъ, князь Янушъ Острожскій извѣщаетъ теперь лишь о времени погребенія отца, назначенномъ на 27 апрѣля, приглашая прибыть къ этой печальной церемоніи; оно также показываетъ, что назначенный для погребенія срокъ былъ теперь только избранъ и не служилъ отмѣною какого либо другаго, болѣе ранняго срока. Если-же письмо писано 31 марта, то естественнѣе допустить, что смерть этого князя послѣдовала 21 марта, чѣмъ 13 февраля. Нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, чтобы тѣло кн. Василія-Константина оставалось непогребеннымъ въ продолженіи чуть не двухъ съ половиною мѣсяцевъ, если дѣйствительно онъ скончался 13 февраля. Равнымъ образомъ трудно, при этомъ предположеніи, объяснить, почему кн. Янушъ Острожскій увѣдомляетъ своего ближайшаго родственника о времени погребенія своего отца едва по истеченіи полутора мѣсяца со времени кончины этого послѣдняго. Напротивъ допустивъ, что смерть кн. Константина послѣдовала 21 марта, мы не найдемъ ничего страннаго и неестественнаго въ томъ, что сынъ его извѣщаетъ своего родственника Радзивила о времени погребенія отца спустя десять дней послѣ кончины этого послѣдняго.

В. Бала´ушевичъ.

УКРАИНСКІЙ ГЕЛІОСЪ.

(НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ О СОЛНЦѢ).

Украинскія преданія, давшія столько богатыхъ сюжетовъ для безсмертныхъ произведеній Шевченка, Гоголя, Пушкина („Гусаръ“,

[1]) IV. F. № 223, лист. 76.

напримѣръ), Мицкевича и др., сколько извѣстно, еще не разсматривались, какъ своего рода *окамънелость* древне-языческихъ воззрѣній южно-русскаго народа. Въ настоящей замѣткѣ хочу сгруппировать украинскія легенды о *солнцѣ*, иногда значительно сходныя съ разсказами древнихъ грековъ о Геліосѣ, въ огненной колесницѣ совершающемъ свои объѣзды по небу. Есть-ли это совпаденіе взглядовъ —случайность, или это результатъ вліянія грековъ, жившихъ въ геродотовскія времена по берегамъ Чернаго моря, на древнѣйшихъ нашихъ предковъ,—я не берусь рѣшать этого вопроса.

По представленію украинцевъ, *сонце*, равно-какъ *місяць* (луна), *зорі-зорниці, морозко, вітеръ* и проч.—живыя существа, могучіе, обитающіе на небѣ великаны, способные, смотря по расположенію духа, оказывать благодѣянія людямъ или-же дѣлать людей безъисходно несчастными. Каждый изъ этихъ титановъ имѣетъ свою особую, физическую и нравственную, физіономію, свой характеръ. Болѣе добрыми изъ нихъ въ легендахъ являются *сонце* и *місяць*.

Сонце—великанъ, обладающій свѣтоносной и теплотворной одеждой, которую онъ надѣваетъ по своему усмотрѣнію и съ помощью которой онъ освѣщаетъ, согрѣваетъ и оплодотворяетъ всю природу [1]). *Місяць*—блѣдный, менѣе могучій, съ печатью „каинова грѣха“ на лицѣ, братъ солнца, созданный одновременно съ нимъ [2]). Въ заклинаніяхъ своихъ украинцы такъ обращаются къ этимъ двумъ свѣтиламъ: „И тебе прошу, красне сонце, и тебе прошу, ясный місяцю!“ [3]),—тѣмъ не меньше, и звѣзды, и мѣсяцъ далеко не пользуются у южноруссовъ такимъ уваженіемъ, какъ благодѣтельный Геліосъ, что можно видѣть хотя-бы изъ слѣдующей поговорки: „Світило-бъ мині тільки праведне сонце, а місяць и зорі я коломъ побью“...

Видя беззаконія, творимыя ежеминутно человѣчествомъ, солнце иногда, въ невыносимой горести, закрываетъ лице свое руками, отчего и происходятъ затмѣнія солнца [4]). Другой разъ украинскіе дра-

---

[1]) Труды этнографич. экспедиціи въ юго-западн. край, т. I, в. I, стр. 5—6.
[2]) Ibid.
[3]) Ibidem., стр. 69.
[4]) Ibid., стр. 13.

коны, *крилаті вовкулаки*, набрасываются на свѣтоноснаго великана, желая уничтожить его; вступая съ ними въ борьбу, солнце на время перестаетъ освѣщать и согрѣвать землю [1]).

Солнце, при всемъ своемъ могуществѣ, не всегда оказывается равнодушнымъ къ прелестямъ нашихъ земныхъ красавицъ, при чемъ безъ зазрѣнія совѣсти отымаетъ у мужей и отцевъ красивѣйшихъ украинокъ, насылая на нихъ въ такомъ случаѣ вихрь, который и уноситъ женщинъ въ палацы свѣтоноснаго великана [2]).

Впрочемъ, солнце и здѣсь стремится быть справедливымъ. За каждую похищенную имъ женщину оно щедро награждаетъ деньгами ея родныхъ [3]).

Солнце имѣетъ у себя трехъ дочерей, которыя, въ видѣ утокъ, плаваютъ иногда по рѣкамъ и озерамъ земнымъ; дочери эти всемогущи на землѣ, но силу свою употребляютъ исключительно на добро людямъ [4]). Нѣкій сказочный украинскій герой, которому необходимо было отыскать „палацъ“ солнца, случайно встрѣчается съ одной изъ солнцевыхъ дочерей; послѣдняя вошла въ его положеніе и дала ему золотой клубокъ, который прикатился къ самимъ дверямъ солнцева дворца [5]). Этотъ-же герой женился на дочери солнца, а всемогущій тесть сдѣлалъ его неуязвимымъ, заставивъ его окунуться въ громадномъ казанѣ въ кипящее молоко.

Проведя ночь въ подземныхъ чертогахъ, утромъ солнце начинаетъ подыматься по *блакиту*, при чемъ ему пособляютъ демоны, живущіе въ моряхъ; не одна тысяча *купанівъ* (чертей безхвостыхъ) погибнетъ отъ солнечнаго жару прежде, чѣмъ солнце наконецъ взойдётъ [6])!—Въ полдень солнце не идетъ по небу, говорится въ одной легендѣ [7]), но „трохи спочивае“ (отдыхаетъ); подъ-вечеръ идетъ совсѣмъ на отдыхъ, почью-же спитъ и встаетъ утромъ очень рано. На востокѣ прежде жила какая-то поразительно красивая

---

[1]) Труды эти. экс., т. I., стр. 13.
[2]) Рудченко, «Народныя южно-русскія сказки», вып. I, стр. 85.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., стр. 91—93.
[5]) Ibid.
[6]) «Труды этногр. экс.», т. I, стр. 4.
[7]) Ibid., 3—4.

панна, и лишь только, бывало, солнцу надо всходить, она умоетъ, вытретъ его хорошо: вотъ по какой причинѣ въ прежнее время солнце свѣтило гораздо лучше, чѣмъ теперь [1]).

Въ параллель къ этой украинской легендѣ, приведу нѣсколько строкъ изъ сочиненія г. Петискуса о древне-греческой миѳологіи. „По вѣрованію древнихъ, говоритъ онъ, Геліосъ (солнце) вставалъ раннимъ утромъ, лишь только розоперсная Эосъ (богиня утренней зари) возвѣститъ о приближеніи его, и въ пылающей колесницѣ, на огненныхъ коняхъ, несся по своду небесному, ночь-же пребывалъ въ золотыхъ чертогахъ Тефисы прекрасной“ [2]).

Однажды солнце вмѣсто себя послало освѣщать міръ своего зятя, снабдивъ послѣдняго своими свѣтоносными „ризами“, подобно Геліосу, который то-же довѣрилъ какъ-то свою огненную колесницу сыну Фаэтону; зять во время обхода задалъ трепку „вітру и морозку“ (морозу), но тесть на другой день извинился предъ ними [3]).

Уваженіе и довѣріе, которыя украинскій народъ питаетъ къ солнцу, видны, между прочимъ, изъ одного заклинанія, влагаемаго въ уста дѣвушки, которая, желая получше устроить свою судьбу, рано утромъ, чуть взойдетъ солнце, выходитъ изъ хаты и, обращаясь къ нему, говоритъ: „День тебѣ добрый, солнышко ясное! Ты святое, ты ясное-прекрасное; ты чистое, величавое, почтенное (поважне)! ты освѣщаешь, и горы, и долины, и высокіе курганы.... Освѣти меня, рабу Божію, передъ панами, передъ попами, передъ царями, передъ всѣмъ міромъ христіанскимъ“... и т. д. [4])

Гр. Десятынъ.

СВ. МУРО ВЪ СТАРИНУ и КАКІЕ СЪ НИМЪ СЛУЧАИ БЫВАЛИ.

Въ практикѣ церкви нашей есть и теперь много невыясненнаго, неопредѣленнаго; отсюда неизбѣжныя недоумѣнія и затрудненія нетолько для молодыхъ, но и для старыхъ священниковъ, отсюда

---

[1]) Ibid.

[2]) Петискусъ. «Олимпъ», стр. 94.

[3]) Рудченко, Народныя южно-рус. сказки, в. I, стр. 94.

[4]) «Труды этногр. эксп.», т. I, стр. 93.

по мѣстамъ особенности въ богослуженіи и обрядахъ, приводящія въ соблазнъ, а то и раздражащія иного знатока уставовъ церкви и ревнителя церковнаго благолѣпія и благочестія, отсюда выходки и оригинальныя дѣйствія нашихъ пастырей, неизбѣжныя въ прежнее, возможныя и въ наше время. Многое восполняетъ и поправляетъ теперь большая развитость и образованность нашихъ священниковъ; не то было въ старину—бѣдную и простую.

Вотъ какіе казусы бывали, между прочимъ, и съ св. мvромъ.

Обычнымъ для селъ источникомъ св. мvра, были въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія такъ называемыя протопопіи. Протопопіи эти, и въ центрѣ расположенныя, отъ крайнихъ селъ уѣзда отстояли часто на 50—60 верстъ, что въ круговой объѣздъ давало отъ 100 до 120 верстъ; иныя отстояли на 100 и болѣе верстъ, въ круговомъ объѣздѣ 200 и больше верстъ, какое разстояніе не всегда легко и удобно переѣзжать и по сухому хорошему пути. Это, впрочемъ, препятствіе больше для позднѣйшаго времени, и, такъ сказать, второстепенное. Въ старину другое было. Протопопъ для священника иного сельскаго захолустья казался чѣмъ-то особенно великимъ и страшнымъ[1]). Предстать предъ лице его, да еще и говорить съ нимъ, пожалуй, да это такое ужасное дѣло, отъ одного представленія о которомъ у иного волосы дыбомъ станутъ. А между тѣмъ какъ быть? Св. мvро совершенно истощилось, сосѣда просилъ, не даетъ, да и у самаго немного; а тутъ, какъ нарочно, являются и являются крестить. И тычетъ бѣднякъ сучцемъ въ сосудъ, немного еще мокрый отъ бывшаго въ немъ мvра, а то и совсѣмъ сухой, и утѣшаетъ себя мыслію, что, по милости Божіей, совершилъ таки таинство мvропомазанія.

---

[1]) И это не упреувеличеніе. Одинъ уважаемый протоіерей (уже умершій), служившій въ 50 и 60 годахъ, разсказывалъ намъ, какъ онъ самъ, пріѣхавъ въ село въ храмовой день, приходомъ своимъ въ церковь до того испугалъ одного старичка—священника, пріѣхавшаго нарочито принять участіе въ праздничномъ богослуженіи, что тотъ едва въ состояніи былъ окончить акафистъ, который читалъ, и затѣмъ ни за что не согласился пойти въ домъ настоятеля прихода, а изъ церкви прямо убѣжалъ домой. А вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что сотрудничая въ богослуженіи, старичокъ укрѣплялся въ трудѣ перспективой будущаго «учрежденія велія». Надо быть великому страху, чтобы уйти отъ трапезы.

А то, говорили мнѣ старики-отцы, былъ и такой случай. У одного изъ захолустныхъ совершенно истощился запасъ св. мура, даже самый сосудъ сухой совсѣмъ. Старичокъ для мура употреблялъ стручецъ съ волосяной кисточкой. Естественно не имущему вообразить, что тамъ за долгое время скопилось таки не мало св. мура. И вотъ почтенный отецъ, когда приходится ему муропомазывать, прижжетъ кисточку на свѣчкѣ, и, помазывая прижженнымъ мѣстомъ, весь погруженный въ свое дѣйствіе, уже забываетъ и слова таинства, а говоритъ только, повторяя: *оце важнисть... оце важнисть!*

Разсказывали и слѣдующее событіе. Одинъ священникъ давно и крайне нуждался въ св. мурѣ; но никакъ не могъ рѣшиться поѣхать въ протопопію. Матушка-попадья была похрабрѣе, и вызвалась сама побывать у страшнаго о. протопопа и получить св. муро. Кстати-же ей и въ городъ, купить или продать, нужно было. Снарядилъ батюшка „госпожу свою“, снабдилъ и сосудцемъ для св. мура, и отправилась матушка. Представляется о. протопопу. „А что вамъ?“ — „Мура св. заполучити поручили папотець“, отвѣчаетъ матушка. „Да какъ-же это? помилуйте!—восклицаетъ удивленный о. протопопъ,—женщинѣ и сосуда такого касаться не подобаетъ, а вы еще и мура“.—„Да я и не касалась, отвѣчаетъ вопрошаемая. Панотець сами надѣли мнѣ на шею сосудецъ на ленточкѣ, я же и рубаху и одежу всю чистую надѣла, совсѣмъ въ чистотѣ, какъ слѣдъ, и сказали, что тамъ о. протопопъ сами сосудецъ снимутъ, нальютъ, и опять тебѣ на шею привѣсятъ. Такъ я, не касаясь, и довезу, будьте спокойны“. Удовлетворился-ли такимъ объясненіемъ о. протопопъ, далъ-ли св. мура, неизвѣстно, да и не интересно. Интересно, какъ „госпожа“ выручала своего „господинка“ въ трудномъ дѣлѣ полученія св. мура.

Слышалъ я и еще случай—проще и естественнѣе, но вызванный тою-же отдаленною поѣздкой и тревогой видѣться и бесѣдовать съ о. протоіереемъ изъ-за нужды въ св. мурѣ. О гонорарѣ за выдачу, всегда неизбѣжномъ, не скорбѣли отцы, помня, что то дѣло обычное [1]).

---

[1]) Слышали мы, что одинъ раздаятель св. мура, принимая обычную подачку, и спѣшно пряча оную въ карманъ, имѣлъ обычай приговаривать: *зачѣмъ это зачѣмъ? благодать не продается.*

Бѣда ѣхать далеко, да и представляться о протопопу—дѣло изъ ряда выходящее. Случай, ниже приводимый, разсказанъ мнѣ очевидцемъ, бывшимъ на ту пору діакономъ, и давно уже мирно скончавшимся въ санѣ священника. „Настоятель прихода, гдѣ я діаконствовалъ, разсказывалъ покойникъ, былъ мой своякъ, простой и очень добрый человѣкъ, и жили мы очень любовно. Однажды не стало у насъ св. мура, настоятель и приглашаетъ меня ѣхать съ нимъ въ уѣздный городъ къ о. протопопу". И поѣздка вдвоемъ, очевидно, для смѣлости, а по тогдашнему времени и обычаямъ и выпивка неизбѣжная для смѣлости-же. „Явились, продолжалъ разказчикъ, получили и возвращаемся домой веселые и довольные. Жара страшная, а тутъ по дорогѣ село, и въ селѣ прудокъ съ отличнымъ мѣстомъ для купанья. Хорошо-бы выкупаться, предлагаетъ настоятель. Я, конечно, согласился. Разоблачились, св. муро, которое настоятель везъ на шеѣ—на лентѣ, привѣсили на время на сучкѣ вербы, и нырнули въ воду. Выкупались, какъ слѣдъ, одѣлись и поѣхали. Вотъ мы и дома. Но вдругъ настоятель мой схватывается за грудь и страшно блѣднѣетъ. Что съ вами? спрашиваю.—Да вѣдь муро-то на вербѣ осталось, о. діаконъ.—А тамъ и дѣти еще купались. Что, какъ увидѣли, сняли, и разлили? Боже мой!.. Бѣгите, летите скорѣй на мѣсто, можетъ быть еще въ цѣлости застанете. Я быстро вскочилъ на лошадь,—верховой ѣздокъ изъ меня былъ хорошій въ молодости, и полетѣлъ стрѣлой къ мѣсту купанья, благо и недалеко, версты четыре; и, къ общей радости нашей, св. муро оказалось на сучкѣ цѣлымъ и невредимымъ. Дѣти не успѣли его увидѣть".

И много подобныхъ казусовъ можно-бы собрать между братіею, на дѣлѣ извѣдавшею, какъ не легко добывалось св. муро въ старину.

КАРМЕЛЮКЪ.

Кармелюкъ, разбойникъ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, уроженецъ Подоліи, бывшей главнымъ театромъ его страшныхъ подвиговъ, оставилъ память по себѣ и въ населеніи кіевской губерніи.

Кармелюкъ—типъ тѣхъ народныхъ героевъ, память о которыхъ будетъ жить вѣчно въ народѣ. Онъ разбойникъ и межъ тѣмъ пользуется такой доброй славой и любовью. Отъ чего-же это? Отъ того, что народъ никогда не забываетъ тѣхъ своихъ защитниковъ, которые явно выразили чѣмъ-нибудь свой протестъ противъ его угнетеннаго, бѣдственнаго положенія. Кармелюкъ стоялъ за право тѣхъ порабощенныхъ бѣднягъ, которые обречены были день и ночь работать въ ярмѣ для пана. Его протестъ выразился въ формѣ разбойничества, какъ болѣе удобной и возможной въ то время... Замѣчательныя его пѣсни (уже извѣстныя) переполнены моремъ грусти и скорби по людскомъ бездольи. Въ нихъ слышится могучая сила, готовая въ пухъ и прахъ разбить виновниковъ людскаго несчастья, но эта сила надломлена, скована,—и часто въ этихъ-же пѣсняхъ слышится плачь вмѣстѣ съ проклятіями:

Вбогі люди, вбогі люди,
Скрізь васъ, люди, бачу!
Якъ згадаю вашу муку,
Самъ не разъ заплачу.
Кажуть люди, що счастливый,
Я зъ того сміюся,
Бо не знають, якъ я часомъ
Сліозами зальюся.
Куди піду, подивлюся,
Скрізь багачъ панує,
У роскошахъ превеликихъ
И днює й ночує.
Убогому, несчасному,
Тяжкая робота,
А ще гіршая неправда,
Вічная скорбота!

Про свое разбойничанье онъ такъ говоритъ:

Зовуть мене розбойникомъ,
Кажуть—розбиваю;
Ой нікого ще-жъ не вбивъ я,
Бо й самъ душу маю.

Богатого обдираю,
А бідного наділяю—
И, такъ гроші поділивши,
Самъ гріха не маю.....
Ассесоры, исправники
За мною ганяють,—
Більше-жъ вони людей граблять,
Якъ я грошей маю.....

Очень интересно и важно было-бы собрать въ разныхъ мѣстахъ разсказы народные и пѣсни про Кармелюка; они уяснили-бы его личность и установили бы точный взглядъ на него народа. Характеристика-же такихъ личностей, какъ Кармелюкъ, по народнымъ разсказамъ и пѣснямъ важна для изученія самаго народа. Привожу тутъ одинъ такой разсказъ, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ. Онъ не такъ характеренъ, тамъ разсказываются болѣе интересные случаи о столкновеніи Кармелюка съ помѣщиками. Надѣюсь ихъ записать. Къ концу разсказа привожу и пѣсню; она, кажется, еще нигдѣ не напечатана, хотя и имѣетъ сходство съ нѣкоторыми уже извѣстными.

„Всі у насъ на Вкраіні знають Кармелюка—одъ малого до великого. Его жаліслівi пісьні витають и по степахъ, и по хатахъ, и по вишневихъ садкахъ. Про нёго всякий роскаже, наче вінъ ёго знавъ... Багато де-чого розсказують про нёго люди; навить показують ліса и місця, въ которыхъ вінъ живъ, и це ледве не въ кожнімъ селі. Кажуть, що вінъ бувъ розбойникъ, ще-жъ до того характерникъ. Ходивъ та ховався вінъ все по лісахъ, та по степахъ, бо ёго дуже підстерегали, шобъ якъ піймати. Тамъ де ёго ніхто не сподівався, тамъ вінъ въявлявсь и якъ бачивъ, що про нёго вже пронюхали и хотять піймати, зразъ десь пропадавъ. Кажуть, якъ который чоловікъ робочый та чесный, то вінъ ёго и грішми наділить и всімъ, чого ему треба.— Разъ іхавъ чоловікъ на ярмарокъ; іде, та підперши голову рукою, сидить на возі, тай курникае собі підъ нісъ—скаржиця на свою долю:

Та доле-жъ моя, доле,
Чомъ ты не такая,
Якъ тая чужая!

Такъ вінъ співае собі, ажъ ось догоняе ёго якыйсь чоловікъ.

— А здоровъ будь, чоловіче!—каже.

— Будьте й вы здорові!—одповідуе той.

— А звіткіль? А куда? Чи багато маешь волівъ та коней? Та все роспитуе. А той ёму розсказуе, шо отъ такъ и такъ: „жінка зосталась у дома безъ хліба, а я оце іду на ярмарокъ, шобъ продати остатню пару воликівъ, або шобъ стати де підъ хуру, та хоть на хлібъ дітямъ заробить, а то нема чого істи...“—А той слухавъ, слухавъ, а далі винявъ зъ кешені сто карбованцівъ та й каже: „на тобі, чоловіче, оці сто карбованцівъ, та купи собі ще дві пари волівъ, шобъ було до плуга, та згадуй Кармелюка“. Такъ той и остовпинівъ.—„Кармелюка?!“ питае, витріщивши очи, мовъ не вірить, шо це робитця въ яву. А Кармелюка вже й немае. Радый такый той чоловікъ, шо ото мае въ кишені сто карбованцівъ. Приіхавъ до корчмы, тай звернувъ трохи на радощахъ выпити. Выпивъ чарку, выпивъ другу, выпивъ третю, а далі й не зоглядівся, якъ и гроші вкрали. Сидить тоді вінъ, тай плаче въ корчмі; ба, це входить той самый чоловікъ—Кармелюкъ. Глянувъ вінъ на нёго, тай крикнувъ до своіхъ: „эй, хлопці, простягніть-но лишь ёго, та дайде ёму прочухана, шобъ знавъ, якъ пропивать гроші, коли діти сидять дома безъ хліба.

Одпустили ёму трохи, а Кармелюкъ зновъ тоді виймае сто карбованцівъ, тай дае ёму.—Теперъ гляди, каже, якъ зайдешъ въ корчму, то вже не минешъ моіхъ рукъ, тоді не викрутися!...

И багацько такъ вінъ визволявъ людей изъ біди.

А то разъ зновъ иде баба на базаръ, та якъ разъ проходить черезъ той лісъ, де живъ Кармелюкъ. Отъ иде, та все оглядаетця, та заглядае по-межъ корчі, чи не сидить тамъ часомъ Кармелюкъ. А той и наглядівъ іі, та вийшовъ изъ-за кущівъ, тай иде противъ неі. Якъ угляділа вона ёго, то такъ и похололо въ неі въ сердці, а далі, перехрестившись, й каже: „охъ, Боже-жъ мій! а я думала, що це де-небудь вирвався той проклятый Кармелюкъ, та вже оце йде по мою душу. Такъ боюсь того Кармеля, шой не знаю, де-бъ и ділась, якъ-би вгляділа ёго“. А сама й гадки не мае, шо передъ нею стоіть той самый Кармелюкъ, котрого вона такъ боитця...

— Чого-жъ ты, бабко, боишся того Кармелюка? Вінъ тільки багатихъ чухрае, а тебе, не бійсь, не зачепить..

— Охъ, не дай, Боже, мені зъ нимъ здибатись, зъ тимъ проклятущимъ розбіякою, такъ на місті, здаетця, и вмерла-бъ!

Ставъ ії Кармелюкъ питати, що вона несе, чи має дітей, чи є що дома істи... Все бабуся розсказала: несе півкопи яець, та низку цибулі, шобъ продать. „Та треба скоро йты, каже, шобъ не спізнитись, а то якъ забарюсь, та буду пізно ити назадъ черезъ лісъ, то ще встріне той Кармелюкъ“...

— Купи мені, бабко, на базарі, каже той, за гривню підковы до чобітъ, та десятокъ цвяшківъ за два шаги.

— А де-жъ я васъ тутъ побачу?—питае баба.

— Та я тутъ въ лісі карбівничимъ, то тутъ буду де-небудь сидіть коло шляху, бо теперъ люду всякого вештаетця... Давъ вінъ ій гроши, а вона й пішла собі.

Цілий день сидівъ Кармелюкъ коло шляху въ лісі та вигладавъ баби. Тільки уже надъ вечірь вернулась баба зъ місця. Вийшовъ до неі Кармелюкъ, тай питае: „а чи купила, бабусю, підковы?“—„Купила“, каже.—„Ну, добре, сідай-же теперъ, я тебе підкую. Уже шо тамъ собі хочешъ, а підкую, бо я Кармелюкъ, а ты Кармелюка лаяла, щей казала, шо вінъ бідныхъ грабуе; треба шобъ у тебе була відъ мене памятка; а шобъ ты знала, шо я бідныхъ не займаю, а заступаюсь за нихъ, то ось тобі сорокъ карбованцівъ“.

Нема що, сідае баба середъ шляху, трисетця, якъ одъ пропасниці, та сідае, бо дуже боитця Кармелюка, а зъ нимъ жартувать не можна. Сховала вона въ пазуху сорокъ карбованцівъ та плаче, та проситця: „въ мене діти, каже, зостанутця сиротами; хто іхъ вигодуе, хто догляне“?

— Та це нічого, каже Кармелюкъ, жартуючи:—одъ цёго не вмрешъ; а шобъ не дуже боліло, шобъ тобі можна було дойти до дому, то я підкую тебе тільки по два цвяшки на кожну ногу... Підкувавъ вінъ ії, а тоді звівъ, тай каже: „ну, теперъ иди зъ Богомъ, та згадуй тимъ часомъ Кармелюка“!... Пішла баба. Навспинячки стае та йде, ажъ порохъ по шляху знявся..

За Сибиромъ сонце сходить!
Хлопці, не зівайте
И на мене, Кармелюка,
Всю надію майте!

А Кармелюкъ добрый хлопець—
Вінъ по ночамъ ходитъ,
Не одную чорнявую
Изъ розуму зводитъ...

Маю жінку, маю діти
Та я іхъ не бачу,
Якъ згадаю про іхъ життя,
То й самъ гірко плачу.

Кажутъ люде, що розбійникъ,
Що я розбиваю,
Брешутъ вони, та й говорятъ—
Я й самъ душу маю.

Я богатыхъ обдираю,
А убогихъ наділяю—
И, такъ гроші поділивши,
Самъ гріха не маю.

Зібравъ собі хлопцівъ добрыхъ—
Що кому до того?
Розійдемся по дорогахъ
Для подорожнёго.

Ой хто іде, а хто йтиме—
Довго ёго ждати;
Якъ не маемъ прихилища,
Мусимъ пропадати...
Ажъ ось іде самъ владыка.
А здорово, хлопці!

Вони ёму одказали:
Благослови, отче!
Ой, якъ хочешъ въ світі жити,
То оддай намъ гроші.....
Оглянеця кругомъ себе—
Все хлопці хороші.
Ой выйнявъ вінъ сорокъ тысячъ—
Це вамъ усі гроші.....

Пішовъ-бы я у містечко,
Боюсь становою:

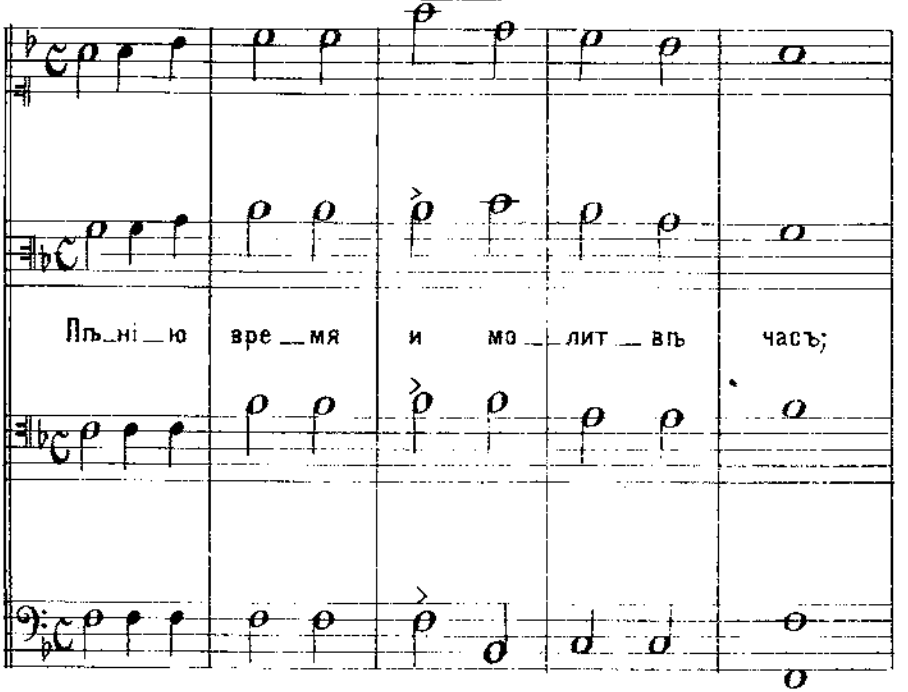
Идуть соцькі щей десяцькі
Послані одъ ёго.
Беруть мене за рукава,
Кажуть мені сісти,
А я тее добре знаю,
Що я выйду звідти.
Встромлю руки у кешені,
У кешенях тісно:
Полицейскимъ кручкодерамъ
Й тимъ про мене звісно.

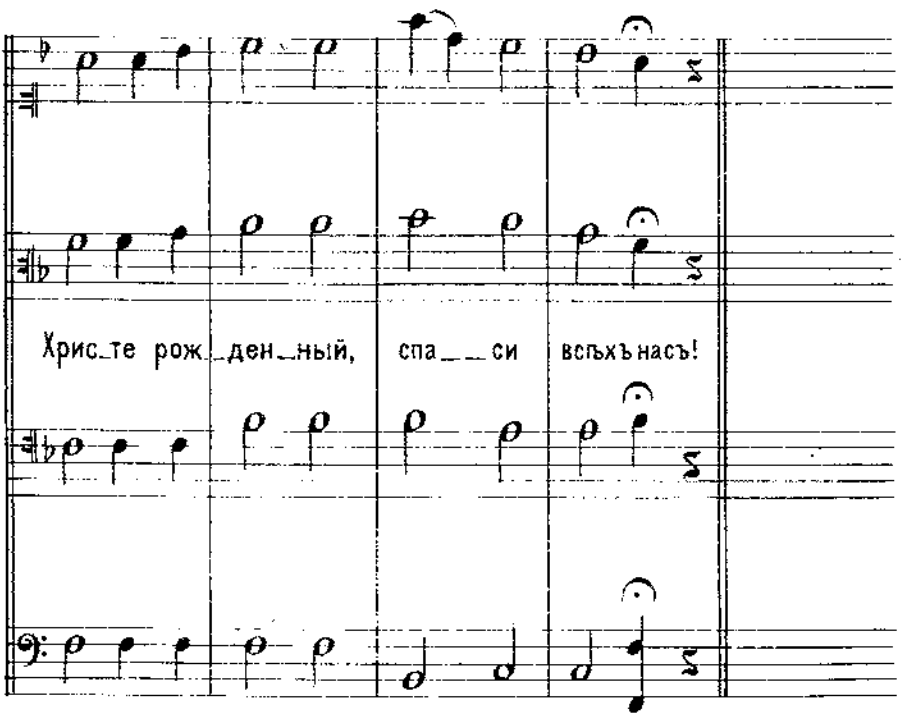
Разсказъ и пѣсня записаны въ с. Гусаковой, звенигородскаго уѣзда, 1880 г.

А. Смоктій.

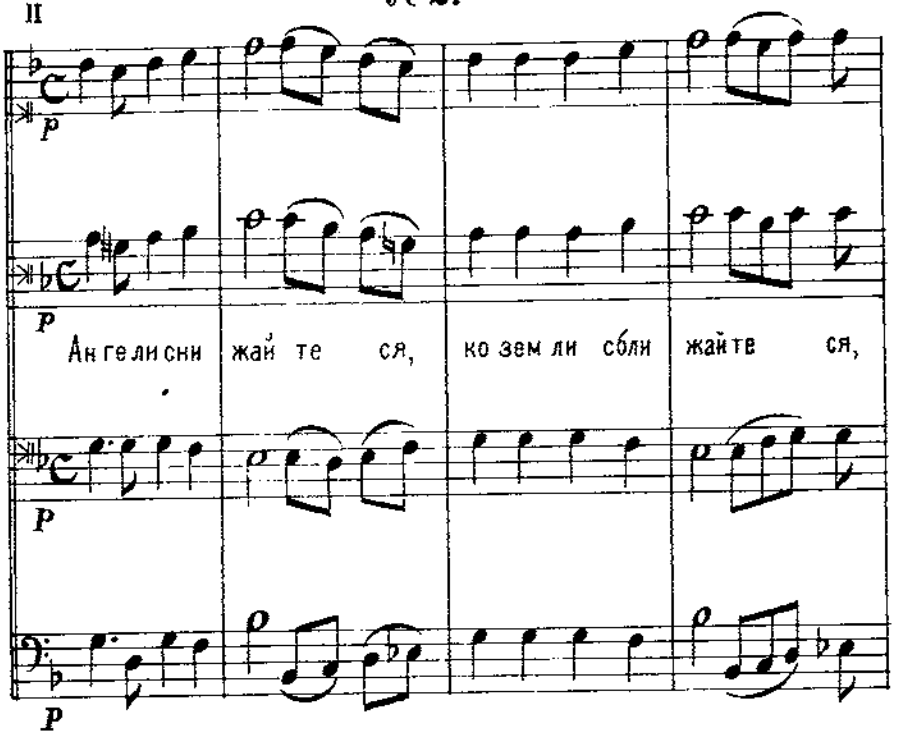
Andante.

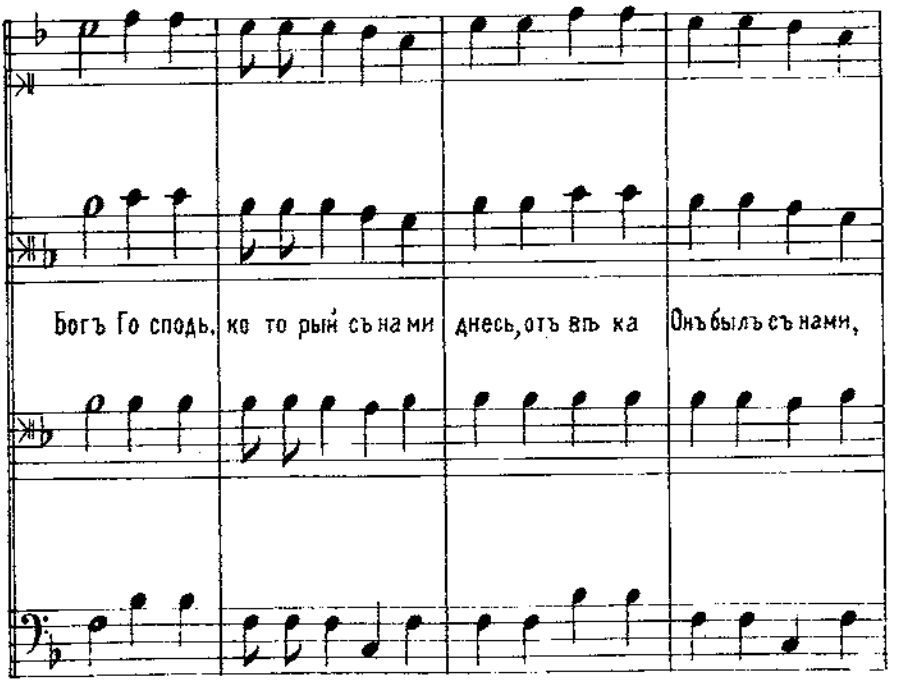
№ I.

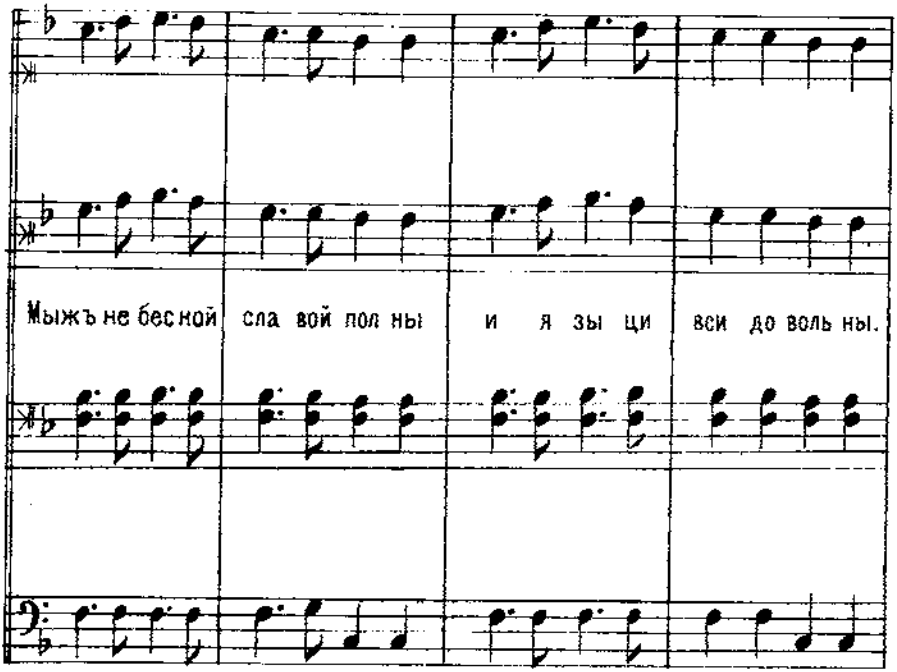

Пѣ_ні_ю вре_мя и мо_лит_вѣ часъ;

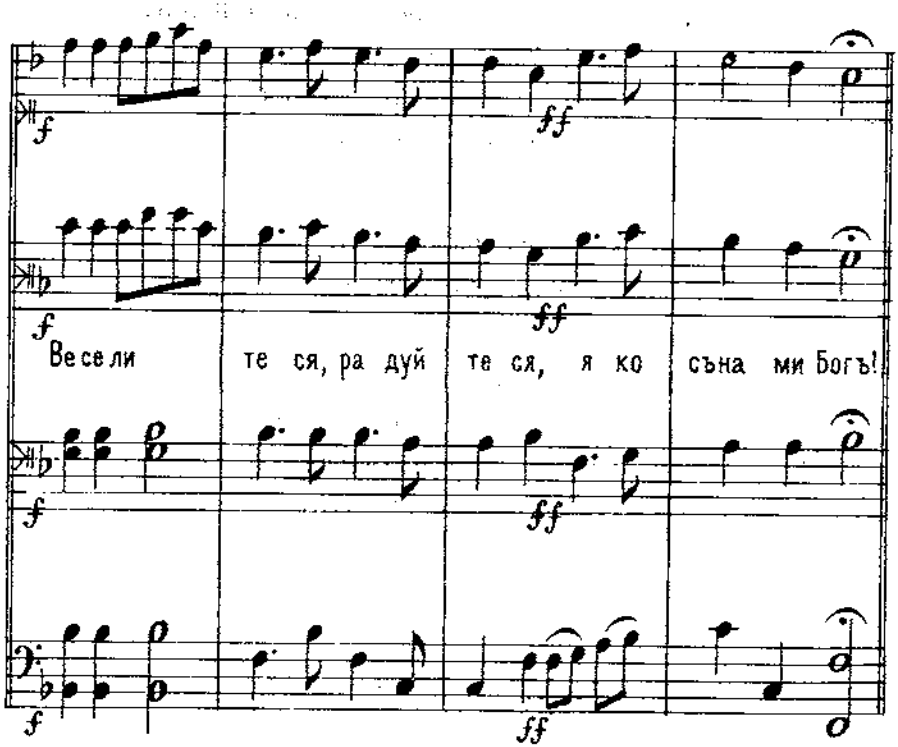

Хрис_те рож_ден_ный, спа_си всѣхъ насъ!

№ 2.


p
p
Ан ге ли сни жай те ся, ко зем ли сбли жайте ся,
p
p


Богъ Го сподь, ко то рый съ на ми днесь, отъ вѣ ка Онъ былъ съ нами,


Мыжъ не бес ной сла вой пол ны и я зы ци вси до воль ны.


Весе ли те ся, ра дуй те ся, я ко съна ми Богъ!

Небомъ земля сталася,
Якъ Бога дождалася,
До Творецъ Архангелівъ,
Те тамъ треба и Англівъ.

Мы-жъ небесной славой полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Якъ Луциферъ спавъ зъ неба,
То тамъ святихъ людей треба,
Щобъ поповнить паденіе,
Должно Христу рожденіе.

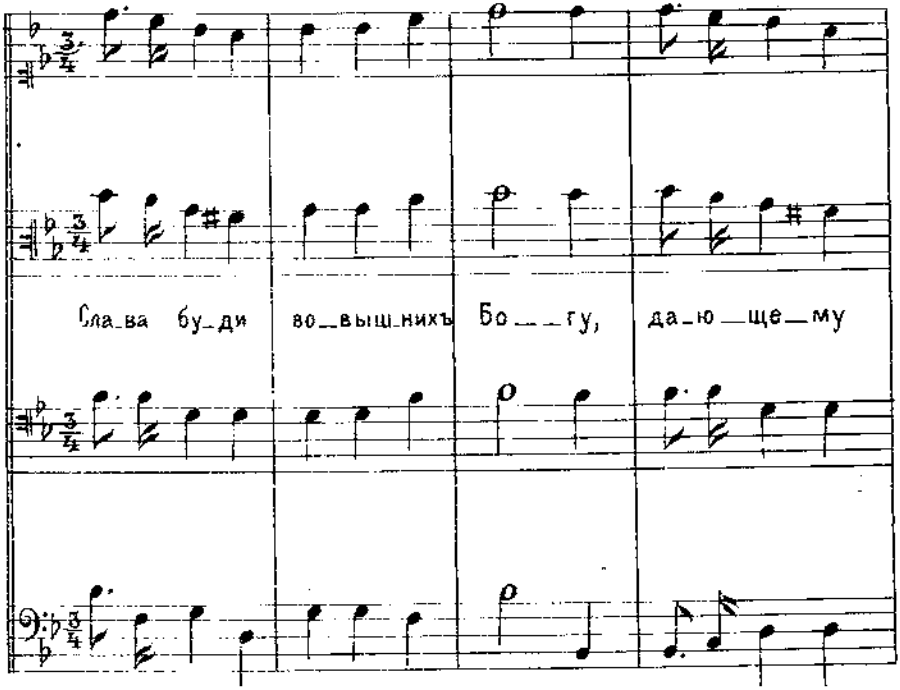
Мы-жъ небесной славы полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

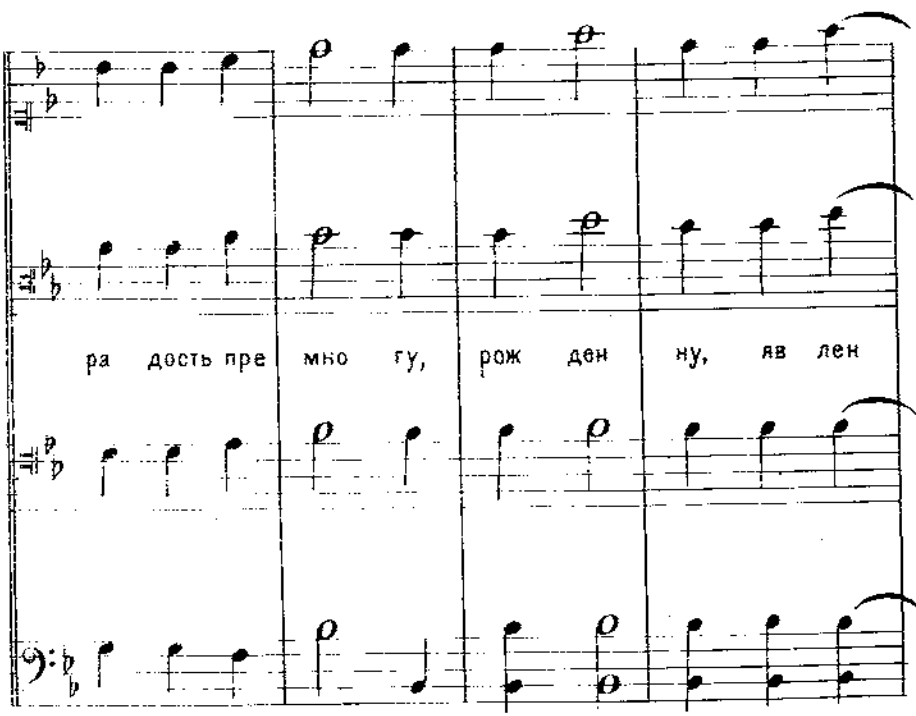
Богъ изъ Дівы раждается,
Небомъ земля сполняется,
Трепещутъ Архангели,
Служатъ Ёму всі Ангели;

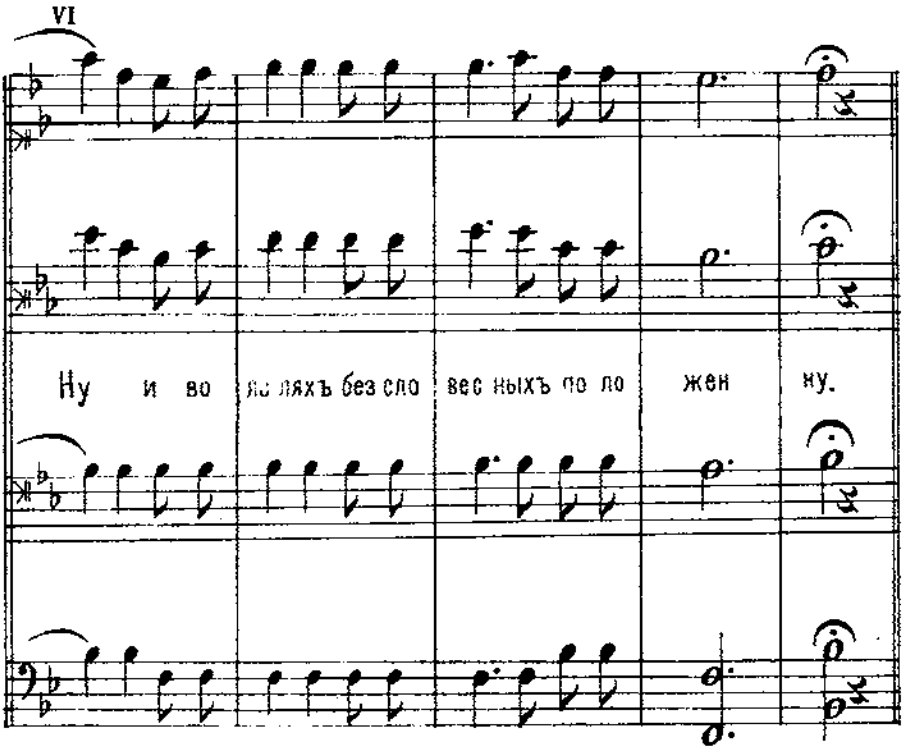
Мы-жъ небесной славы полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Moderato

№ 3.


Сла_ва бу_ди во_вышнихъ Бо___гу, да_ю_ще_му

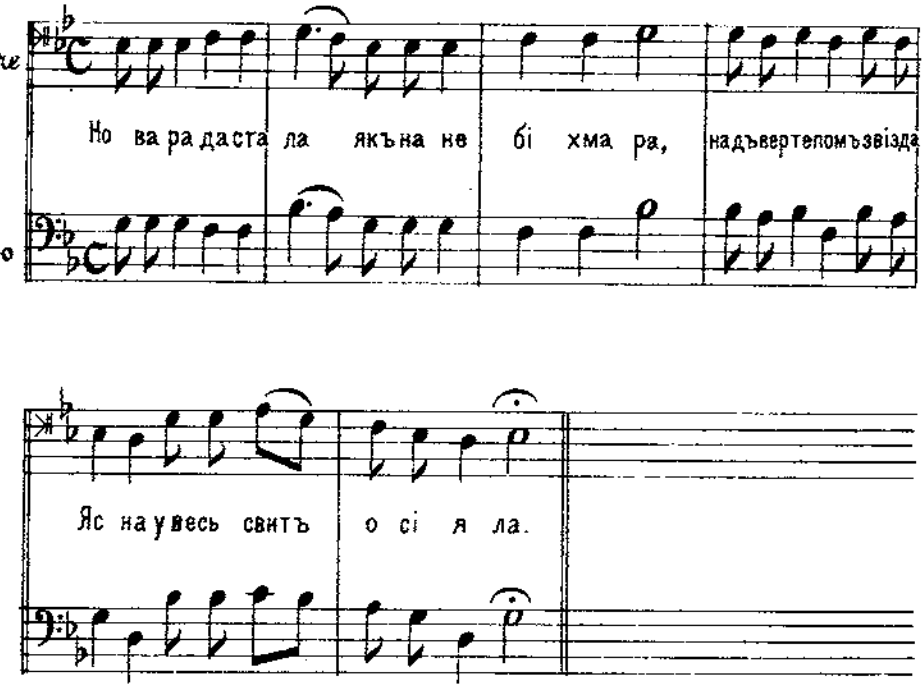

ра дость пре мно гу, рож ден ну, яв лен



Волъ и оселъ Христа витають,
Пастыріе Его прославляють
И Цари-Государи
Отъ Персъ и Индіи
Принесоша ему дари.

Ты, вертепе, возвеселися;
Се бо въ тебе
Христосъ родися.
Вострунно въ псалтирѣ
Рожденнаго прославляйте
По всемъ мірѣ.

№4.



Де Христосъ родився,
Зъ Дівы воплотився,
Тамъ чоловікъ передъ Богомъ
Пеленами повився.

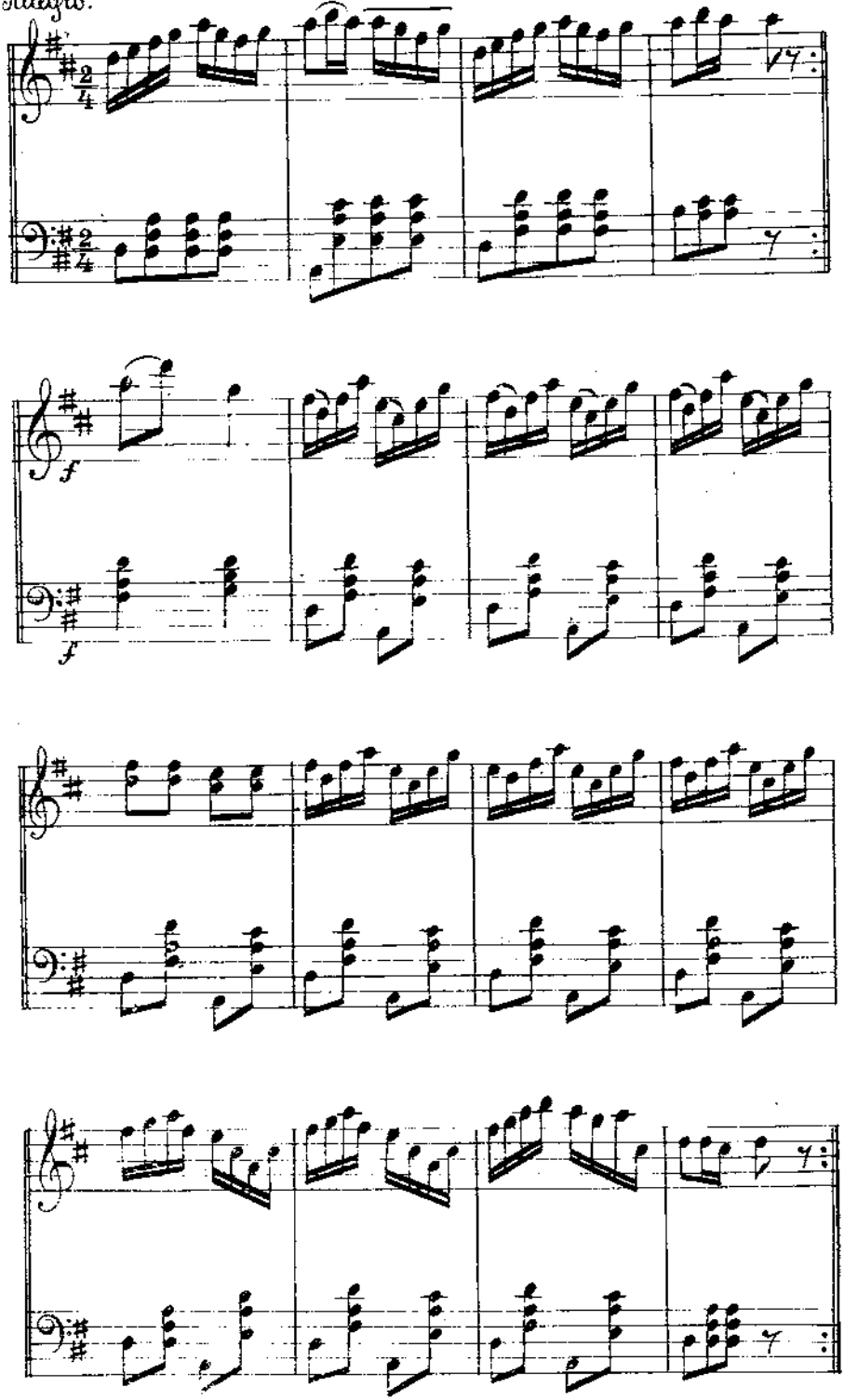
Передъ тимъ дитяткомъ
Пастушки зъ ягняткомъ
На колінця упадають,
Христа Бога выхваляють.

Просимъ тебе, Царю,
Небеській Шапарю,
Пошли Боже многа літа,
Сему господарю.

VIII

Allegro.

№ 5.



Andante

№ 6.

P.

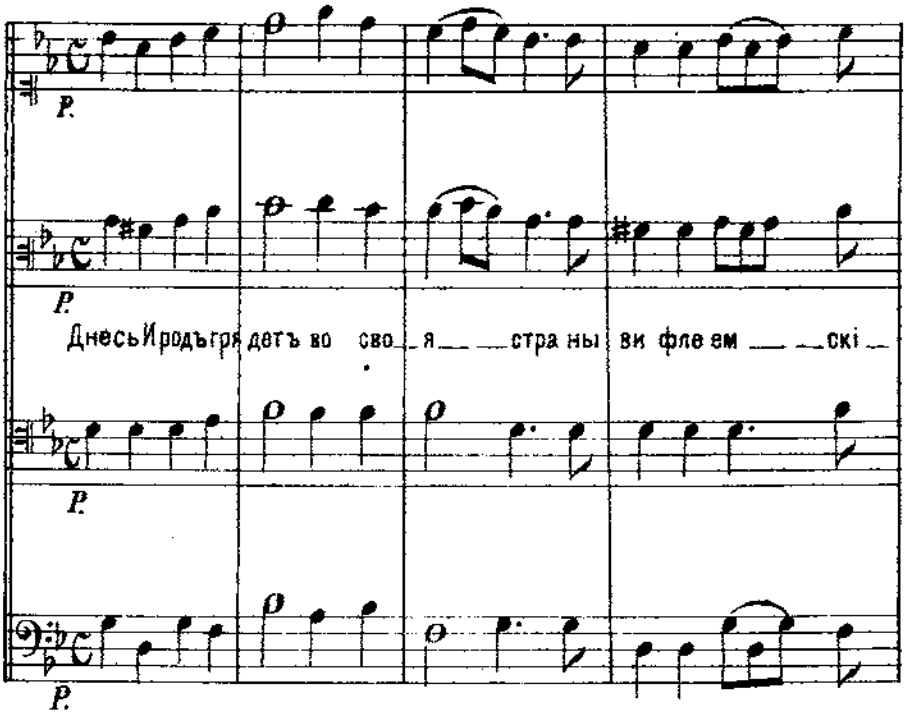
P.

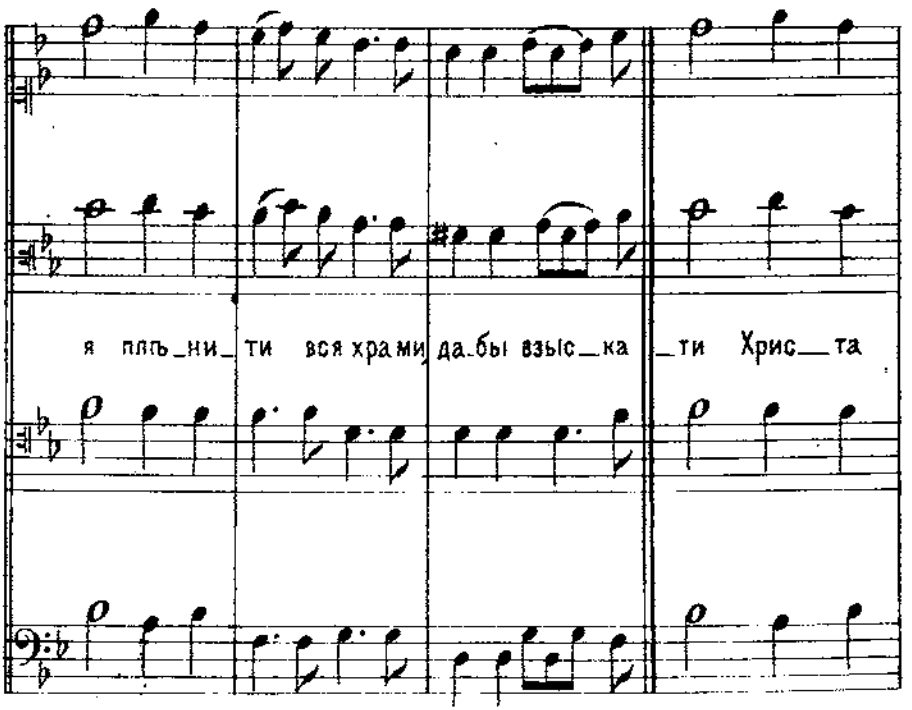
Днесь Иродъ грядетъ во сво_я___стра ны ви фле ем___скі_

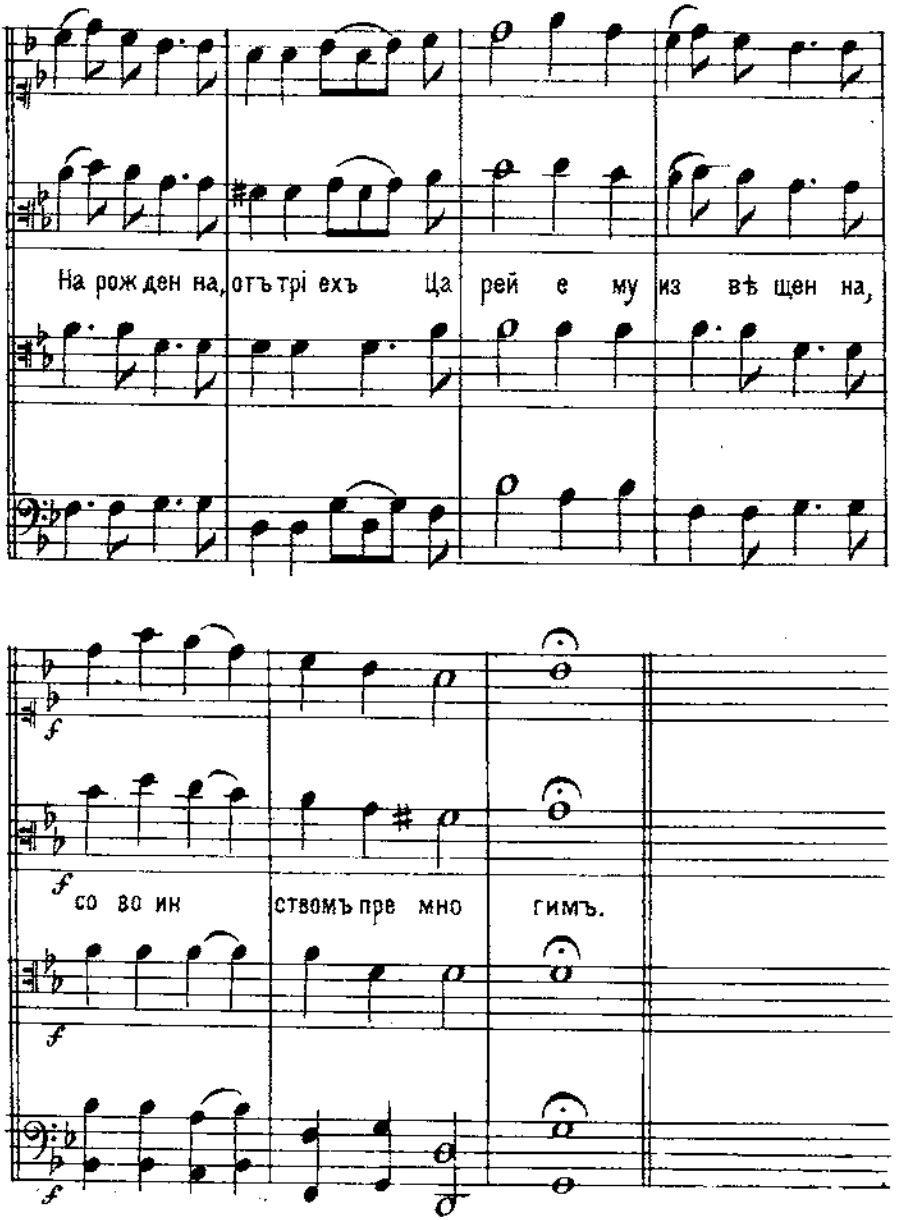
P.

P.

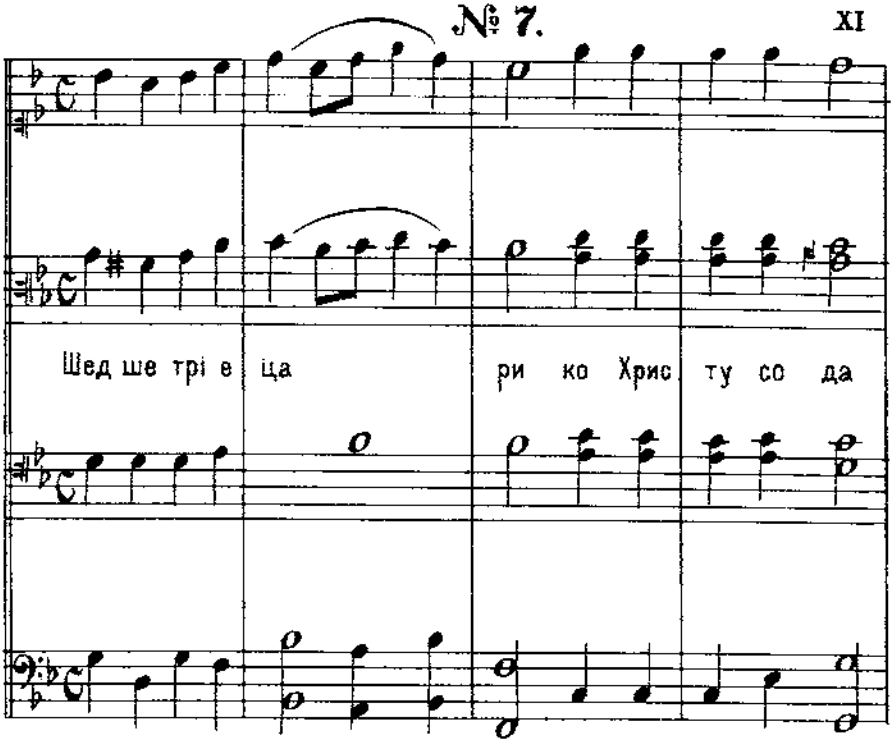
я плѣ_ни_ти вся хра ми да_бы взыс_ка_ти Хрис_та

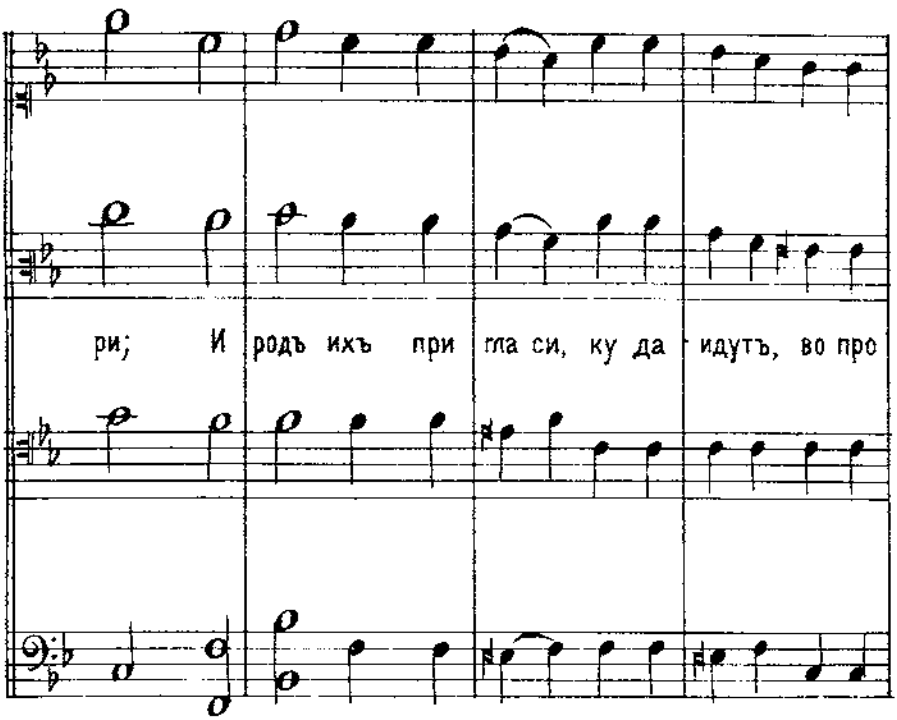




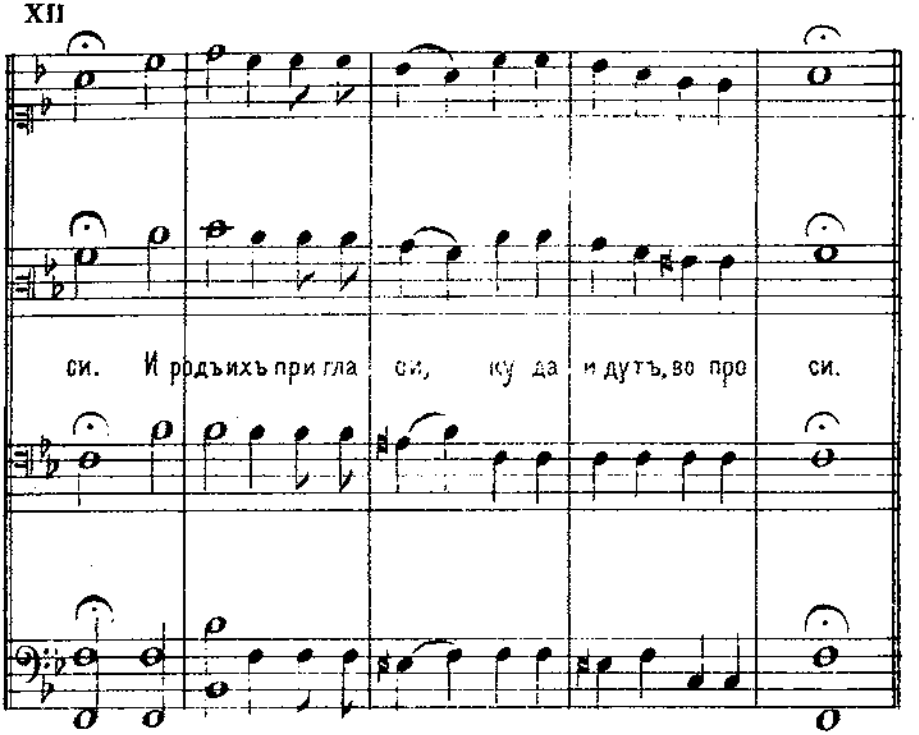


И повѣлѣ же вінъ во своемъ повіті
Живущія въ немъ вся діти избити:
Во двоихъ лѣтахъ или и нижайше,
Во троихъ лѣтахъ или и множайше.
О, Ироде преокаянний!


Шед ше трі е ца ри ко Хрис ту со да


ри; И родъ ихъ при гла си, ку да идутъ, во про

XII



Отвѣщаша ему:
Идемъ къ рожденному.—
Къ рожденному идите
И мнѣ возвѣстите.

Азъ пѣдъ поклонюся,
Передъ Царемъ смирюся,
Воздамъ честь обичну,
Какъ Цареви приличну.

Звѣзда идетъ чудне
Зъ востока на полудне,
Надъ вертепомъ сіяетъ.
Христа Царя являетъ.

Ангелъ къ нимъ вѣщаетъ,
На путь наставляетъ;
Инимъ путемъ идите,
Ко Ироду не йдите.

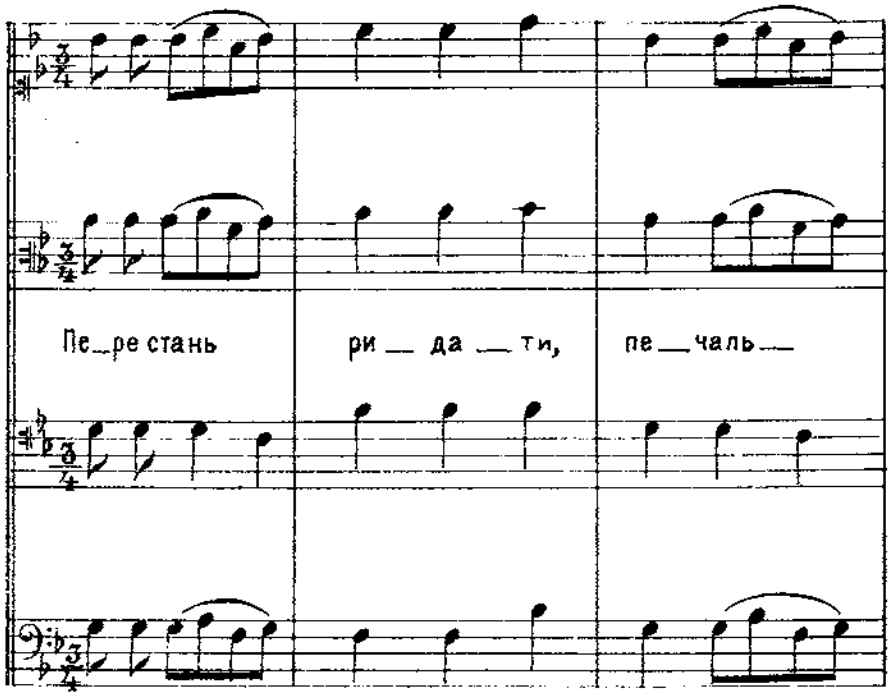
Волеви возвратишася,
Въ Ирода не быша;
Вспять, вспять возвратишася,
Не вотще трудишася.

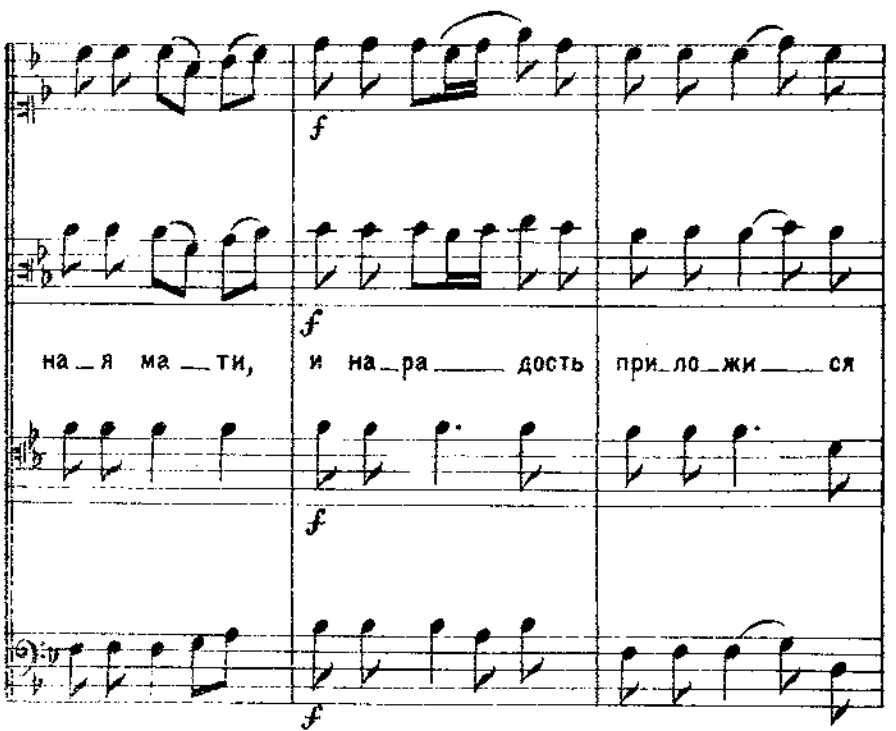
Пришли въ страни своя,
Христа славословя,
Чаютъ зъ Нимъ въ небі жити,
Ему жъ на вікъ служити.

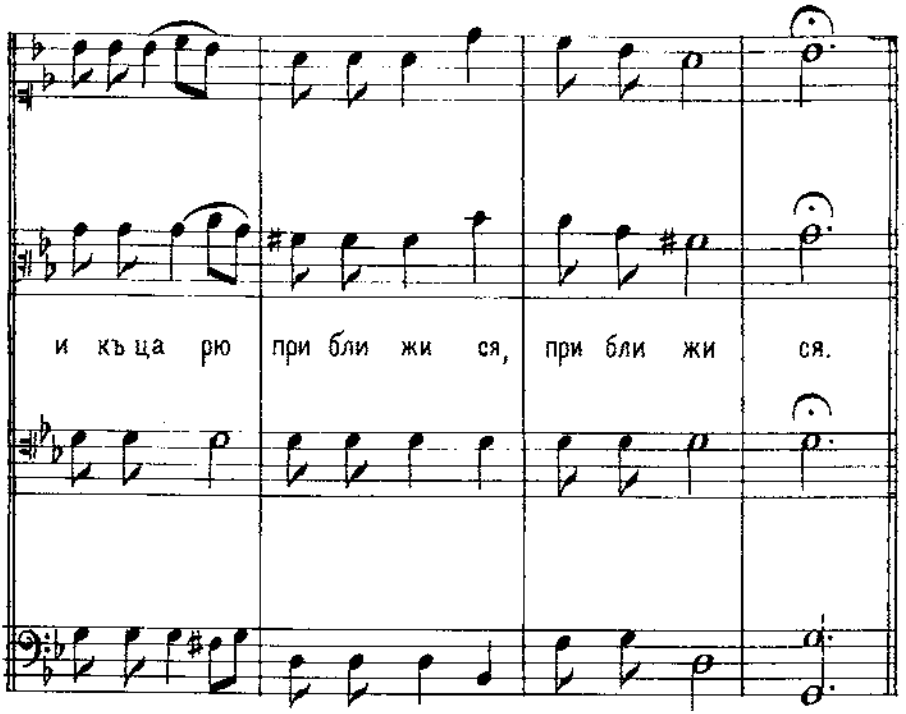
XIV

Moderato

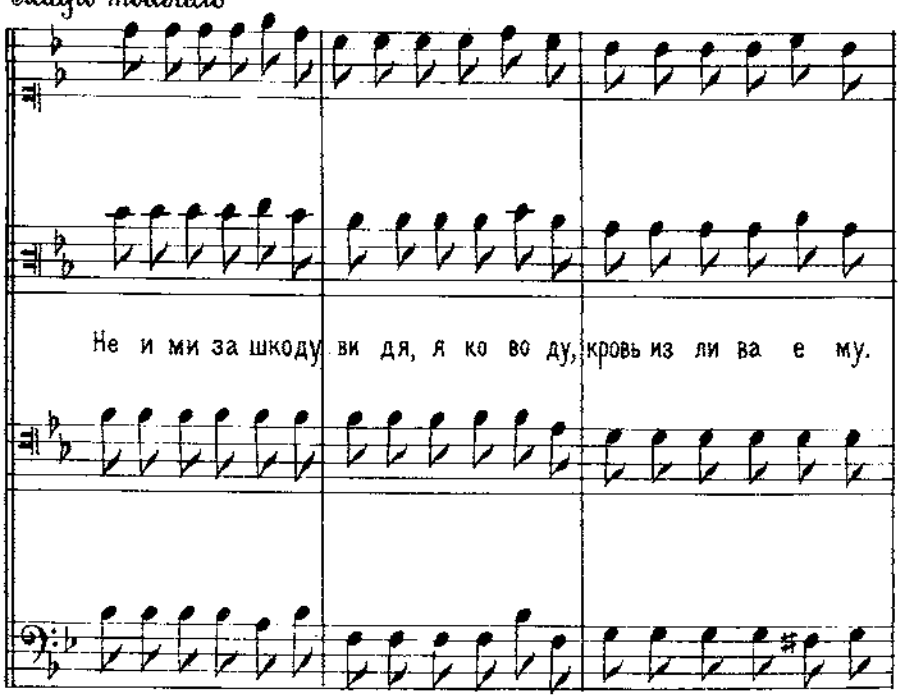
№ 8.

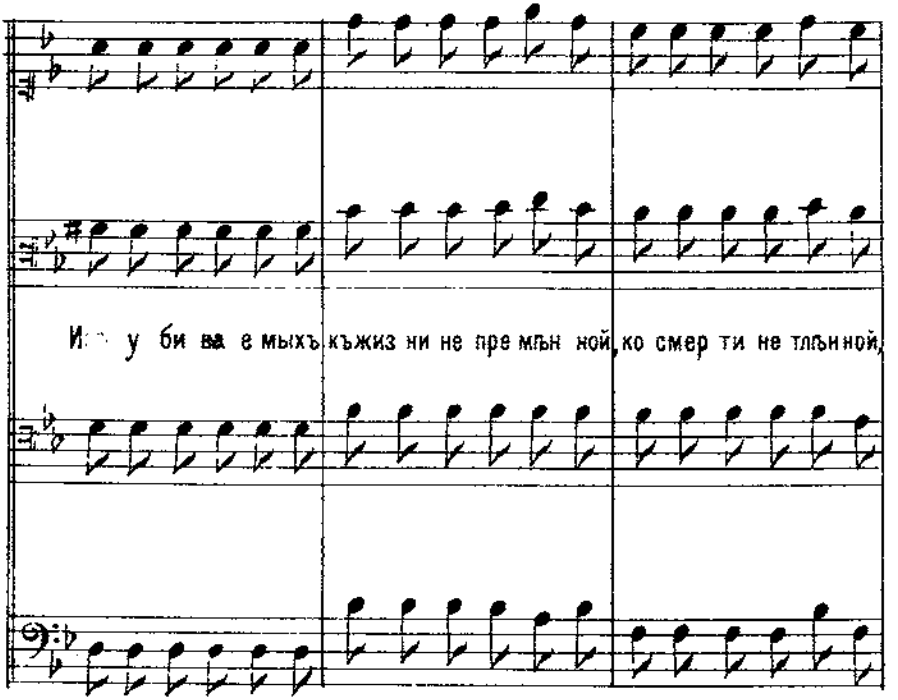


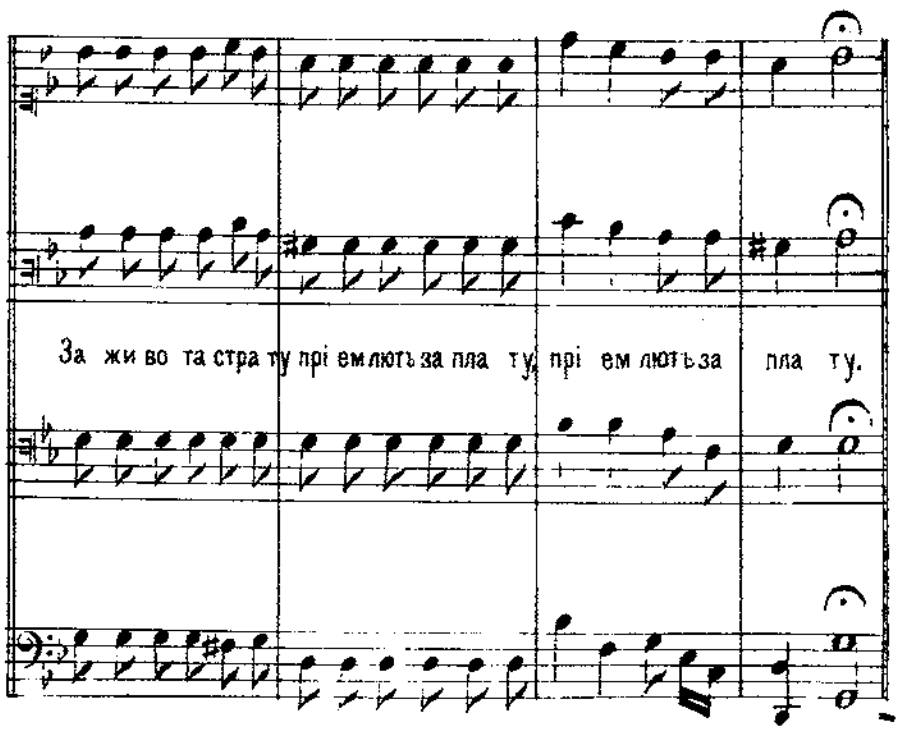




Allegro moderato




И у би ва е мыхъ къжиз ни не пре мѣн ной, ко смер ти не тлѣнной,


За жи во та стра ту прі ем лютъ за пла ту, прі ем лютъ за пла ту.

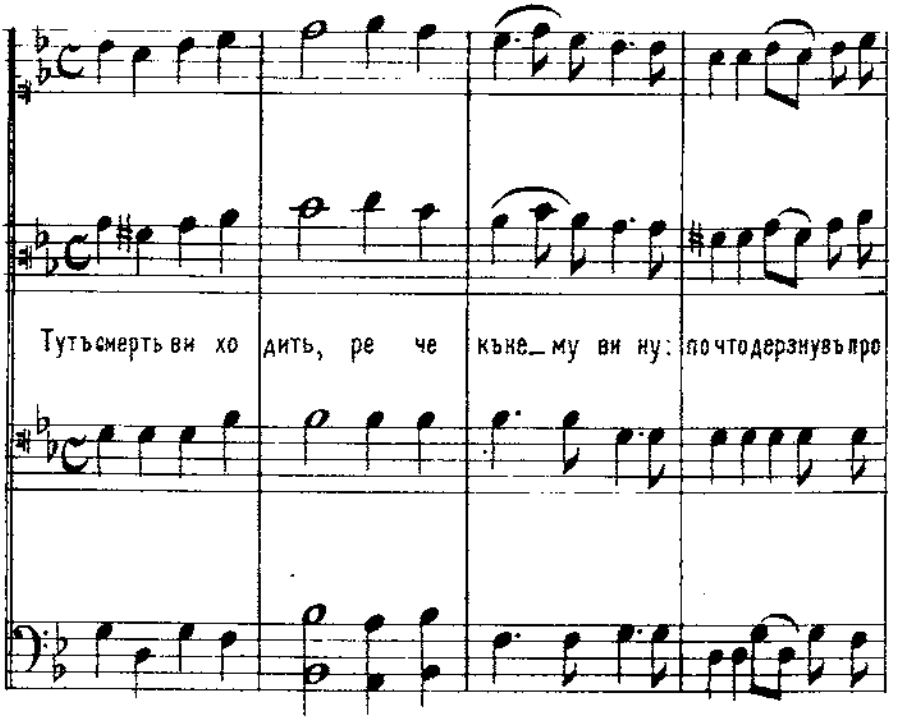
Иродъ не ситий велить убити,
А воинъ терзаеть и убиваетъ.

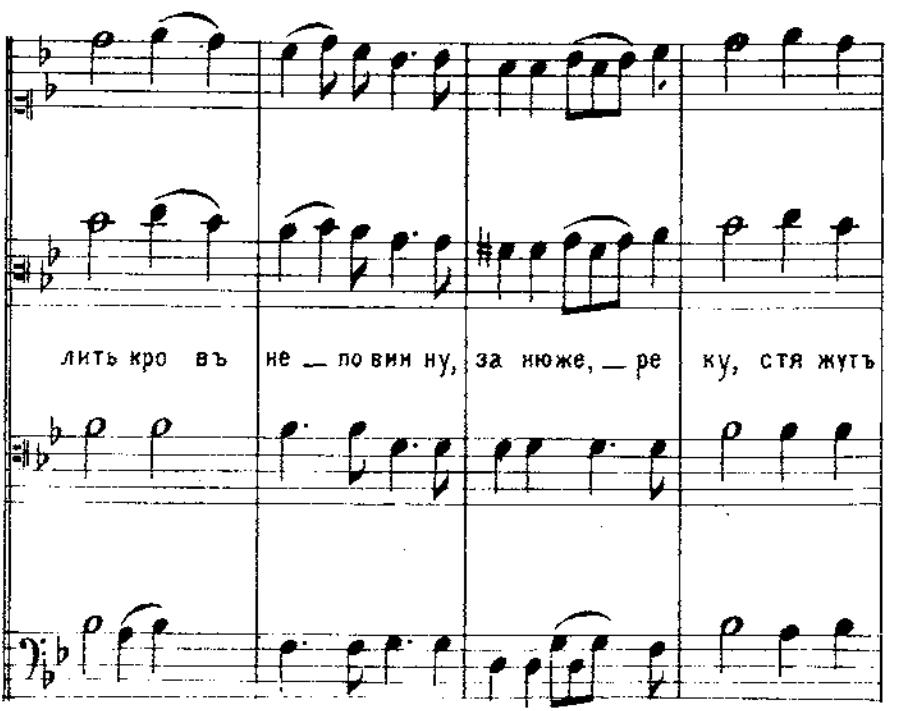
Маленькіе чада
Вси пребудуть ради;
Тѣмъ бо съ неба платятъ.
Что животъ свой тратятъ
За Христа и Бога;
То и мзда премнога
Малимъ отрочатамъ,
Закланнимъ овчатамъ.

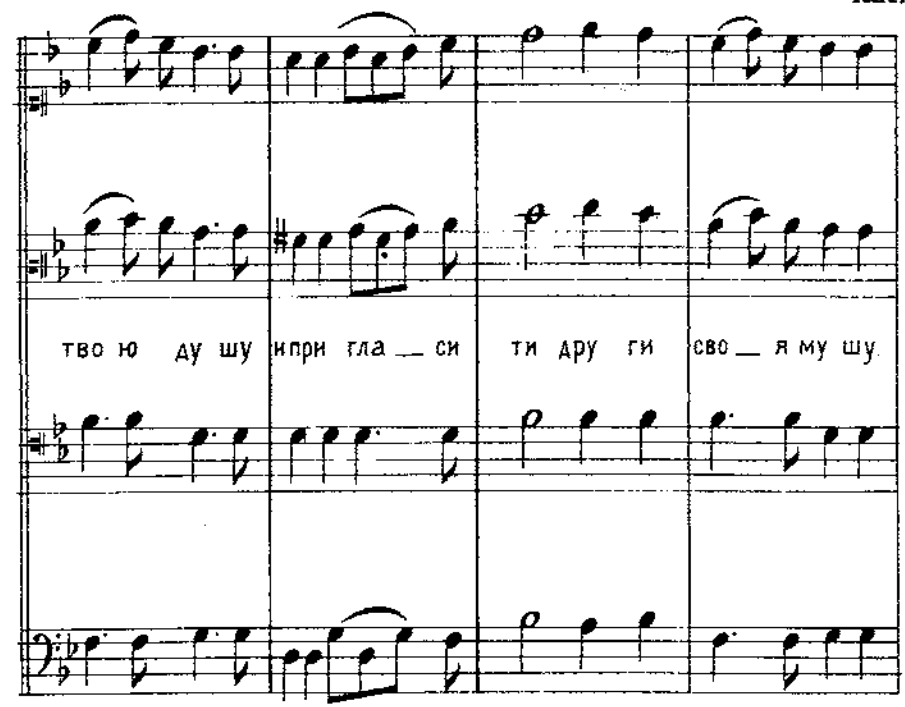
Не плачь, Рахиле, видя чадо не живе.
Не увядаютъ, но процвѣтаютъ
Польніі крини новой святини,
Къ Богу и Сыну имѣеть причину:

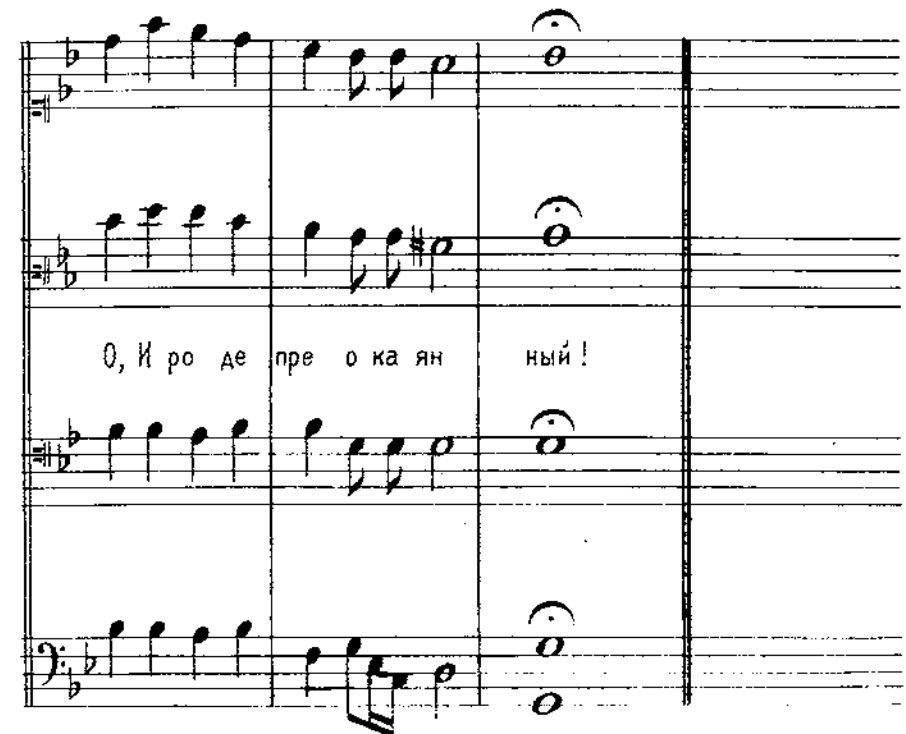
Твое бо пернате
Небомъ есть взяте;
Путь прошедшіи тѣсний
Побідніі пісні
Поютъ Царю славы,
Иже ихъ избави
Отъ сѣтей ловящихъ,
Пагубу губящихъ.

№9.


Тутъсмерть ви хо дить, ре че къне_му ви ну: по чтодерзнувълро


лить кро въ не _ по вии ну, за нюже, _ ре ку, стя жутъ

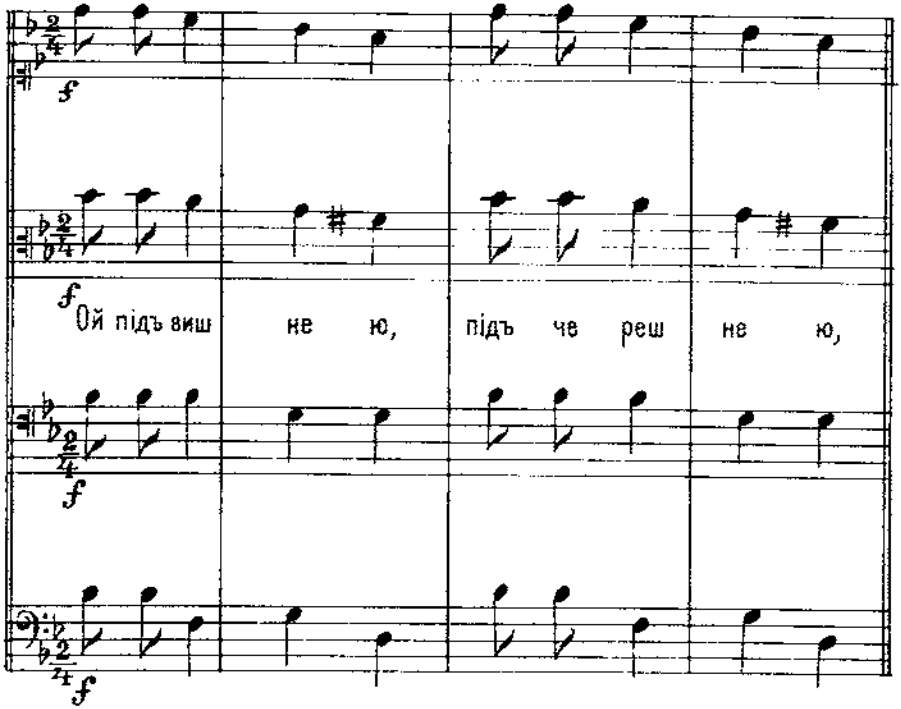

тво ю ду шу и при гла _ си ти дру ги сво _ я му шу

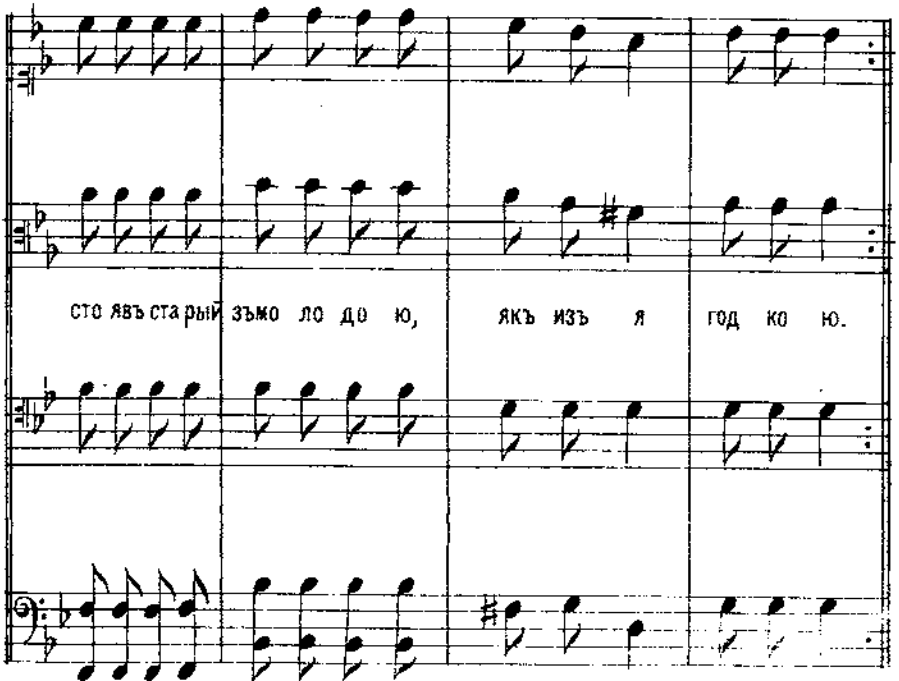

О, И ро де пре о ка ян ный!

Дерзай! отъ смерти
Посіченъ косою
Да идетъ во адъ
И живетъ съ тобою;
И будетъ тамъ
Всегда пребывати
И безъ конца непрестанно.

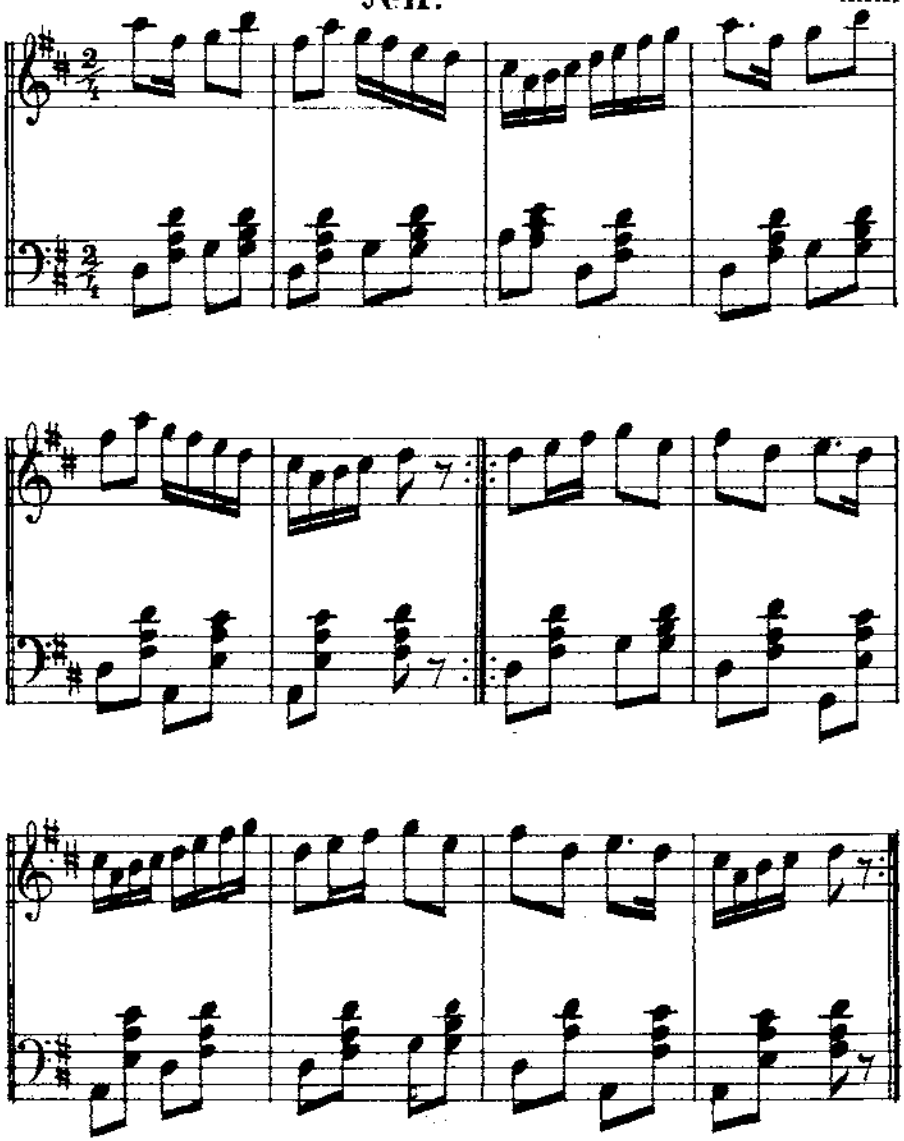
Не відавъ же вінъ,
Що вже истребится
И царство его
Въ конець разорится.
Заслуга ёго
Знатна всімъ и явна,
За те-жъ и пекельна
Бездна изготованна.
О. Ироде преокаянный!

№ 10.


Ой підъ виш не ю, підъ че реш не ю,

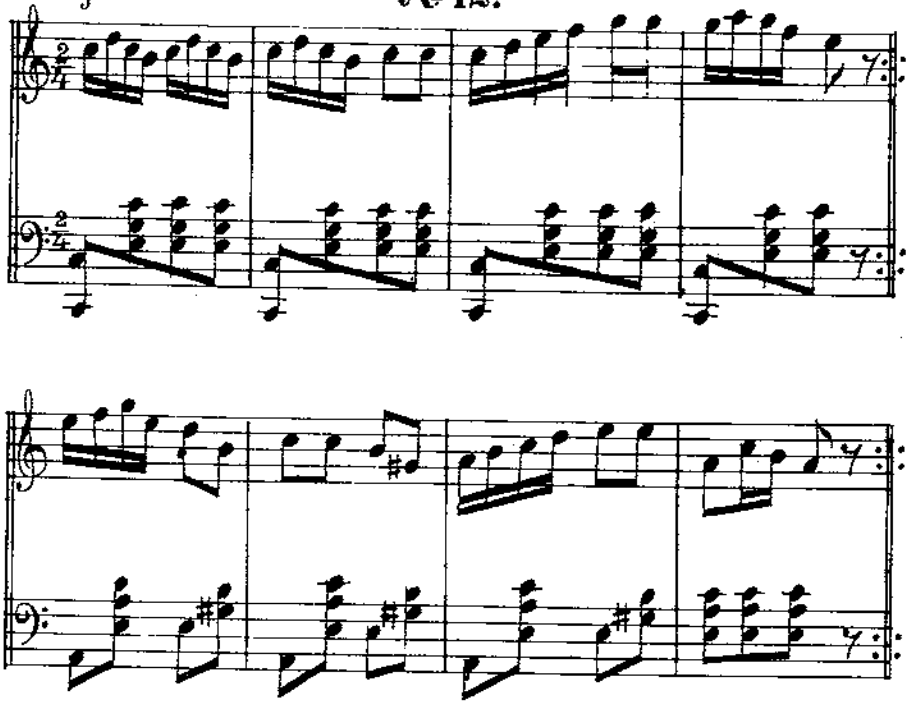

сто явъ ста рый зъмо ло до ю, якъ изъ я год ко ю.

И просилася, и молилася:
Пусти жъ мене, старий діду,
На улицю погулять!
Я и самъ не піду
И тебе не пущу,
Бо ты-жъ мене старенького
Да й покинешь на біду.
Куплю тобі хатку,
И ще й сіножатку,
И ставокъ, и млинокъ.
И вышневенькій садокъ.
Не хочу я хатки
А ни сіножатки,
Ни ставка, ни млинка,
Ни вишневого садка;
Бо ты старый дідуга
Изігнувся, якъ дуга,
А я молоденька
Гуляты раденька.
Ты въ запічку: ахи, ахи!
Я зъ молодымъ: хи-хи, хи-хи!
Ой ты дубъ, я береза,
Охъ ты пьяный, я тверёза.



Allegro.

№ 12.



Гусаръ коня наповавъ,

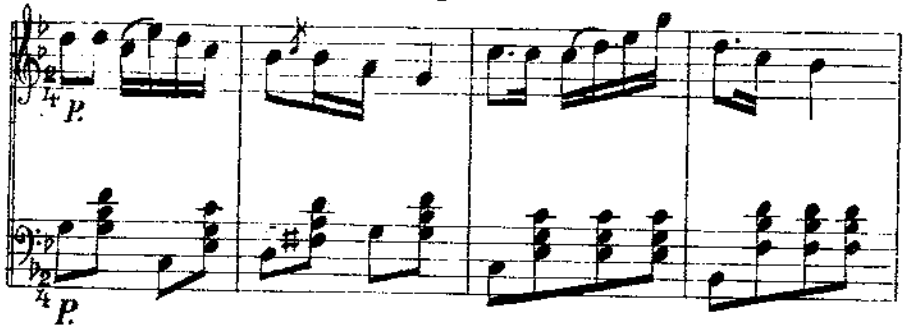
Дзюба воду брала,

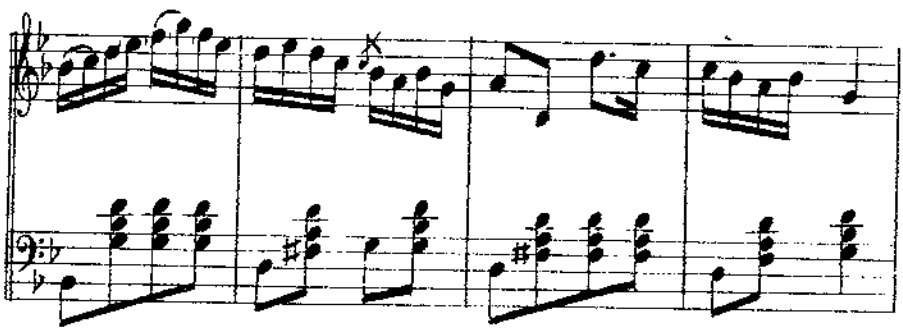
Гусаръ пісню заспівавъ,

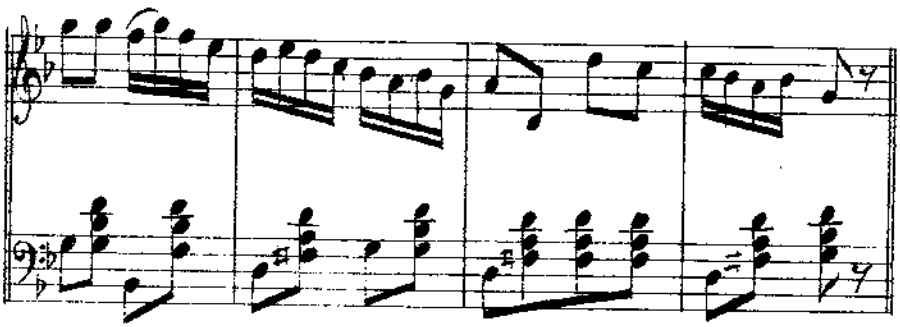
Дзюба заплакала.

Andante

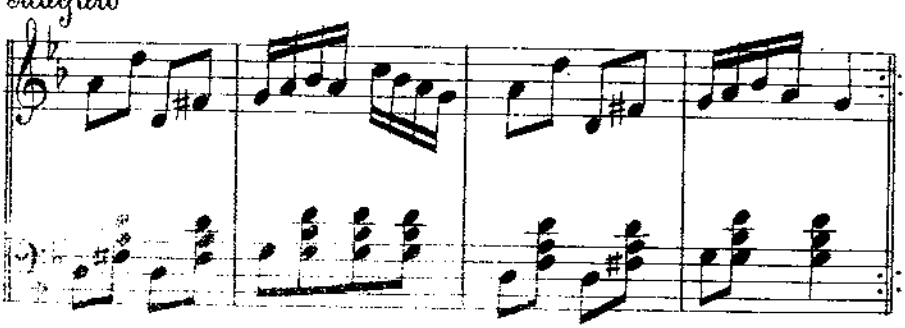
№ 13.







Allegreto



Циганка: Де-жъ, цыгане, ты живешъ?
Цыганъ: Яжъ не маю хаты,
Що выкую та выдурю,
Тілько мені платы.
Хоръ: Припѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Бряжчи, пане, цьнтакомъ.

Цыганъ: Де-жъ, цыганко, ты живешъ?
Циганка: Ой я живу у шатрі,
Не кую, не дурю,
Тілько знаю ачхи-дри!
Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Циганка: Чомъ, цыгане, не орешъ?
Цыганъ: Бо немаю плужка!
Тілько въ мене плужка,—
За поясомъ пужка.
Хоръ: Припѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Бряжчи, пане, цьнтакомъ.

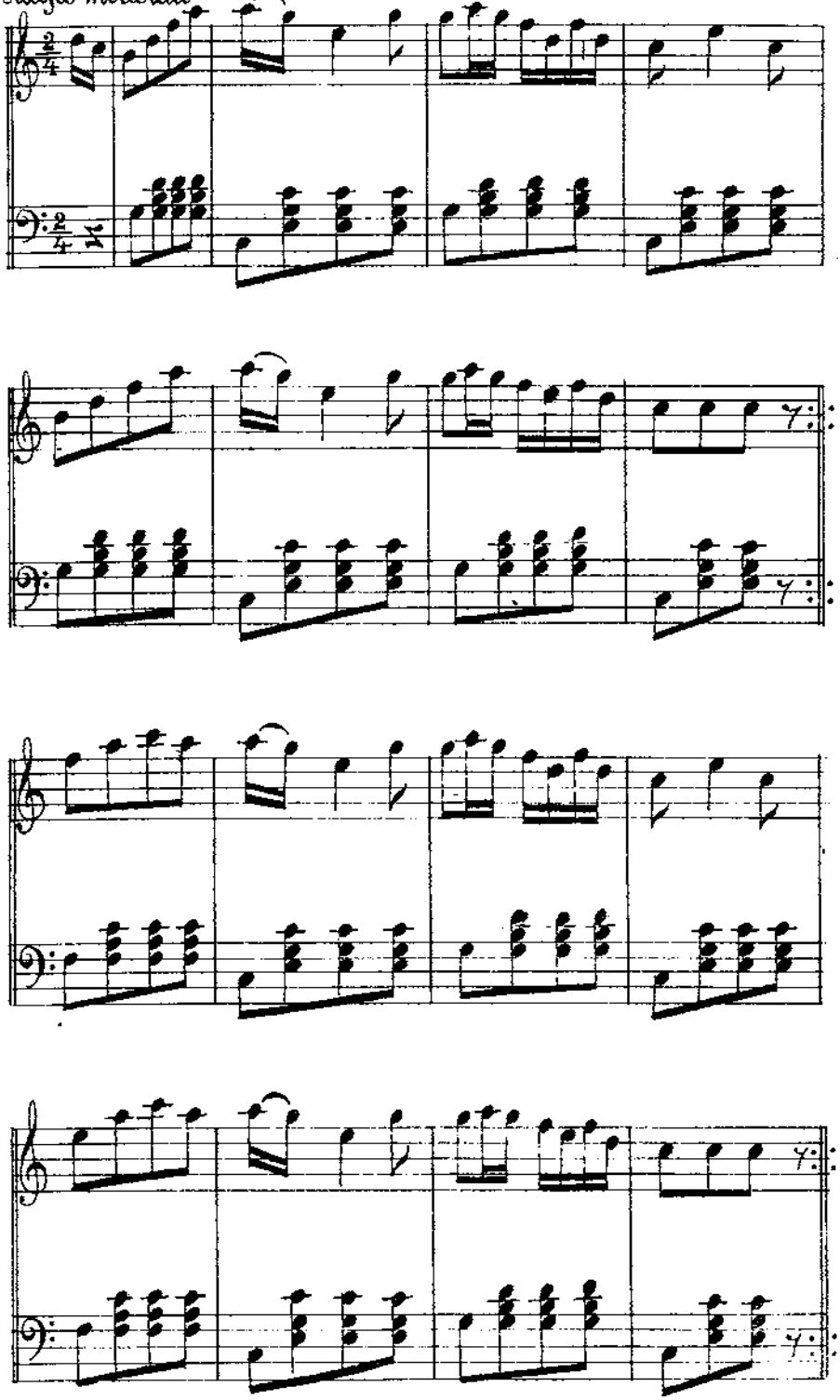
Цыганъ: Чомъ, цыганко, не прядешъ?
Циганка: Бо не вмію прясти.
Изъ за гаю выглядаю,
Щобъ сорочку вкрасти!
Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Циганка: Чимъ ты, цыгане, щастливый?
Цыганъ: Таке-жъ мое щастья,
Якъ украду та продамъ—
Охъ, щобъ ёму трясць!
Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

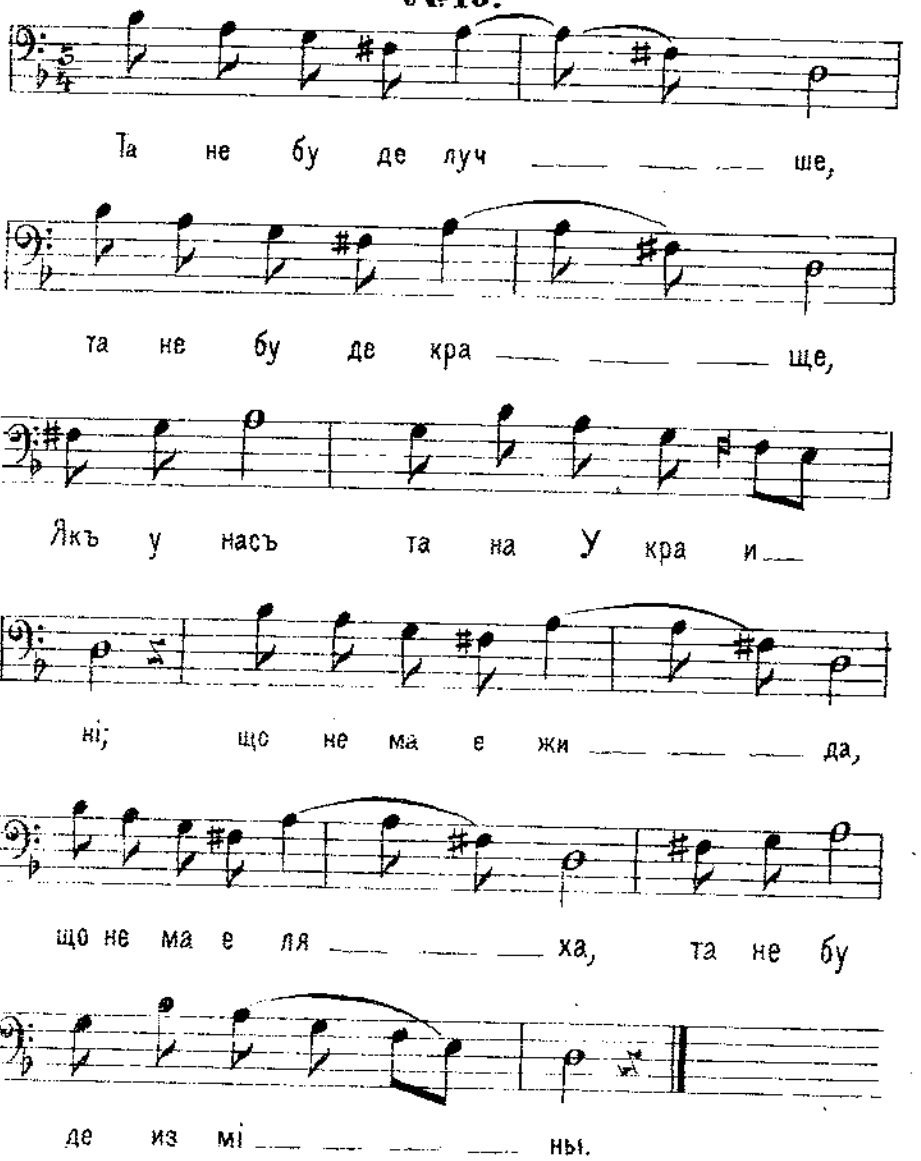
Цыганъ: Де-жъ, цыганко, твої діти?
Циганка: Діти-жъ моі у шатрі:
То кавчять, то пищять,
Якъ щенята—ачхи-дри...

№ 14.

Allegro moderato

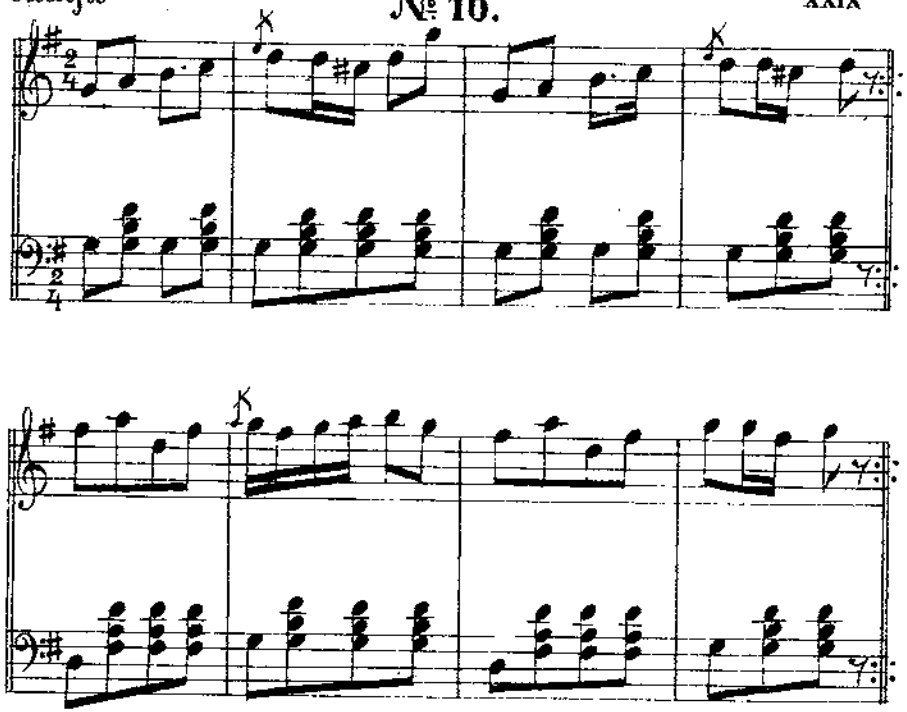


№15.

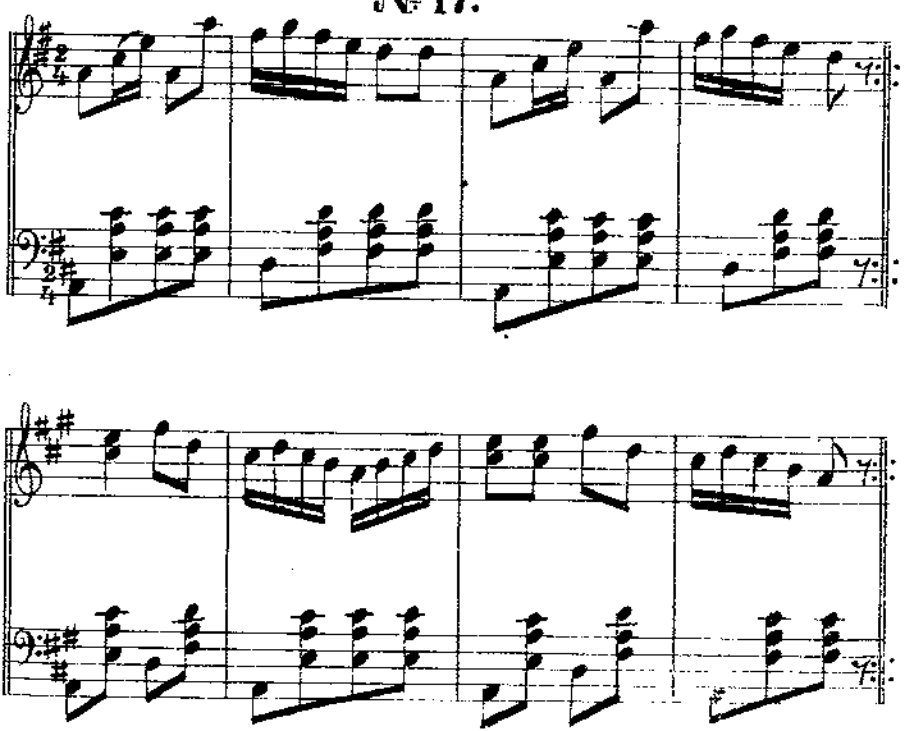

Та не бу де луч ше,
та не бу де кра ще,
Якъ у насъ та на У кра и
ні; що не ма е жи да,
що не ма е ля ха, та не бу
де из мі ны.

Allegro

№ 16.



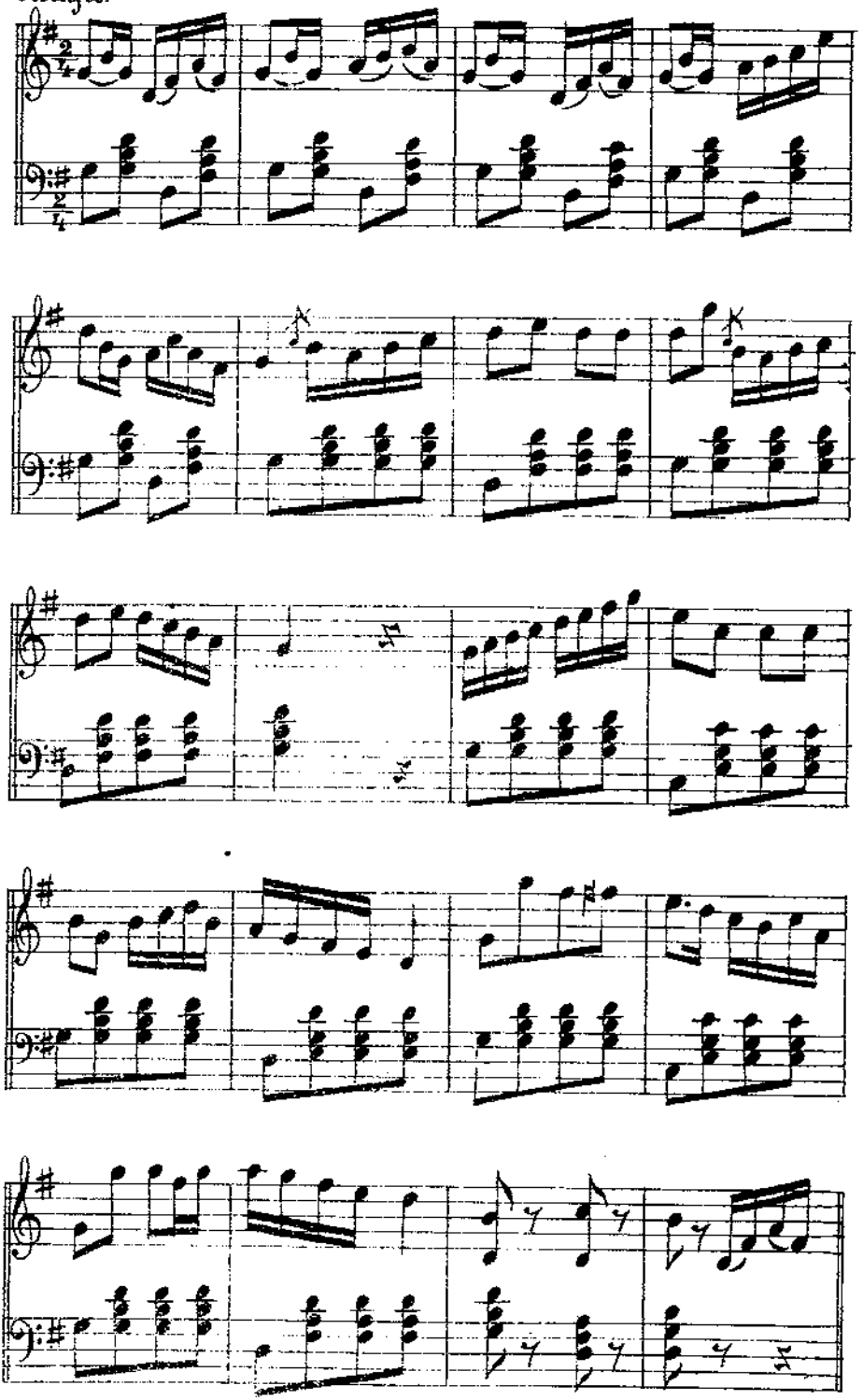
№ 17.



XXX

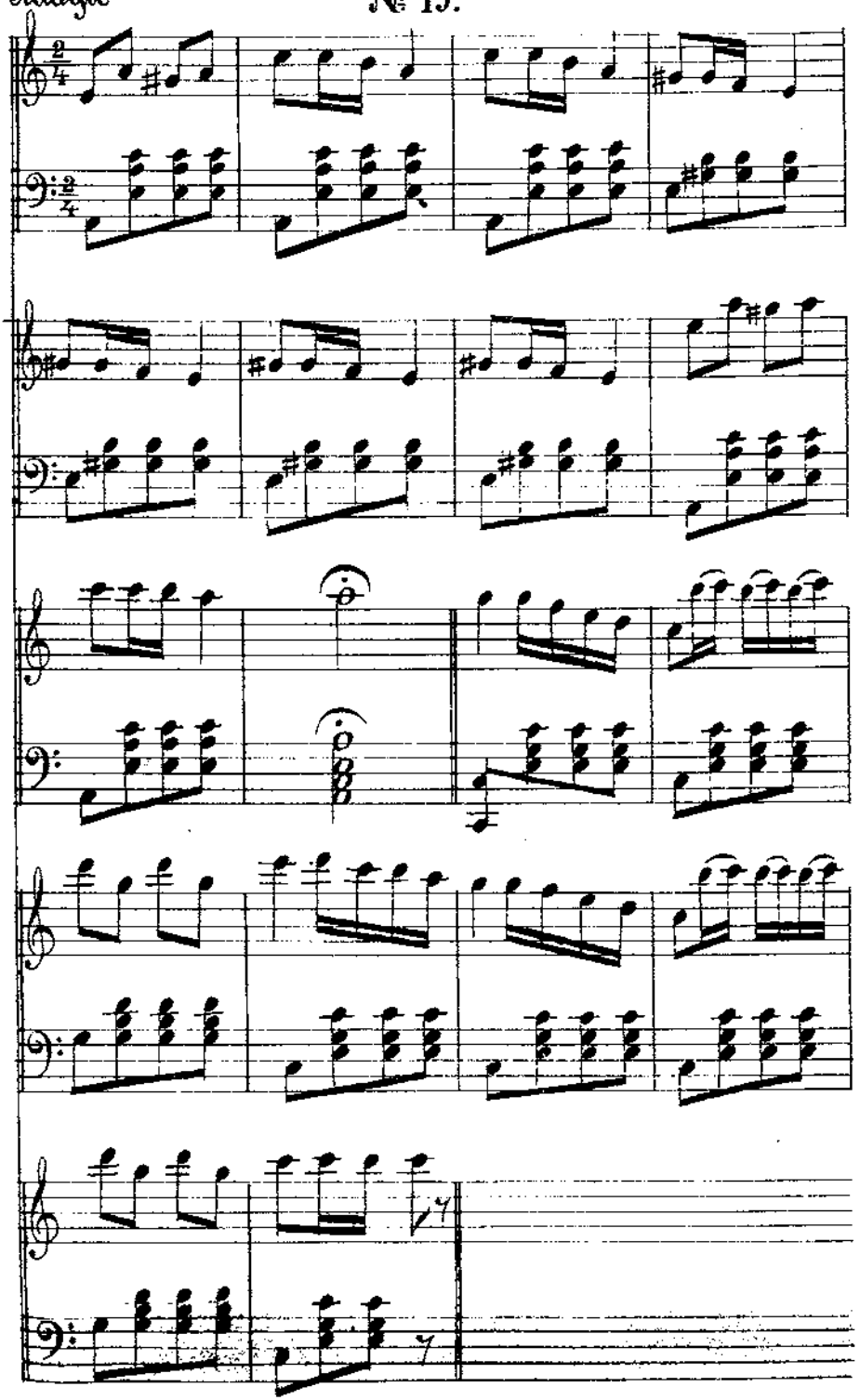
Allegro.

№ 18.



Adagio

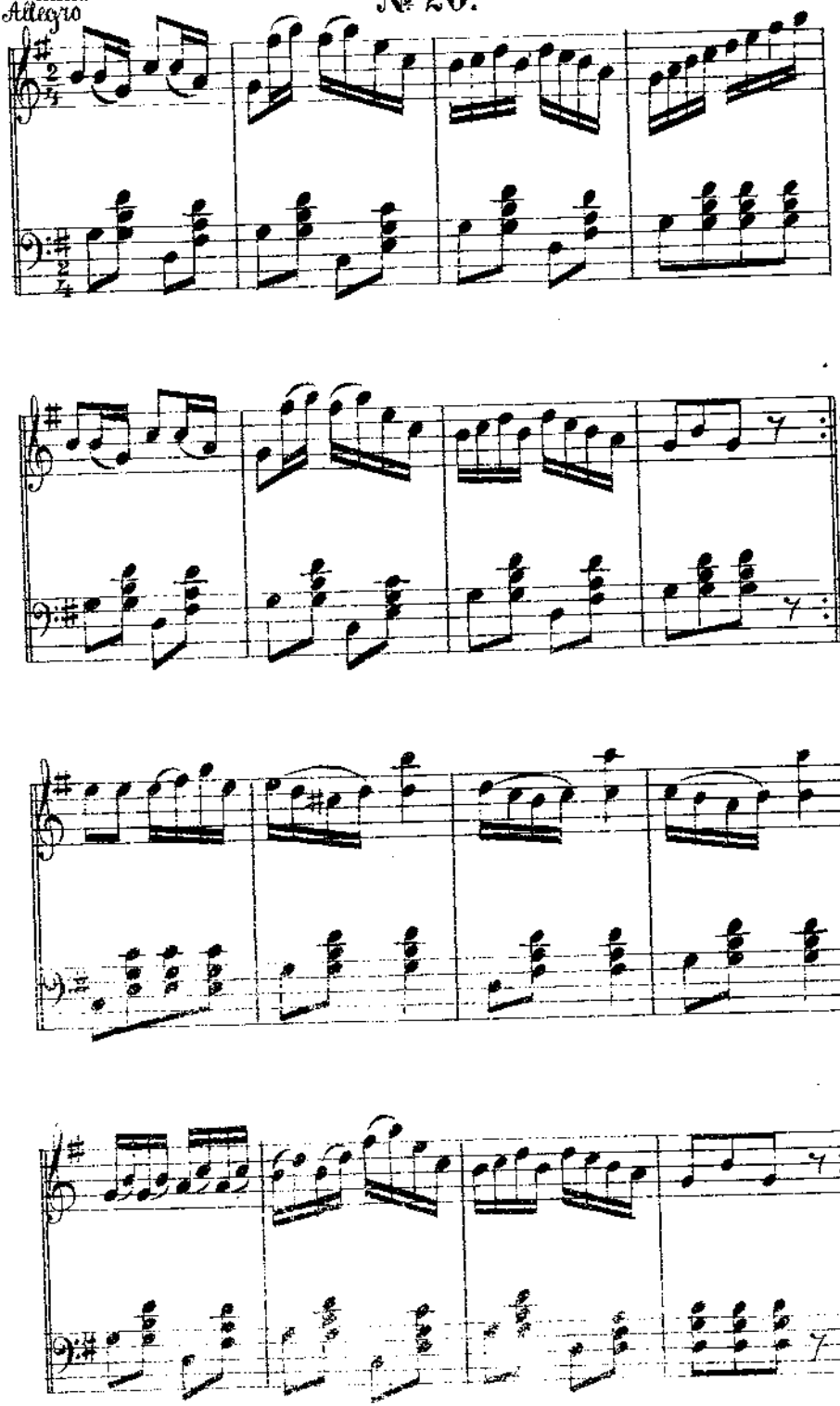
№ 19.



XXXII

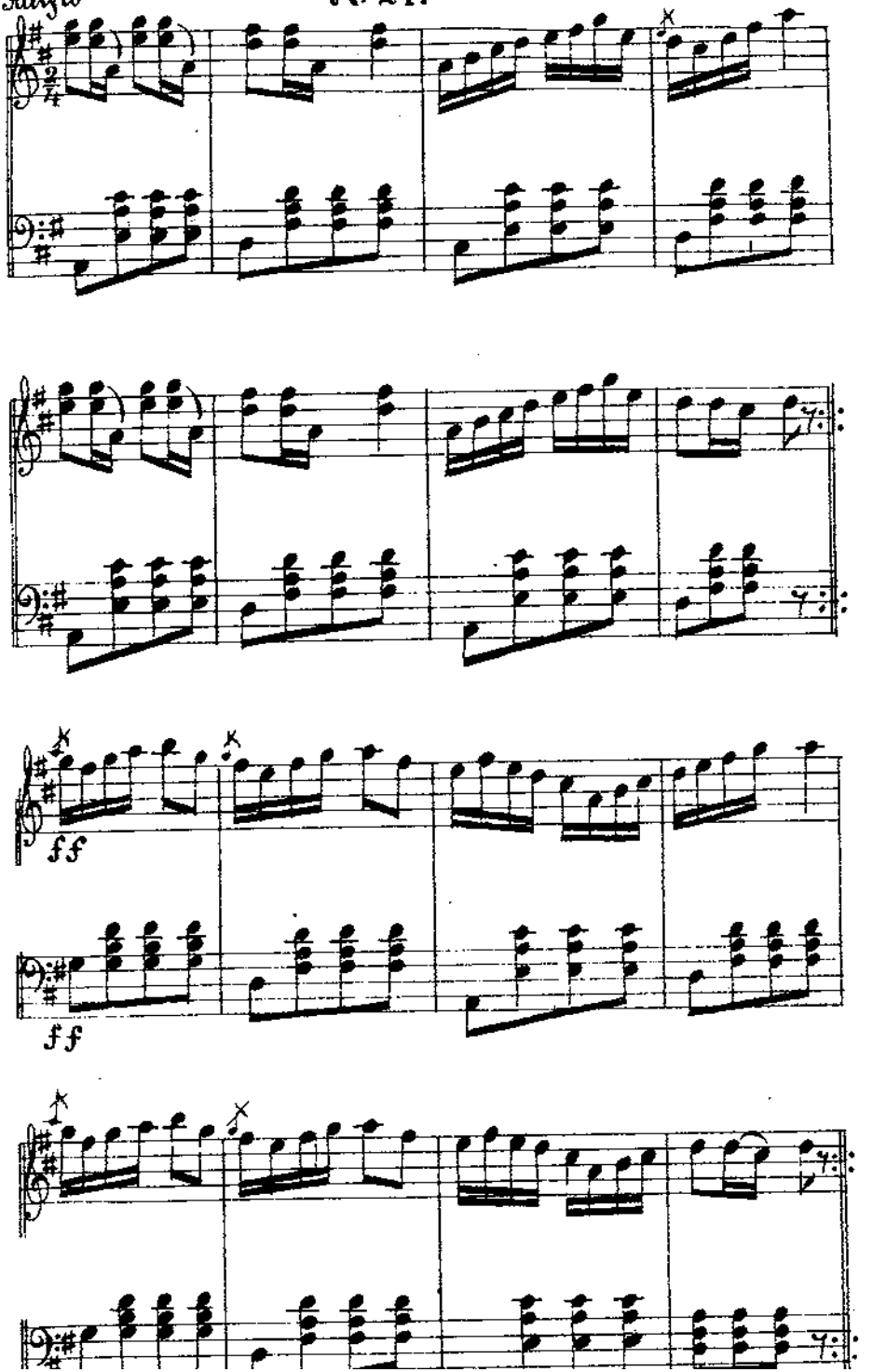
Allegro

№ 20.



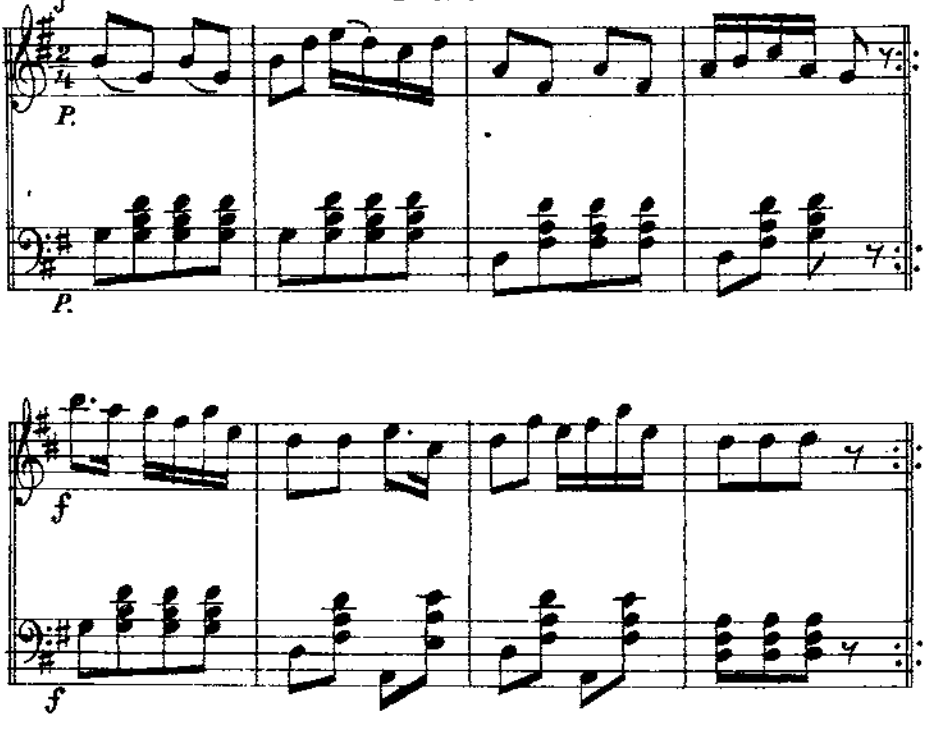
Allegro

№ 21.



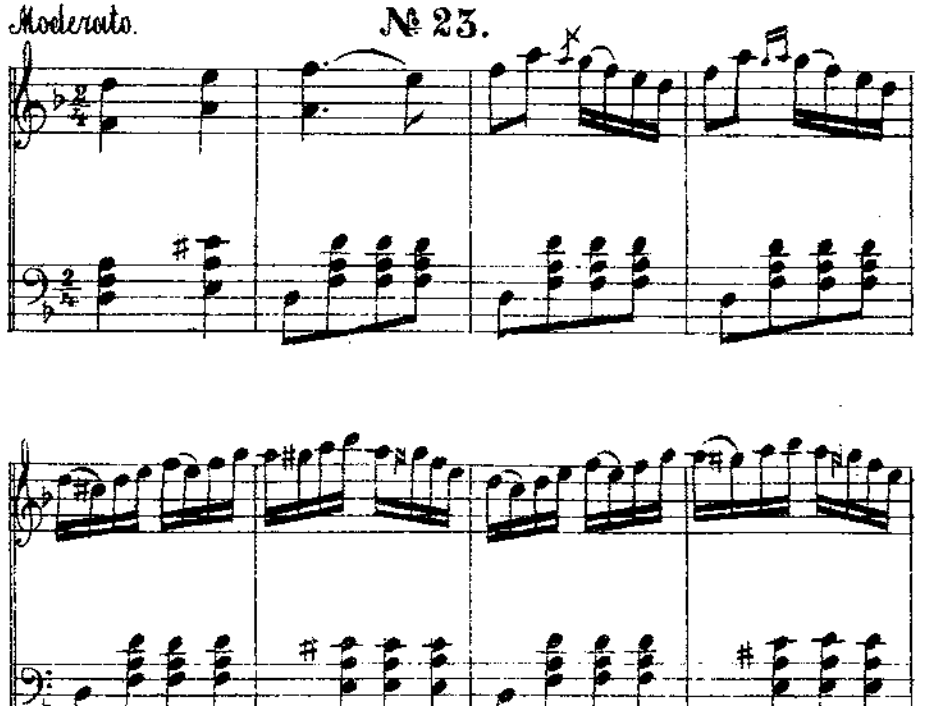
Allegro XXXIV

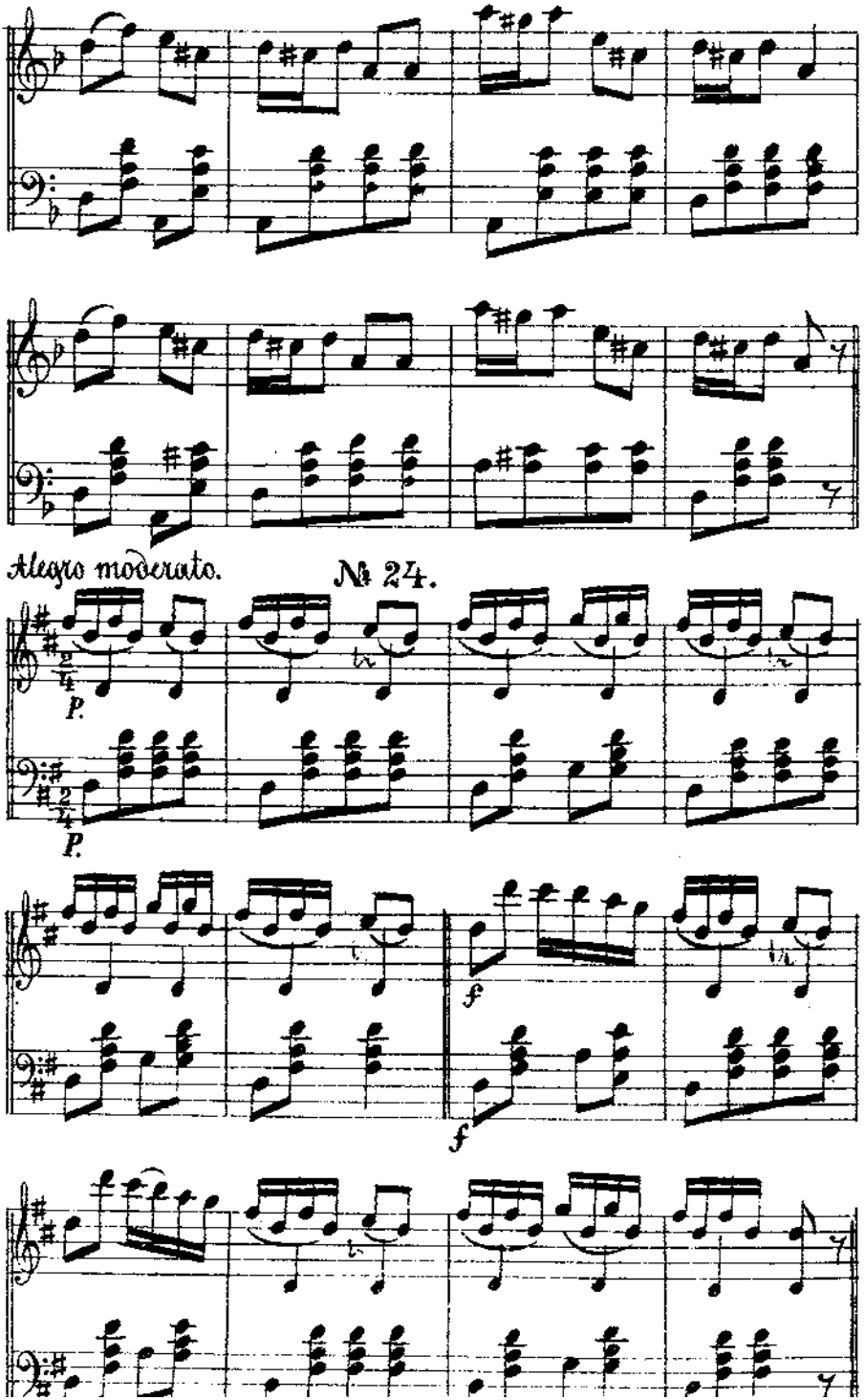
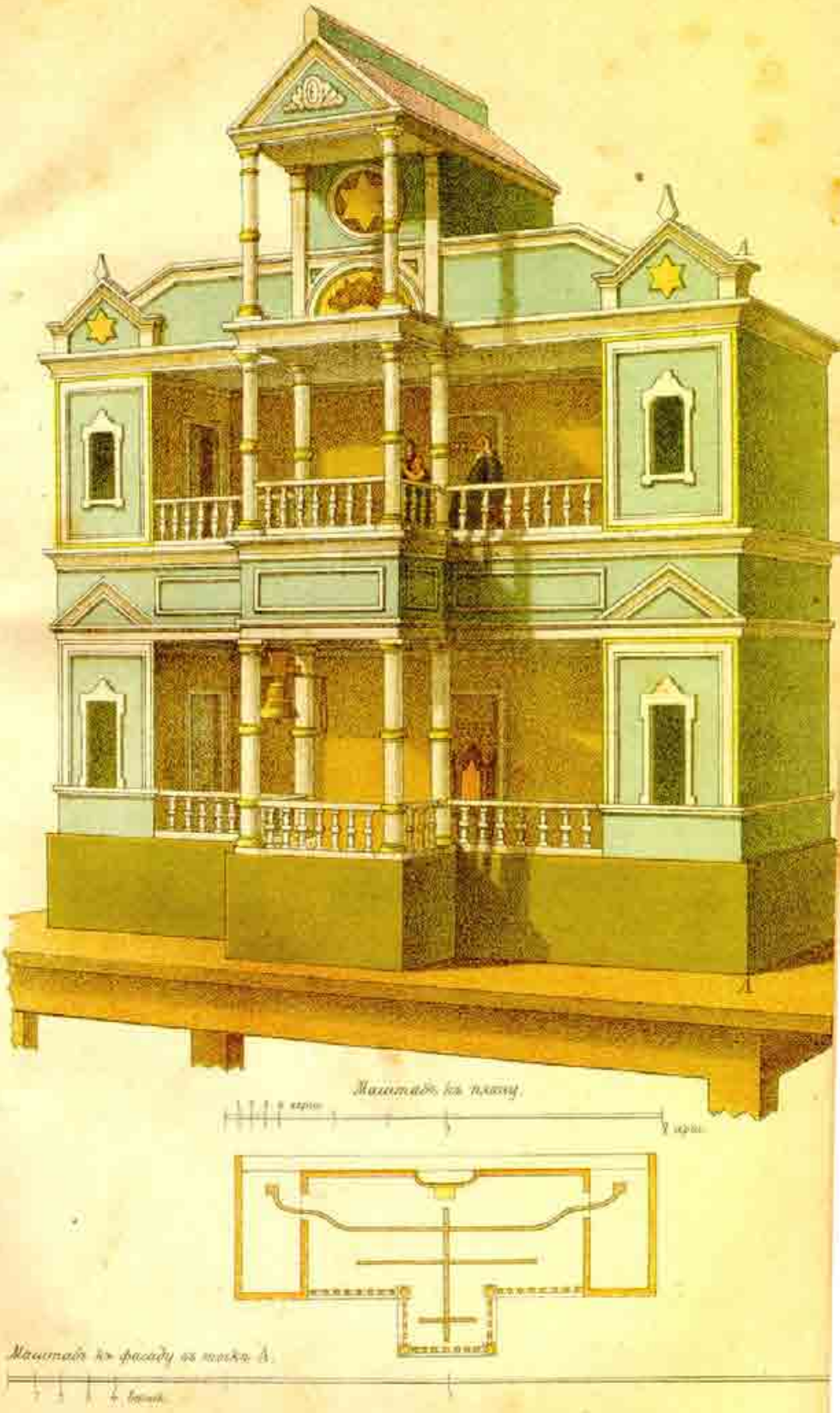
№ 22.



Moderato.

№ 23.




Allegro moderato.
№ 24.
P.
P.
f
f

ЯЩИКЪ ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ.